Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2021 № 4 (32)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rf.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор
В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора
Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь
О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:
В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Ст. Гайда, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Клюканов, Ph.D, проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Серио, Ph.D, проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D, проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D, проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief
Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-7532-5788

Deputy Editor-in-Chief
Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3979-2143

Executive Secretary
Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-8506-0867

Members of the Editorial Board:
Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0003-4323-2832
Elena G. Elina (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-9797-3145
Stanisław Gajda (Opole, Poland), https://orcid.org/0000-0002-2288-9723
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), https://orcid.org/0000-0002-8592-1022
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0001-8306-5317
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), https://orcid.org/0000-0003-2240-0980
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0001-6167-455X
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), https://orcid.org/0000-0001-9415-9757
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), https://orcid.org/0000-0001-8717-9231
Mei Huang (Beijing, China), https://orcid.org/0000-0003-3580-0107
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), https://orcid.org/0000-0002-6609-7090
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), https://orcid.org/0000-0001-8520-5387
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), https://orcid.org/0000-0003-1761-4765
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-6386-0759
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), https://orcid.org/0000-0003-3038-2276
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), https://orcid.org/0000-0002-4925-2490
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), https://orcid.org/0000-0002-4805-883X
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3360-0518
Maria Sifianou (Athens, Greece), https://orcid.org/0000-0002-3231-937X
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3258-4536
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), https://orcid.org/0000-0003-4275-7450
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), https://orcid.org/0000-0003-3399-7364
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), https://orcid.org/0000-0002-4615-6436
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3989-1897
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), https://orcid.org/0000-0001-7155-8755

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

И. А. Тарасова
Саратов, Россия
«Жанр»: номадический концепт или эстетическая универсалия? 252

Исследования отдельных жанров

В. Н. Базылев
Москва, Россия
От хулилок к трэш-току: эволюция жанра 259

В. И. Карасик
Москва, Россия
Иронические поучения 267

С. В. Волынкина
Красноярск, Россия
Речевой жанр экспертизы в аспекте коммуникативного целеполагания 275

Жанры в художественном творчестве

В. П. Москвин
Волгоград, Россия
Речевой портрет О. Мандельштама (К методике филологической оценки поэтического идиолекта) 285

О. В. Кнорц
Новосибирск, Россия
Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации в романе Е. Водолазкина «Лавр» 295

Интернет-жанры

В. В. Дементьев
Саратов, Россия
Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса 305

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

I. A. Tarasova
Saratov, Russia
"Genre": A Nomadic Concept or an Aesthetic Universal? 252

Studies of Individual Genres

V. N. Bazylev
Moscow, Russia
From hooligans to thrash talk: Evolution of the genre 259

V. I. Karasik
Moscow, Russia
Ironical edification 267

S. V. Volynkina
Krasnoyarsk, Russia
Speech genre of an expert report in the context of communicative goal-setting 275

Genres in Art

V. P. Moskvin
Volgograd, Russia
Speech portrait of O. Mandelstam (On the methodology of philological evaluation of poetic idiolect) 285

O. V. Knorz
Novosibirsk, Russia
Semantic-pragmatic potential of reports of refusal of communication in the roman of E. Vodolazkin "Lavr" 295

Internet Genres

V. V. Dementyev
Saratov, Russia
Heart-moving stories about kitties in Runet in the paradigm of the genres of volunteer discourse 305

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 252–258
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 252–258
https://zhanry-rechi.sgu.ru https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-252-258

Научная статья
УДК 82.0+7.01

«Жанр»: номадический концепт или эстетическая универсалия?

И. А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, tarasovaia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3188-215X

Аннотация. В статье ставится проблема метадисциплинарной трактовки термина *жанр*, который с равным успехом можно определить как кочующий концепт (номад) и как универсалию искусства. В центре внимания автора находится вопрос о конфигурации признаков, формирующих понятие жанра в филологии, искусствоведении, музыковедении. Взяв за основу общеэстетические принципы спецификации жанров – *функциональный, тематический и структурный* – автор анализирует их жанрообразующий потенциал в различных видах искусства.

Автор приходит к выводу, что понимание жанра как коммуникативной и формально-содержательной категории обеспечивает междисциплинарный диалог, в то же время жанровые доминанты могут быть различны. Для речевых жанров такой доминантной является коммуникативная цель, для живописных жанров – предметное содержание. Семантический параметр жанра сходным образом осмысляется в литературоведении и музыковедении. Общность филологии и музыковедения обнаруживается в делении на первичные и вторичные жанры. Структурный параметр включает в себя композиционные особенности и элементы жанровой стилистики. Удельный вес этого параметра особенно высок в канонических (протолитературных и литературных) и первичных музыкальных жанрах. Значение структурных признаков жанра обратно пропорционально предметной наглядности вида искусства. Наименее значим этот параметр для жанровой идентификации живописного произведения.

Ключевые слова: жанр, универсалия, эстетическая категория, литература, музыка, живопись

Для цитирования: *Тарасова И. А.* «Жанр» : номадический концепт или эстетическая универсалия? // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 252–258. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-252-258

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Genre”: A nomadic concept or an aesthetic universal?

I. A. Tarasova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Tarasova, tarasovaia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3188-215X

Abstract. The article raises the problem of the metadisciplinary interpretation of the term “genre”, which can be equally well defined as a nomadic concept or as an artistic universal. The author focuses on the question of the configuration of features defining the concept of genre in philology, art history, and musicology. Taking as a basis the general aesthetic principles of genre specification – functional, thematic, and structural – the author analyzes their genre-forming potential in various artistic forms and comes to the conclusion that understanding genre as a communicative and formally meaningful category provides an interdisciplinary dialogue, but at the same time, genre dominants can be different. For speech genres, such a dominant is a communicative goal, for painting genres – a subject content. The semantic parameter of the genre is interpreted in a similar way in

© Тарасова И. А., 2021

literary criticism and musicology. The division into primary and secondary genres is a common feature for both philology and musicology. The structural parameter includes compositional features and elements of genre style, and the specific weight of this parameter is especially high in canonical (protoliterary and literary) and primary musical genres. The meaning of the structural features of the genre is inversely proportional to the visualization of an artistic form. This parameter is least significant for the genre identification of a painting.

Keywords: genre, universal, aesthetic category, literature, music, painting

For citation: Tarasova I. A. "Genre" : A nomadic concept or an aesthetic universal? *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 252–258 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-252-258

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Современная тенденция к созданию междисциплинарного знания актуализирует проблему «взаимопереводимости» кроссдисциплинарных терминов – «мигрирующих элементов» смежных научных подсистем [1: 83]. Так, Ф. Дарбелли (F. Darbellay) убежден, что феномен интердисциплинарности зиждется на этом концептуальном интерфейсе, открывающем новые точки взаимодействия и обеспечивающем межпарадигмальный диалог [2]. В статье, посвященной процессу циркуляции знаний, автор указывает на важную роль кроссдисциплинарных понятий как эффективных эвристических инструментов, позволяющих «наводить мосты» между разными науками [2: 10].

Проблема кроссдисциплинарного инварианта термина «жанр» в филологии поставлена нами в статье [3]. В настоящей работе мы расширяем поле исследований и ставим вопрос об общих признаках, специфицирующих понятие жанра в филологии, искусствоведении, музыковедении.

Взгляд на междисциплинарные термины как «концептуальные скрепы», связывающие различные дисциплины, является дискуссионным. Высказывается точка зрения, что они, напротив, приводят к разобщению и непониманию. Так, в статье Н. Брагиной представлены примеры концептуального несовпадения терминов литературоведения и музыковедения, являющихся, по сути, омонимичными (*тема, мотив, полифония* и др.). Исследователь предостерегает от метафорического использования музыкальной терминологии, создающего только иллюзию междисциплинарного диалога [4: 71].

Наша интенция носит во многом противоположный характер. Не отрицая различий в конфигурации содержательных признаков базового понятия *жанр* в различных терминосистемах (литературоведении, искусствоведении, музыковедении), мы тем не менее пытаемся реконструировать междисциплинарный инвариант этого концепта-номада[1], который позволяет считать жанр эстетической универсалией. Такой подход предложен в работах по эстетике, где жанр трактуется как межэпохальная универсалия искусства, под которой понимается относительно устойчивый тип художественных произведений [5][2] .

Однако на основании каких признаков устанавливаются эти типы в разных видах искусства? Можно ли здесь обнаружить сходные критерии жанровой классификации?

С. Н. Бройтман определяет литературный жанр как «типическую форму целого художественного высказывания, включающую в себя функциональное, тематическое и формальное (стилистическое) начала» [7: 191]. О коммуникативных, семантических и тектонических (структурных) параметрах музыкального жанра пишет Е. В. Назайкинский [8]. Видимо, *функциональный, тематический* и *структурный* принципы выделения жанров можно рассматривать как общеэстетические [9: 89]. Проанализируем их жанрообразующий потенциал в различных видах искусства.

Коммуникативная функция жанра

Коммуникативная функция является определяющим признаком речевых жанров как форм социального взаимодействия. М. М. Бахтин считал ее жанропорождающим фактором: «Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [10: 164]

Для речевых жанров ведущая роль коммуникативного параметра несомненна, в то

[1]Образ номадических (nomadic), или кочующих (travelling), концептов заимствован из работы Фредерика Дарбелли [2].

[2]Согласно изысканиям А. З. Васильева [6], впервые термин «жанр» в классификационном значении употребил А. Н. Веселовский в конце XIX века. В 1920-е годы термин проникает во все разделы искусствознания, где до этого в сходном значении употреблялось слово «род».

время как у литературных жанров функциональный параметр не всегда присутствует в отчетливом виде и в известной мере факультативен. Предположим, жанровая цель торжественной оды – «показ мощи, величия, неземного характера земной власти» [11: 94]. Жанровая цель послания – коммуникативная установка на общение с Другим [12: 305]. Коммуникативной целью басни как дидактического жанра можно считать нравоучение. Но как сформулировать коммуникативную цель лирического стихотворения или поэмы?

Думается, что в литературных жанрах коммуникативная функция в целом подчиняется эстетической: «Литературный жанр <…> представляет собой исторически продуктивный тип высказывания, реализующий определенную коммуникативную стратегию эстетического по своим предметам, цели и ситуации дискурса» [11: 17].

Коммуникативный подход к жанру широко распространен в музыковедении.

«Жанром называется порождающая закономерность вида музыкальной структуры, соответствующего определенной функции – социально-практической или художественной», – утверждает О. В. Соколов [13: 20]. Конкретное жизненное предназначение (общественная, бытовая, художественная функция) называет основным критерием жанровой дифференциации Е. В. Назайкинский [8: 33].

Функциональный подход отчетливо присутствует в жанровых типологиях таких авторитетных музыковедов, как А. Сохор и В. Цуккерман.

В классификации музыкальных жанров А. Н. Сохор исходит из допущения, что жанр – это вид музыкальных произведений, определяемый прежде всего той обстановкой исполнения, требованиям которой объективно соответствует произведение [14: 28].

Целый комплекс коммуникативных условий предлагает учитывать при создании жанровых классификаций В. Цуккерман: 1) где исполняют (концертный зал, эстрада, оперная иди драматическая сцена, улица или домашняя обстановка); 2) кто исполняет; 3) для кого исполняют; 4) для чего исполняют (прикладное или чисто художественное значение) [15: 61].

Представляется, что функциональный критерий можно считать определяющим для первичных музыкальных жанров, т. е. тех, которые наиболее тесно связаны с внемузыкальной действительностью (марш, колыбельная, хорал), но он оказывается явно недостаточным при анализе вторичных жанров, которые «родились в процессе развития и дифференциации профессиональной музыки» [15: 63]. Не случайно А. Сохор проводит параллель между функциональным подходом к музыкальным и фольклорным жанрам, для которых фактор коммуникативной цели является решающим [14: 17] .

Несмотря на эту оговорку, следует подчеркнуть, что в музыкальный энциклопедический словарь вошло определение, педалирующее функциональное предназначение жанра в музыке: «Жанр музыкальный – многозначное понятие, характеризующее исторически сложившиеся роды и виды музыкальных произведений в связи с их происхождением и жизненным назначением, способом и условиями (местом) исполнения и восприятия» [16: 192].

Что касается живописи, то коммуникативная природа жанра учитывается и здесь. Так, автор «Нового энциклопедического словаря изобразительного искусства» В. Власов наделяет живописный жанр прагматической функцией: «Жанр точнее всего отражает актуальность искусства, отклик творческих усилий художника на потребности времени, исторической обстановки. Сначала появляется потребность, затем формируется функция, а потом подыскивается нужный предмет. Поэтому жанр является *предметно-функциональным* понятием» [17: 623].

Тематическая определенность жанра. Жанровое содержание и жанровый образ мира

Говоря о жанре как типическом целом художественного высказывания (в работе «Формальный метод в литературоведении»), Бахтин указывает на двойственный характер этой целостности: жанр одновременно обращен к реальной действительности (с этим связана коммуникативная функция жанра) и к собственной внутренней художественной реальности: «Произведение ориентировано, во-первых, на слушателей и воспринимающих и на определенные условия исполнения и восприятия. Во-вторых, произведение ориентировано в жизни, так сказать, изнутри, своим тематическим содержанием» [18: 307].

Именно содержательный параметр связывает жанр и порождающую его экстра- (лингвистическую/литературную/музыкальную) среду. Но самым непосредственным образом отображенная в произведении действительность определяет жанр в изобразительном искусстве[3]

«Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства» подчеркивает содержательную основу жанра: «Жанр – общность художественных произведений, складываю-

[3]В историческом обзоре Л. И. Нехвядович показано, что критерием жанровой дифференциации в живописи неизменно оказывался предмет изображения [19].

щаяся в процессе исторического развития искусства на основе их *самоопределения по предметному смыслу* – в результате взаимодействия гносеологической и аксиологической функций художественной деятельности» [17: 623].

Можно утверждать, что жанровая определенность в изобразительном искусстве – это определенность тематическая и сюжетная.

Более сложное наполнение имеет содержательный параметр в квалификации литературного жанра.

Тематическое единство произведения – это зона и поле ценностного восприятия и изображения мира, т. е. определенный *образ мира*, соотносящийся с тем или иным жанром: «Каждый жанр способен овладеть лишь определенными сторонами действительности, ему принадлежат определенные принципы отбора, определенные формы видения и понимания этой действительности, определенные степени широты охвата и глубины проникновения <…> Каждый жанр, если это действительно существенный жанр, есть сложная система средств и способов понимающего овладения и завершения действительности» [18: 308, 310]. Аналогичную мысль высказывает Г. Гачев: «Каждый жанр и стиль позволяет родиться лишь мысли, уже соответствующей тому пониманию мира, которое предполагает данный жанр» [20: 92].

Параметр образа (картины) мира внесен в описание литературных и протолитературных жанров в авторитетном академическом издании под редакцией Н. Д. Тамарченко. Так, жанровая картина мира *сказания* и *сказки* определяется как ритуально-мифологическая: это фатально непреложный и неоспоримый круговорот жизни – смерти – жизни. В отличие от *мифа*, в центр этой картины мира помещен человек. Жанровая картина мира в *притче* – императивна, здесь царит нравственный закон.

В канонических жанрах типичное жанровое содержание описывается в категориях тематики, предметного мира и хронотопа. Например, *идиллический* хронотоп – «домашнее», закрытое от внешнего мира пространство; идиллический мир – это прежде всего элементы ландшафта; предметная сфера идиллии – дом и хозяйственно-бытовая сфера. Сферы быта и искусства друг другу не противопоставлены – это все атрибуты идиллического существования [11: 106]. Напротив, *элегический* хронотоп включает в себя противопоставление природного циклического времени – индивидуальному. В основе элегической тематики лежит переживание безвозвратно уходящего времени, уносящего молодость, надежды, мечты, любовь, жизнь и разрушающего ценности и идеалы [11: 111]. В *послании* противопоставлены две контрастные пространственные формы жизни: большая (внешняя) жизнь и «мир дома» (идиллический хронотоп). «Герой послания находится все еще внутри идиллического мира, но уже знает о существовании другой системы ценностей, другого образа жизни» [11: 123].

В музыкальных жанрах содержательный параметр не может описываться в категориях темы: этот термин в музыке имеет другое значение [4: 67]. Круг музыкальных образов охватывается термином «жанровое содержание» [14: 34].

Показательные примеры типичного жанрового содержания приводит в своей книге В. Цуккерман. Вот каким предстает у исследователя жанровое содержание *серенады*: «Само слово “серенада” означает “вечернюю музыку”. В дальнейшем серенада получила значение приветственной или любовной песни, воспеваемой под окном возлюбленной. Отсюда возник *жанровый комплекс* серенады: сочная, иногда призывная мелодия и аккомпанемент, подражающий бряцанию аккордов гитары или перебору струн мандолины, нередко с танцевальным оттенком вальсового типа» [15: 80]. В жанровом комплексе *баркаролы*, помимо черт, общих с другими светлыми и спокойными жанрами лирики[4] (умеренный темп, ясное отделение мелодии от аккомпанемента, признаки колыхания в ритме и фактуре), заметны элементы изобразительности, связанные с водной стихией: они то рисуют картину водной глади (в песне Венецианского гостя из «Садко» Римского-Корсакова), то звучат как подражание округлому бегу или всплеску волн («Венецианские гондольеры» Мендельсона), то создают имитацию мерного движения весел (баркарола Шопена) [15: 81].

В концепции Е. В. Назайкинского жанровое содержание связывается с понятием «памяти жанра»: «Военный походный марш – это не только активный двухдольный ритм, не только сложная трехчастная форма с “соло басов” или кантиленными мелодиями баритонов в средней части. Это и способ организации движения, и энергичная, синхронизированная поступь движущейся колонны. Это, в сущности, и весь стоящий за картиной марша традиционный армейский уклад. Этот комплекс и входит весомой частью в хранимое памятью жанра содержание» [8: 103].

В учебнике М. Ш. Бонфельда «Введение в музыкознание» проводится мысль о жан-

[4] В. Цуккерман, ориентируясь на литературные роды, выделяет эпические, лирические и моторные жанры (связанные с отображением и организацией движения) [Цуккерман 15: 66].

ре как обобщенном, целостном представлении о художественной действительности (как действительности, уже запечатленной в музыке) [21: 165], что близко пониманию жанра как модели мировосприятия у М. Бахтина [18: 308].

Жанровое содержание обеспечивает семантическую функцию жанра.

Формальные признаки жанра. Жанр как формально-содержательное единство

По авторитетному утверждению С. С. Аверинцева, «жанр есть исторически сложившаяся форма сосуществования элементов топики, стиля и стиха» [11: 50].

Формальные признаки особенно ощутимы у канонических литературных и протолитературных жанров. Это могут быть композиционные особенности, определяющие структуру жанра: например, пуант – неожиданный поворотный пункт сюжета *новеллы*; буколический диалог как композиционно-речевая особенность *идиллии* [11: 108]. Но это может быть и своеобразная жанровая стилистика: стилистика общинного, обезличенного слова *сказания*; высокий стиль *оды* вкупе с устойчивой идиоматикой; устойчивые семантические группы в словаре *элегии*, сочетание прозаизмов и традиционной поэтической фразеологии в жанре *послания* [11].

За основу описания музыкальных жанров В. Цуккерман принимает формально-содержательный критерий: «содержание произведения, круг его образов, тип выразительности и отвечающий ему устойчивый комплекс художественных приемов» [15: 61]. Этот жанровый комплекс выразительных средств может включать себя темп, ритм, фактуру (соотношение мелодии и аккомпанемента), тональность (мажор или минор), музыкальную интонацию и др.

Н. Н. Брагина утверждает, что «в музыке понятия жанра и формы практически совпадают: симфония, фуга, соната, рондо и т. д. – жанры, за которыми закреплена определенная форма» [4: 65]. В литературоведении подобные случаи определяются как твердые строфические формы или строфические жанры: *сонет, триолет, канцона, хокку* и др. [22: 259]. Строфическая форма становится жанром, если к формальным особенностям присоединяются содержательные. Так, для сонета характерна двухчастность, причем кода обычно опровергает положения основной части текста; тематически сонет связан с традицией любовной и философской лирики [22: 260].

Понятие музыкальной формы, по В. Цуккерману, определяется структурными (композиционными) особенностями произведений [15: 132]. В числе основных музыкальных форм, построенных на принципе повторности, исследователь называет куплетную, сонатную, форму рондо, фуги и др.

Однако, как мы показали выше, в музыковедении формальный критерий является далеко не единственным, будучи дополненным функциональным и содержательным параметрами. Память о жанровой семантике несут в себе относящиеся к музыкальной форме термины *рондо, сюита, соната*: рондо (буквально – круг) первоначально связано с хороводной песней, сюита – с последовательностью французских придворных танцев [8]. Другими словами, форма генетически связана с содержанием.

Глубокое обоснование понимание жанра как содержательной формы нашло в работе Г. Д. Гачева [20]. Используя метафору жанр – кристалл, автор пишет: «Форма когда-то была содержанием; литературные структуры, которые мы теперь, омертвив и превратив в схемы, подводим под категории рода и вида: драма, сатира, элегия, роман – при своем рождении были живым истечением литературно-художественного содержания, которое в данном историческом состоянии мира возникало как наиболее органичное выражение ситуации жизни в литературе. Литературная структура абсорбирует в себе это жизненное содержание и потом излучает из себя на каждую новую эпоху, идею, писателя» [20: 17–18].

Думается, чутко уловленные исследователем закономерности жанрообразования действуют и в сфере литературы, и в сфере музыки.

Заключение

Будучи междисциплинарным термином и номадическим (кочующим) концептом, жанр обладает способностью создавать из имеющегося набора жанровых признаков различные конфигурации, отражающие специфику того или иного вида искусства. В то же время кроссдисциплинарный инвариант этого термина позволяет рассматривать жанр как метаконцепт и эстетическую универсалию.

Считаем, что общими признаками жанра в литературе, музыке и живописи являются три параметра: функциональный, содержательный и структурный.

Функциональный параметр обеспечивает жанру статус проводника художественной коммуникации. Значение конструктивных (структурных) признаков жанра обратно пропорционально предметной наглядности вида искусства: «искусства, удаленные от “понятийности” и “предметности”, нуждаются в том, чтобы их художественный язык был с особой прочностью организован <…> сложное содержание этих искусств выражается через форму, пре-

дельно “разъясняющую” развитие содержания, всемерно облегчающую его познание» [15: 135]. Именно к таким искусствам относится музыка.

В наибольшей степени обладает свойством предметности живопись. Здесь в определении жанра доминирует тематический параметр. Не случайно в области беспредметного искусства понятие жанра нивелируется.

Наконец, литературный жанр, занимая серединное положение между живописным и музыкальным, отвечает инвариантному представлению о жанре как формально-содержательном единстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зыкова И. В.* К проблеме конвертируемости терминов при построении языка междисциплинарной науки // Образы языка и зигзаги дискурса : сб. науч. ст. к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко. М. : Культурная революция, 2018. С. 80–98.

2. *Darbellay F.* The circulation of knowledge as an interdisciplinary process : Travelling Concepts, Analogies and Metaphors // Issues in Intergrative Studies. 2012. № 30. P. 1–18.

3. *Тарасова И. А.* Жанр : к проблеме кроссдисциплинарного инварианта термина // Языковое сознание. Речевая коммуникация : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти проф. В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 200–205.

4. *Брагина Н. Н.* О возможности анализа литературного текста методом, принятым в музыковедении // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). С. 64–73.

5. *Кривцун О. А.* Эстетика : учебник. М. : Аспект Пресс, 2000. 434 с. URL: https : // www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Krivcyn/_16.php (дата обращения : 16.01.2021).

6. *Васильев А. З.* Из истории категории «жанр» // Проблемы исторической поэтики. 1990. № 1. С. 11–21.

7. *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика. М. : Академия, 2004. 368 с.

8. *Назайкинский Е. В.* Стиль и жанр в музыке. М. : Владос, 2003. 248 с.

9. Эстетика : словарь / под общ. ред. А. А. Беляева. М. : Политиздат, 1989. 447 с.

10. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.

11. Теория литературных жанров / под ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Академия, 2012. 256 с.

12. *Тарасова И. А.* Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание» : инвариант и культурные трансформации // Жанры речи : сб. науч. ст. ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. С. 300–311.

13. *Соколов О. В.* Морфологическая система музыки и ее художественные жанры : автореф. дис. … д-ра искусствоведения. М. 1995. 39 с.

14. *Сохор А.* Эстетическая природа жанра в музыке. М. : Музыка, 1968. 104 с.

15. *Цуккерман В.* Музыкальные жанры и основы музыкальных форм. М. : Музыка, 1964. 160 с.

16. *Чередниченко Т. В.* Жанр музыкальный // Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г. В. Келдыш. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 192.

17. *Власов В.* Жанр // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 6 т. Т. 3. СПб. : Азбука-классика, 2005. С. 623–626.

18. *Бахтин М. М.* (Медведев П. Н.) Формальный метод в литературоведении. (Критическое введение в социологическую поэтику) // Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М. : Лабиринт, 2000. С. 195–348.

19. *Нехвядович Л. И.* Жанр как фундаментальная категория искусствоведения // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 302–304.

20. *Гачев Г. Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М. : Просвещение, 1968. 302 с.

21. *Бонфельд М. Ш.* Введение в музыкознание. М. : Владос, 2001. 224 с.

22. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. 358 с.

REFERENCES

1. Zykova I. V. On the problem of convertibility of terms in the construction of the language of interdisciplinary science. In : *Obrazy iazyka i zigzagi diskursa : sbornik nauchnykh statei k 70-letiiu V. Z. Dem'iankova* [Feshchenko V. V., ed. Images of language and zigzags of discourse : a collection of scientific articles for the 70th anniversary of V. Z. Demyankov]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2018, pp. 80–98 (in Russian).

2. Darbellay F. The circulation of knowledge as an interdisciplinary process : Travelling Concepts, Analogies and Metaphors. *Issues in Intergrative Studies*, 2012, no. 30, pp. 1–18.

3. Tarasova I. A. Genre : on the problem of the cross-disciplinary invariant of the term. In: *Iazykovoe soznanie. Rechevaia kommunikatsiia : materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora V. E. Gol'dina* [Kriuchkova O. Yu., ed. Language Consciousness. Speech communication : Proceedings of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor V. E. Goldin]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2020, pp. 200–205 (in Russian).

4. Bragina N. N. On the possibility of analyzing a literary text by the method adopted in musicology. *Voprosy filologii* [Issues of philology], 2010, no. 1 (34), pp. 64–73 (in Russian).

5. Krivtsun O. A. *Estetika : uchebnik* [Aesthetics : textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 434 p. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Krivcyn/_16.php (accessed 16.01.2021) (in Russian).

6. Vasil'ev A. Z. From the history of the category “genre”. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 1990, no. 1, pp. 11–21 (in Russian).

7. Broitman S. N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 368 p. (in Russian).

8. Nazaikinskii E. V. *Stil' i zhanr v muzyke* [Style and genre in music]. Moscow, Vlados Publ., 2003. 248 p. (in Russian).

9. *Estetika : slovar', pod obshch. red. A. A. Beliyaeva* [Beliaev A. A., total ed. Aesthetics : Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 447 p. (in Russian).

10. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii : v 7 t.* [Collected works : in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).

11. *Teoriia literaturnykh zhanrov, pod red. N. D. Tamarchenko* [Tamarchenko N. D., ed. The theory of literary genres]. Moscow, Akademiya Publ., 2012. 256 p. (in Russian).

12. Tarasova I. A. Communicative model of the genre "poetic message" : invariant and cultural transformations. *Zhanry rechi : : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2007, iss. 5, pp. 300–311 (in Russian).

13. Sokolov O. V. *Morfologicheskaia sistema muzyki i ee khudozhestvennye zhanry* [Morphological system of music and its artistic genres]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Art history). Moscow, 1995. 39 p. (in Russian).

14. Sokhor A. *Esteticheskaia priroda zhanra v muzyke* [The aesthetic nature of the genre in music]. Moscow, Muzyka Publ., 1968. 104 p. (in Russian).

15. Tsukkerman V. M*uzykal'nye zhanry i osnovy muzykal'nykh form* [Musical genres and basics of musical forms]. Moscow, Muzyka Publ., 1964. 160 p.

16. Cherednichenko T. V. Music genre. In: *Muzykal'nyi entsiklopedicheskii slovar', gl. red. G. V. Keldysh* [Keldysh G. V., ed. Musical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, p. 192 (in Russian).

17. Vlasov V. Genre. *Novyi entsiklopedicheskii slovar' izobrazitel'nogo iskusstva* [New Encyclopedic Dictionary of Fine Arts : in 6 vols.]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2005, vol. 3, pp. 623–626 (in Russian).

18. Bakhtin M. M. (Medvedev P. N.) The formal method in literary studies. (A critical introduction to sociological poetics). In: *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiia iazyka. Stat'i* [Freudianism. The formal method in literary studies. Marxism and philosophy of language. Articles]. Moscow, Labirint Publ., 2000, pp. 195–348.

19. Nekhviadovich L. I. Genre as a fundamental category of art criticism. *World of Science, Culture, Education*, 2013, no. 4 (41), pp. 302–304 (in Russian).

20. Gachev G. D. *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. Epos. Lirika. Teatr* [The meaningfulness of artistic forms. Epic. Lyrics. Theater]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 302 p. (in Russian).

21. Bonfel'd M. Sh. *Vvedenie v muzykoznanie* [Introduction to Musicology]. Moscow, Vlados Publ., 2001. 224 p. (in Russian).

22. *Poetika : slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Tamarchenko N., ed. Poetics : a dictionary of current terms and concepts]. Moscow, Izd-vo Kulaginoi, Intrada, 2008. 358 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.09.2021 / После рецензирования 15.11.2021 / Принята 23.03.2021
Received 10.09.2021 / Revised 15.11.2021 / Accepted: 23.03.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 259–266
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 259–266
https://zhanry-rechi.sgu.ru https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266

Научная статья
УДК 81’23’38

От хулилок к трэш-току: эволюция жанра

В. Н. Базылев

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор Школы иностранных языков, v-bazylev@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-8952-9485

Аннотация. Статья посвящена речевому жанру «трэш-ток». Термин, пришедший в современный русский язык из английского, обозначает речевую практику, при которой в адрес соперника формулируются высказывания оскорбительного характера, призванные вывести оппонента из психологического равновесия. Может считаться одной из форм хвастовства или оскорбления в конкурентных ситуациях. Исследование находится в контексте работ, отечественных и зарубежных, посвященных инвективной практике в русской лингвокультуре, которые не только представляют собой константу, но также эволюционируют. Учитываются при этом такие тенденции, как национально-специфическое vs. универсальное, лингвистическое vs. экстралингвистическое, развитие новых явлений на национальной почве vs. заимствования. Постулируется, что трэш-ток, если использовать этот термин в узком значении, является автохтонным для русской лингвокультуры. Методика исследования заключалась в сравнении описания речевой практики с эталоном. Были сформулировали эталоны «обвинение», «унижение» и «гиперидентичность», компонентами описания которых выступили лингвистические и психологические признаки, что ориентирует исследование на парадигму психолингвистики. Это оправдано тем, что трэш-ток балансирует на грани языка и психики. В итоге процедуры сравнения мы можем прийти к заключению о соответствии или несоответствии между этими описаниями. Материалом для нашего исследования стали открытые интернет-источники, содержащие в формате текста или видео примеры трэш-тока как элемента речевого поведения персонажей. В результате исследования удалось описать и систематизировать речевые цели – убеждение и демонстрацию, использование образных, стилистически маркированных, экспрессивно окрашенных средств, психологические манипулятивные средства побуждения и угрозы. В заключении статьи намечены перспективы исследования, связанные с такими жанрами, как flaming, flyting, sledging, wolf-whistling, cat-calling, street-harassment и под.

Ключевые слова: трэш-ток, инвектива, метод эталонов, речевой жанр, психолингвистика, обвинение, унижение, гиперидентичность

Для цитирования: *Базылев В. Н.* От хулилок к трэш-току : эволюция жанра // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 259–266. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From hooligans to thrash talk: Evolution of the genre

V. N. Bazylev

Higher School of Economics National Research University, 20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia

Vladimir N. Bazylev, v-bazylev@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-8952-9485

Abstract. The article deals with the thrash talk as a speech genre. The term, which came to modern Russian from English, refers to a speech practice in which offensive statements are formulated against the opponent,

© Базылев В. Н., 2021

designed to disturb the opponent's psychological equanimity. It can be a form of bragging or insulting in competitive situations. The research was conducted in the context of Russian and foreign works on invective practice in Russian linguoculture, which not only represent a constant, but evolve as well. Such problems as the correlation between national-specific and universal aspects, linguistic and extralinguistic aspects, development of new phenomena on a national basis and borrowings are taken into account. Thrash-talk, if we use this term in a narrow sense, is autochthonous for Russian linguoculture. The methodology of the study is based on the comparison the description of speech practice with the standard. For our purposes we have formulated the standards "accusation", "humiliation" and "hyperidenticity", the components of the description of which were linguistic and psychological features. Thus, we can say that our research is carried out within the paradigm of psycholinguistics. This is justified by the fact that thrash talk balances on the edge of language and psyche. As a result of the comparison procedure we can conclude that there is a correspondence or discrepancy between these descriptions. The basis of our research were open Internet sources that contain examples of thrash talk as an element of characters' speech behavior in texts or videos. As a result of the study it was possible to describe and systematize speech goals – persuasion and demonstration, the use of figurative, stylistically marked, expressively colored language means, psychological manipulative means of inducement and threat. In conclusion the article outlines the prospects for research related to such genres as flaming, flying, sledging, wolf-whistling, cat-calling, street-harassment, etc.

Keywords: thrash talk, invective, standard method, speech genre, psycholinguistics, accusation, humiliation, hyperidentity

For citation: Bazylev V. N. From hooligans to thrash talk : Evolution of the genre. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 259–266 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение в тему

Любой жанр со временем претерпевает формальные и содержательные изменения. Этот тривиальный тезис обусловливает, однако, весьма важные с научной точки зрения перспективы исследований: описание речевой картины, т. е. состояние речи, ее изменения и тенденции. Этот тезис принадлежит В. В. Дементьеву, так же как установка на то, что жанры эволюционируют в изменяющемся мире, сохраняя при этом свои креационистские потенции. При этом необходимо учитывать такие тенденции, как национально-специфическое vs. универсальное, лингвистическое vs. экстралингвистическое, развитие новых явлений на национальной почве vs. заимствования [1: 178–179]. Помимо этого, как полагает Н. Н. Кошкарова, анализ коммуникативных практик в синхронии и диахронии дает возможность не только описывать существующее положение дел с номенклатурой жанров, но и прогнозировать развитие жанрового пространства [2: 219].

Названные предпосылки в полной мере относятся к изучению речевого жанра трэш-тока. Термин, пришедший в современный русский язык из английского, обозначает высказывания в адрес соперника, чаще оскорбительного характера, призванные вывести оппонента из равновесия, одну из форм хвастовства или оскорбления в конкурентных ситуациях, например, в спортивных состязаниях и многопользовательских играх.

Контекст исследования

Разумеется, заимствование термина не должно вводить в заблуждение: новое слово не всегда обозначает новое лингвокультурное явление. Под высказываниями оскорбительного характера в русской речевой культуре изначально понимались сквернословие, брань, хамство и под., что всегда вызывало живой интерес в отечественной филологии [3, 4]. В. И. Жельвис в конце 90-х гг. обобщил это как инвективную практику, проанализировал всю серию эмотивных средств и дал их национально-специфическую и тематическую характеристику. Особо он остановился на взаимоотношении инвективы и ритуала [5: 71 сл.]. Помимо названной фундаментальной работы в начале нулевых в издательстве «Ладомир» вышел сборник статей, специально посвященных инвективности в связи с проблемами функционирования сознания и подсознания, дисфемизации и табу, в котором была опубликована статья В. В. Дементьева о взаимоотношении инвективности и межличностных отношений [6: 35 сл.].

Все это актуально для сегодняшней русской лингвокультуры: инвективные практики представляют собой не только ее константу, они эволюционируют. Э. Лассан, например, сделала объектом своего исследования рэп-баттл как новый вид социального воздействия и выражения вербальной агрессии в политическом дискурсе, рассмотрев этот жанр как

легитимизацию речевой агрессии в обществе тотальной агрессии [7: 314].

В этом же ряду, с нашей точки зрения, логично рассматривать сегодня речевой жанр трэш-тока.

Говоря о контексте нашего исследования и учитывая тот факт, что его объект вместе со словом может считаться заимствованным, кратко обрисуем сферу интереса к нему в западноевропейской лингвистике.

Германистика, в первую очередь англистика, в основном понимает трэш-ток как элемент спортивных состязаний, задача которого вербально деморализовать противника; в основном обращается внимание на лексический состав высказываний (отдельных реплик) с точки зрения использования гипербол и метафор. Диахронически материал ограничивается возведением этой речевой практики к 60-м гг. XX в. и считается признаком американской лингвокультуры; особый интерес вызывает на этом фоне гендерно ориентированное речевое поведение в спорте.

Немецкая лингвистика, отталкиваясь от приведенного выше понимания трэш-тока, добавляет в исследование интерес к речевому поведению спортсменов в хоккее, футболе, баскетболе и крикете, ориентируясь при этом преимущественно на англосаксонскую речевую практику, а не собственно немецкую.

Французская лингвистика, также ориентируясь в исследовании трэш-тока на американские речевые практики, проявляет интерес к собственно французским аналогам при игре в покер, т. е. в карточных играх [8, 9].

Говоря об интересе к трэш-току в зарубежной лингвистике, мы должны констатировать, что он ограничивается пока фрагментарными публицистическими материалами популярного характера и не носит систематического характера. То же можно сказать и об отечественной лингвистике: целевых исследований трэш-тока у нас пока нет.

Трэш-ток: заимствованное и автохтонное

Если речь вести о диахроническом исследовании не просто фрагментов речевой картины, представленных обсценной лексикой (бранью, матом и под.) и вкрапленных в различные тексты типа анекдота, а о речевом жанре, то в первую очередь следует учесть фундаментальное изучение хулительных песен.

От первых сугубо филологических работ, посвященных общеиндоевропейским корням этого жанра и принадлежащих В. М. Жирмунскому и М. И. Стеблин-Каменскому [10, 11], интерес лингвистов перешел от скальдических хулительных стихов [12], т. е. материала западноевропейских лингвокультур, к собственно русскому.

В сравнительно-историческом исследовании сюжетных функций перебранок в сагах и былинах Г. М. Казаков и Н. В. Петров устанавливают их типологическое, а не генетическое, сходство [13]. Анализируя зачин «Слова о полку Игореве», Л. В. Соколова отмечает, что Боян пел нечто вполне определенное по смыслу – либо только хвалу, либо только хулу, что можно заключить из тех двух образцов бояновых песен Игорю, которые приводит автор «Слова» [14: 68–69].

Исследования русского эротического фольклора [15], солдатских корильных песен (хулительных песен о врагах) XVIII–XX вв. [16: 3–4], крестьянской бытовой песни [17: 181–182], в т.ч. хулительных колядок и под. свидетельствуют о том, что инвективная «болтовня» как одна из форм хвастовства или шутливого (игрового) оскорбления в любых конфликтных ситуациях – от выставления противника на войне в уничижительной характеристике до обругания прижимистых хозяев, которым жалко одарить колядующих, и использующая разнообразные приемы языковой игры – от гиперболизации до каламбура, входила в семиосферу русской лингвокультуры.

Жанр, именуемый песня-поношение, рассматривается сегодня с позиций автохтонности на примерах творчества русского рок-поэта Васи Обломова с целью определить, насколько текст современного поэта соответствует традиционному жанру русских хулительных песен, а в какой части расходится с ним [18].

Вышеприведенные исследования русской лингвокультуры позволяют заключить, что трэш-ток, если отвлечься от использования этого термина в узком значении как обозначение речевого субжанра в сфере спортивных состязаний и многопользовательских играх, является автохтонным для русской лингвокультуры.

Следовательно, применительно к данному речевому жанру можно говорить о том, что он реализует универсальное на национальном речевом материале.

В подтверждение сказанному вспомним некрасовские строки: «Его преследуют хулы:|| Он ловит звуки одобренья|| Не в сладком ропоте хвалы,|| А в диких криках озлобленья».

Материал и методика

Материалом для нашего исследования стали открытые интернет-источники, содержащие в формате текста или видео примеры трэш-

тока как элемента речевого поведения персонажей[1].

Методика исследования заключалась в сравнении описания речевой практики с эталоном, т.н. методика эталона. Для наших целей мы сформулировали эталоны «обвинение», «унижение» и «гиперидентичность», компонентами описания которых выступили лингвистические и психологические признаки. Таким образом, можно говорить о том, что наше исследование ориентировано на парадигму психолингвистики. Это оправдано тем, что трэш-ток балансирует на грани языка и психики. В итоге процедуры сравнения мы можем прийти к заключению о соответствии или несоответствии между этими описаниями, т. е. установить соотношение собственно лингвистического компонента и экстралингвистического – психологического.

Эталон «обвинение» в своей тематической части содержит речевую характеристику адресата, который обладает резко выраженными отрицательными чертами поведения или деятельности. Выраженная речевая цель – информирование публики о негативном поведении адресата. В обвинении выражается информационная оценка действия последнего, т. е. действие оценивается как действительно произошедшее, выражается этическая оценка – действие характеризуется как не соответствующее общепризнанным нормам; выражается оценка деятельности – действия адресата характеризуются говорящим как вредные, опасные, направленные против интересов адресанта и общества. Психологически внимание аудитории привлекается к ситуации, которая рассматривается говорящим как конфликт между должным и реальным поведением лица. Также психологически текст ориентирует адресата на переоценку предмета речи в негативную сторону, формирует у него новое эмоциональное и смысловое отношение к объекту/предмету речи, т. е. характеризуется когнитивным и эмоциональным компонентами установки.

Эталон «унижение» в своей тематической части содержит описание «специфических» ценностей адресата. Сообщаемая информация – любая негативная, связанная с этим лицом. Психологически внимание аудитории концентрируется на несоответствии между общественным статусом адресата, в том числе групповых ценностей, и тем, чего он заслуживает, по мнению говорящего. Эксплицитно выражается враждебное отношение со стороны адресанта типа «превосходство» – говорится о неполноценности адресата, он оценивается как недостойный звания «нормальный», как «второсортный», не обладающий необходимыми для носителя данного социального статуса свойствами.

Тем самым говорящий выражает такое отношение к адресату, в котором проявляется его (адресанта) гиперидентичность.

Эталон «гиперидентичность» характеризуется выраженной речевой целью – публичной демонстрацией неуважения к адресату на фоне самовосхваления. Психологическая функции публичного проявления неуважения – эмоциональное убеждение публики в необходимости негативного отношения к предмету речи и собственного превосходства над адресатом, что, с одной стороны, должно вести к ухудшение эмоционального состояния противника (при обращении к нему, диалоге с ним), а с другой – к улучшению собственного эмоционального состояния адресанта за счет эффекта самоподбадривания и разрядки эмоционального напряжения.

Трэш-ток: психолингвистический анализ жанра

Начнем с речевых целей. Основная цель – это убеждение свидетелей данного публичного речевого поведения в необходимости и обоснованности негативного эмоционального отношения к адресату[2].

Меня зовут Н., и я могу надрать задницу любому сукиному сыну, который здесь находится … Бедный маленький А., кто вам сказал, что вы являетесь бойцом? … Бедный, бедный, А. Кто научил вас так бить? Ваша мама?

Далее следует т.н. демонстрация, которая может быть описана следующим образом: я говорю это, чтобы все знали, что я думаю и чувствую.

Ты сладкий. Я хочу убедиться, что ты будешь меня хорошо целовать своими больши-

[1]URL: https://www.championat.com/boxing/article-3294601-desjat-luchshih-treshtokerov-v-istorii-professionalnogo-boksa.html(датаобращения:23.09.2020); URL: https://www.championat.com/boxing/article-3294601-desjat-luchshih-treshtokerov-v-istorii-professionalnogo-boksa.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 12.10.2020); URL: https://ua.tribuna.com/tribuna/blogs/annakrivko/1692866.html (дата обращения: 12.10.2020); URL: https://esquire.ru/articles/14912-trash-talk/#part0 (дата обращения: 13.11.2020); URL: https://veasy.ru/v-mire-sporta/tresh-tok (дата обращения: 13.11.2020); URL: https://dota2.ru/news/15346-treshtok-v-dota-2-chast-kultury-ili-put-v-nikuda/ (дата обращения: 13.11.2020); URL: https://syoutube.ru/video/трэш”=токинг (дата обращения: 14.11.2020); URL: https://www.sports.ru/basketball/116821306.html (дата обращения: 14.11. 2020); URL: http://gazeta.lenta.ru/sport/16–03–1999_boltun_Printed.htm (дата обращения: 14.11.2020).

[2]В целях придания языковому материалу инвариантного характера научного объекта исследования он переформатирован в деперсонифицированную форму.

ми губами. И я сделаю тебя своей подругой… Скажите ему и его отцу, что если они хотят, чтобы их поимели, то всё, что они должны сделать, это постучать в мою в дверь, и они получат это…. Отца, который отправил своего сына на бой со мной, нужно судить за жестокое обращение с детьми… Он выглядит словно задница моего сына – красивая и круглая…

Здесь необходимо особо остановиться на особенностях убеждения аудитории в необходимости негативного отношения к адресату. Эмоциональное отношение к предмету речи может быть выражено намеренно, то есть продемонстрировано, а может целенаправленно формироваться автором у аудитории путем убеждения.

Поэтому возникает вопрос: можно ли говорить о лингвистических признаках побуждения к определенному эмоциональному состоянию, о формируемом текстом эмоциональном отношении, не исследуя реальное состояние, вызываемое им у аудитории? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден: можно, если строго различать сформированное отношение, и то отношение, намерение сформировать которое выражено в тексте. Намерение (в данном случае это намерение убедить) может быть исследовано лингвистическими методами. В качестве вспомогательных методов исследования здесь могут использоваться методы анализа намерений и их типы, выработанные в риторике. В качестве главного средства побуждения к формированию отношения следует рассматривать использование образных, стилистически маркированных, экспрессивно окрашенных средств.

Я все жду, когда этот большой уродливый медведь наконец-то обратит на меня внимание…

Конечно, само по себе использование адресантом нестандартного, стилистически маркированного средства еще ни о чем не говорит. Это может быть элемент функционального стиля или средство художественной выразительности, а может и просто бессознательно выбранный образный способ выражения мысли. Как известно, метафора – совершенно естественное средство и для обыденного языка. Побуждать можно и без всяких стилистических приемов. Но такого рода побуждение – побуждение самим типом передаваемой информации – предмет психологического анализа. Лингвистический анализ выявляет собственно лингвистические признаки убеждения: наличие высказываний особого, убеждающего типа (ср. обращения к аудитории, высказывания с функцией аргументации негативного отношения и пр.).

Эй ты, большой уродливый медведь, решил мышцы покачать? А зачем? Видел тут тебя в закусочной, ты жрал хот-дог, кажется, их было на тарелке целых пятьдесят. Ну так продолжил бы в том же духе, зачем тренироваться? Ты же понимаешь – все равно просрешь, так хоть поживешь с огоньком перед смертью…

Он слишком уродлив, чтобы быть чемпионом. Чемпион должен быть красивым, как я!

Эксплицитным средством побуждения к формированию отношения к адресату является воззвание к чувствам. Предметом лингвистического анализа в данном случае является не столько отдельные высказывания и их текстовые позиции, сколько семантическая структура всего сказанного о предмете речи.

Если тебе снится, что ты меня побьёшь, то тебе лучше проснуться и извиниться… Джо настолько уродлив, что, когда он плачет, слезы разворачиваются и стекают по его затылку…

Последовательное, развернутое убеждение аудитории в необходимости негативного отношения к предмету речи порождает текст, в котором создается неприглядный образ соперника.

Ты вроде казался нормальным парнем, а сейчас я вижу, что ты просто кусок дерьма. Меня нервирует сидеть здесь и разговаривать с таким крысиным куском говна, как ты… Раньше они надирали мне задницу, а теперь лижут её…

В этом тексте говорящий негативно оценивает сам предмет речи, его взгляды и действия; описывает эмоциональное состояние, которое предмет речи вызывает. Поэтому речевые действия по созданию негативного образа оппонента можно условно разделить на уничтожение «личности» противника – *плохой, недостоин, не люблю*, и уничтожение позиции противника – *плохая, недостойная*.

Ты известен как «зверь», и есть причина в том, что ты получил такое прозвище – ты большой, уродливый, потный и волосатый мужик…

Он просто волосатый урод. Я не представляю, как мы с ним сойдёмся в клинче. Он волосатый, как обезьян. Я буду настаивать на том, чтобы он сделал перед поединком восковую эпиляцию.

При констатации в произнесенном тексте признаков сознательного уничижении личности противника можно говорить о целенаправленном формировании у адресата речевой эмоции отторжения к предмету речи. Психологически говорящий доводит до сведения публики следующее: он хочет, чтобы она относилась к предмету речи аналогично.

Надеюсь, он действительно позаботится о своей семье, и не пригласит их на бой, а также запретит им смотреть наш поединок по телевизору. Им будет довольно грустно видеть то, что я сделаю с их папой и мужем…

Лингвистическим субэлементом унижения в жанре трэш-тока обязательно выступает угроза. Угроза как речевая цель и средство убеждения совмещает в себе побуждение к действию и побуждение к речевой эмоции типа страха, путем описания негативных последствий ситуации.

Я заставлю тебя выглядеть как ребенок, и для меня не будет проблемой сделать это. Я выставлю тебя идиотом. Я унижу тебя перед лицом твоих же 60000 фанатов…

Угроза обычно используется как эксплицитное средство убеждения противника.

Ты выйдешь отсюда либо лежа на спине, либо на животе. Как ты хочешь? Вот именно, сиди тише, мелкая сучка. Вот именно, сиди и молчи…

Угроза, обвинение, унижение, оскорбление и под. преследуют одну речевую цель – демонстрацию неуважения.

Я помню Б., который нёс мой багаж. Я помню тебя, Б., как секьюрити для моих сумок…

Отметим, что в данном случае различие между унижением и оскорблением непринципиально. Здесь важен сам факт проявления презрения, превосходства (в том числе через речевое неуважение) по отношению к определенным ценностям оппонента, к его неотъемлемым идентифицирующим свойствам. В данном контексте незначим, как это ни покажется парадоксальным, признак приличной/неприличной формы. Цели проявления враждебной речевой эмоции презрения, воспринимаемой как унижение, могут быть различными.

Он будет моим подопытным кроликом. Потому что есть только один настоящий чемпион. Одно лицо и одно имя… Я хочу труп на своем счету. По-настоящему хочу…

При этом выражение презрения в норме не выступает как самостоятельная речевая цель. Оно проявляет себя как через демонстративное выражение речевого неуважения к предмету речи. Именно демонстрацию неуважения можно рассматривать как особую речевую цель, которая осуществляется за счет выбора такого именования предмета речи, который не соответствует его социальному статусу и нормам публичной речи. В нижеприводимом примере это именование «подружка».

Как ты смеешь так со мной разговаривать? Стань передо мной на колени, и я тебя пожалею… Иначе я сделаю тебя моей подружкой…

Сюда относится и демонстрация неуважения с помощью брани в адрес предмета речи, а также высмеивание и издёвка. К наиболее продуктивным психолингвистическим средствам относятся умаление интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качества оппонента.

Он выглядит как пугало. Дети пытаются снять свою маску, когда он идет на Хэллоуин…

Его тренер – полный идиот, предложивший мне выйти на бой, после того, как я на пресс-конференции сломал ему челюсть. Он хочет выйти против меня? И этот парень тренирует его… Представьте, что два этих идиота, два шута творят в зале…

Понижение статуса может связываться с установлением сходства с кем-то, с которым ассоциируется нечто плохое. Чаще всего сравнение осуществляется с помощью метафор.

С. – маленький жирный пудинг. У. – долговязый и переоцененный тип со слабым членом!…

Понижение статуса здесь связано с констатацией несоответствия претензий, которые имеет, по мнению говорящего, объект речи.

Это будет настолько односторонне, что будет похоже на групповое изнасилование…

На этом фоне проявляются элементы гиперидентичности адресанта, начиная с речевой цели – самовосхваления. Психологически это ведет к ухудшение эмоционального состояния противника (при обращении к нему, диалоге с ним) и к улучшению собственного эмоционального состояния адресанта.

Он будет моим подопытным кроликом. Потому что есть только один настоящий чемпион. Одно лицо и одно имя. Это – я…

Вы знаете, что я никогда никого не избегал. Вы ставите их передо мной, и я сбиваю их как кегли. Эту суку я тоже нокаутирую!

Я сливки общества, я засранец, который на вершине. Весь грёбаный мир может быть против меня, но я продолжу побеждать…

Я популярен, потому что болтаю всякое. Я раскручиваю себя и делаю заявления, на которые у других кишка тонка. Всем нравится меня ненавидеть. Без меня мир станет скучнее. Поэтому люди приходят посмотреть, как я устраиваю представление. Кто-то любит, а кто-то нет, но все хотят это видеть и все покупают билеты…

Таким образом, мы полагаем, что все описанные выше лингвистические и психологические составляющие следует рассматривать как основные структурные признаки речевого жанра трэш-тока.

Заключение

Положив в основу нашего исследования тезис В. В. Дементьева о том, что для понимания процесса эволюции речевого жанра необходимо учитывать оппозиции: национально-специфическое vs. универсальное, лингвистическое vs. экстралингвистическое, развитие новых явлений на национальной почве vs. заимствования, мы констатируем следующее. В отношении речевого жанра трэш-тока речь идет о психологической универсалии, которая в диахронии то «затухает», то актуализируется. В том числе за счет «внешних» влияний. Для объяснения этого допустимо использовать идею М. Ю. Лотмана о семиосфере: попадающие на периферию явления лингвокультуры (напр., хулительные стихи) сохраняют за собой динамический потенциал. Как полагает Лотман, это связано с меньшим уровнем их организации и, следовательно, меньшим уровнем сопротивления новым процессам в культуре. Связано это также с тем, что периферийные образования могут быть представлены в качестве «чужих» для данной системы. Так, они выполняют функцию катализатора. Такое устройство образует внутренние границы семиосферы. Возникновение новой информации происходит именно тогда, когда информация пересекает эти границы, что мы можем наблюдать в случае восприятия речевого жанра трэш-тока как заимствованного [19].

Названная универсалия, как мы могли убедиться, объединяет лингвистические и психологические элементы для достижения основной речевой цели: лингвистически – публичной демонстрации неуважения к адресату на фоне самовосхваления; психологически – убеждения публики в необходимости негативного отношения к предмету речи и собственного превосходства над адресатом, что ведет к ухудшение эмоционального состояния противника и к улучшению собственного эмоционального состояния.

В заключение, как принято, скажем несколько слов о перспективах исследования, которые нам представляются актуальными. С позиции диахронии пока что мало исследовалась западноевропейская средневековая дролери (фр. drôlerie) по сравнению с скальдическими хулительными песнями – нидами, и собственно русский стёб. С синхронной точки зрения интерес сегодня представляют такие речевые жанры, как буллинг (в т.ч. кибербуллинг) и моббинг, хейтинг и троллинг, тем более что они уже представлены в русской речевой картине. Помимо этого, уже существует наименование и, соответственно, новый объект исследования – кащенизм: стиль общения на форумах или в эхоконференциях, характеризующийся провокационными, главным образом просемитскими, антисемитскими, националистическими, агрессивно психиатрическими высказываниями и ситуационной насмешкой над собеседником.

Не менее интересны и такие жанры, которые пока что широко в русской речевой картине не представлены или не имеют эквивалентов (хотя и не факт, что при целевом исследовании мы не обнаружим в диахронии их аналоги): the dozens, flaming, flyting, sledging, wolf-whistling, cat-calling, street-harassment.

Наконец, с точки зрения межкультурной коммуникации и перевода интерес представляет реальная практика обучения трэш-току.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дементьев В. В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194

2. *Кошкарова Н. Н.* Публичное извинение : вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 214–220. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-220

3. *Мокиенко В. М.* Русская бранная лексика : цензурное и нецензурное // Русистика. 1994. № 1. С. 50–73.

4. *Мясоедов Б. А.* О хамстве и стервозности в русской жизни. М. : Русская энциклопедия, 1998. 240 с.

5. *Жельвис В. И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 1997. 330 с.

6. *Дементьев В. В.* Брань и межличностные отношения // Злая лая матерная… : сб. статей. М. : Ладомир, 2005. С. 35–54.

7. *Лассан Э. Р.* Рэп-баттлы как специфический жанр современной культуры // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 313–320. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320

8. *Gauger H.-M.* Das Feuchte und das Schmutzige : Kleine Linguistik der vulgären Sprache. München : Beck, 2012. 283 S.

9. *Kniffin M., Palacio D.* Trash-Talking and Trolling // Human Nature. 2018. № 29, iss. 3, pp. 353–369.

10. *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 149 с.

11. *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. М. : Высшая школа, 1979. 192 с.

12. *Матюшина И. Г.* Перебранка в древнегерманской словесности. М. : РГГУ, 2011. 304 с.

13. *Казаков Г. М., Петров Н. В.* Сюжетные функции перебранок в эпической поэзии (саги и былины) // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 9 (71). С. 84–107.

14. *Соколова Л. В.* Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 65–74.

15. Русский эротический фольклор / сост. А. Л. Топоркова. М. : Ладомир, 1995. 653 с.

16. История художественной самодеятельности в русской армии / под ред. Д. В. Хробсотова. М. : ЦДРА, 2020. 37 с.

17. *Колпакова Н. П.* Опыт классификации традиционной крестьянской бытовой песни // Русский фольклор : материалы и исследования. Т. 5 / отв. ред. В. Е. Гусев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 167–182.

18. *Курская В. А.* Песня Васи Обломова «Начальник» в русле традиции песни-поношения // Русская рок-поэзия : Текст и контекст : сб. статей. Екатеринбург : УрГПУ, 2016. С. 249–252.

19. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб. : Искусство, 2001. 703 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. What Have genre Studies Given to Modern Linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194

2. Koshkarova N. N. Public Apology : Yesterday, Today, Tomorrow. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 214–220 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-220

3. Mokienko V. M. Russian swear words : censored and obscene. *Rusistika*, 1994, no. 1, pp. 50–73 (in Russian).

4. Mjasoedov B. A. *O hamstve i stervoznosti v russkoj zhizni* [About rudeness and bitchiness in Russian life]. Moscow, Russkaja jentsiklopedija Publ., 1998. 240 p. (in Russian).

5. Zhel'vis V. I. *Pole brani. Skvernoslovie kak social'naja problema v jazykah i kul'turah mira* [The field of swearing. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, Ladomir Publ., 1997. 330 p. (in Russian).

6. Dement'ev V. V. Swearing and interpersonal relationships. In: *Zlaja laja materna… : sbornik statej* [Angry barking obscene : coll. sci. arts.]. Moscow, Ladomir Publ., 2005, pp. 35–54 (in Russian).

7. Lassan E. R. Rap Battles as a Specific Genre of Contemporary Culture. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 313–320 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320

8. Gauger H.-M. *Das Feuchte und das Schmutzige : Kleine Linguistik der vulgären Sprache*. München, Beck, 2012. 283 S. (in German).

9. Kniffin M., Palacio D. Trash-Talking and Trolling. *Human Nature*, 2018, no. 29, iss. 3, pp. 353–369 (in English).

10. Zhirmunskij V. M. *Jepicheskoe tvorchestvo slavjanskih narodov i problemy sravnitel'nogo izuchenija jeposa* [Epic creativity of Slavic peoples and problems of comparative study of the Epic]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1958. 149 p. (in Russian).

11. Steblin-Kamenskij M. I. *Drevneskandinavskaja literature* [Old Norse literature]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1979. 192 p. (in Russian).

12. Matjushina I. G. *Perebranka v drevnegermanskoj slovesnosti* [Bickering in Old German literature]. Moscow, RGGU Publ., 2011. 304 p. (in Russian).

13. Kazakov G. M., Petrov N. V. Plot functions of altercations in epic poetry (sagas and epics). *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. History. Philology. Culturology*, 2011, no. 9 (71), pp. 84–107 (in Russian).

14. Sokolova L. V. The beginning in "The Word about Igor's Regiment". In: *Issledovanija "Slova o polku Igoreve", pod red. D. S. Lihacheva* [Lihachev D. S., ed. Research "The Words about Igor's Regiment"]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otd-nie Publ., 1986, pp. 65–74 (in Russian).

15. *Russkij jeroticheskij fol'klor, sost. A. L. Toporkova* [Toporkov A. L., compl. Russian erotic folklore]. Moscow, Ladomir Publ., 1995, 653 p. (in Russian).

16. *Istorija hudozhestvennoj samodejatel'nosti v russkoj armii, pod red. D. V. Hrobsotova* [Hrobsotov D. V., ed. History of amateur art in the Russian Army]. Moscow, CDRA Publ., 2020. 37 p. (in Russian).

17. Kolpakova N. P. The experience of classification of traditional peasant household of the song. *Russkij fol'klor : materialy i issledovanija. T. 5, otv. red. V. E. Gusev* [Gusev V. E., ed. Russian folklore : materials and research, vol. 5]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1960, pp. 167–182 (in Russian).

18. Kurskaja V. A. Vasya Oblomov's song "The Chief" in line with the tradition of the song-vilification. In: *Russkaja rok-pojezija : Tekst i kontekst : sbornik statej* [Russian Rock Poetry. Text and context : coll. of sci. arts.]. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2016, pp. 249–252 (in Russian).

19. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint-Petersburg, Iskusstvo Publ., 2001. 703 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 11.01.2021 / После рецензирования 20.02.2021 / Принята 23.03.2021
Received 11.01.2021 / Revised 20.02.2021 / Accepted 23.03.2021

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 267–274
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 267–274
https://zhanry-rechi.sgu.ru https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-267-274

Научная статья
УДК 81'42:004.738

Иронические поучения

В. И. Карасик

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, vkarasik@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8306-5317

Аннотация. Рассматриваются иронические нравоучения – автосемантические высказывания, в которых содержится критика человеческих недостатков в виде насмешливой констатации нелепого, претенциозного и злонамеренного поведения, присущего некоторым людям, выраженная в виде особого класса пословиц, афоризмов и миниатюр современного сетевого фольклора. Эти суждения образуют разнородную группу единиц, от глубоких суждений о человеческих характерах до пустоговорок, от остроумных наблюдений до примеров злого черного юмора. В структурном плане эти единицы могут быть простыми и комбинированными, первые являются целостными высказываниями, выражающими определенное отношение к нормам поведения, вторые представляют собой суждение, состоящее из двух частей, в первом содержится известная позитивная норма поведения, во втором она фактически отрицается. Их интегративный семантический признак состоит в уступительном сопоставлении ценностей, их прагматический признак заключается в продвижении актуальных установок для трезвой оценки человеческой природы, их синтактический признак проявляется как игровая аллюзивность.

Ключевые слова: ирония, поучение, пословица, афоризм, сетевой фольклор

Для цитирования: *Карасик В. И.* Иронические поучения // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 267–274. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-267-274

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ironical edification

V. I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, 6 Academician Volgin St., Moscow 117485, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8306-5317

Abstract. The paper deals with ironic edification – autosemantic utterances which contain critical evaluation of human shortcomings expressed in derisive assertion of absurd, or pretentious, or malicious behavior certain people manifest. They make a specific class of proverbs, aphorisms, and miniatures of modern network discourse. They are heterogeneous and vary from profound observations of human character up to banalities used to amuse a down-home partner, from witty phrases up to acid black humour. They are very common in everyday conversations and serve to help interlocutors express their understanding of hidden manipulations they are exposed to. Structurally they may be simple and composite, the former are integral sentences expressing a certain attitude to norms of behavior, the latter are judgments which consist of two parts, in the first part a certain positive norm of behavior is expressed, and in the second part it is denied. Their integral semantic content is a frame which expresses a concessive juxtaposition of values, pragmatically they promote important assumptions about realistic evaluation of human nature, and their most relevant syntactic feature is a ludic allusion to well-known texts or events.

Keywords: irony, edification, proverb, aphorism, network discourse

For citation: Karasik V. I. Ironical edification. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 267–274 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-267-274

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© Карасик В. И., 2021

Введение

Известно, что основная функция пословиц и поговорок – изложить важный опыт поведения и тем самым вооружить слушателей полезными знаниями о том, как следует или не следует себя вести в определенных типизируемых обстоятельствах. Эти характеристики паремиологического фонда хорошо изучены в филологии [1–10]. Вместе с тем в составе поучений выделяются единицы особого типа, содержание которых противоречит принятым нормам правильного отношения к людям. Например, *Если не хочешь получать от людей зло, не делай им добра; Век живи, век учись и дураком помрёшь; Обещать – не значит жениться*. Таких речений не очень много, но они регулярно воспроизводятся в общении. Подобные высказывания представляют собой поучения особого типа и распадаются на определенные разновидности.

Разновидности иронических поучений

В структурном плане подобные речения распадаются на два типа – простые и комбинированные. Первые являются целостными высказываниями, выражающими определенное отношение к нормам поведения. Вторые представляют собой суждение, состоящее из двух частей, в первом содержится известная позитивная норма поведения, во втором она фактически отрицается. Смысл второй части сводится к иронической оценке первой части. Интересно, что во многих случаях вторая часть может со временем потеряться, и тогда суждение в целом приобретает другое значение. Например, известная римская формула «*В здоровом теле – здоровый дух» (Mens sana in corpore sano)* в полном виде звучала следующим образом: «*В здоровом теле здоровый дух – явление редкое*». Афористы в ряде случаев восстанавливают подобные суждения: «*В здоровом теле – здоровый дух. На самом деле – одно из двух*» (И. Иртеньев).

В семантическом плане общий смысл таких речений сводится к тому, что некоторые универсальные нормы поведения требуют уточнений. По своей логической структуре многие иронические поучения являются вариантами уступительной конструкции «Хотя принято считать, что А, следует принимать во внимание Б». Таковы, например, афоризмы М. Жванецкого: «*Поделись улыбкою своей, и ее тебе не раз еще припомнят*» (обыгрывается исходная фраза «*Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз еще вернется*» из песни в мультфильме о крошке Еноте, автор М. Пляцковский), «*Если вы поможете другу в беде, он непременно вспомнит о вас, когда опять попадет в беду*» (в основе этого ироничного высказывания пословица «*Друг в беде – настоящий друг*»). В первом случае создается смысловая парадоксальная связь между установками «улыбаясь другим, мы делаем мир добрее» и «улыбаясь другим, мы можем вызывать у них недобрые чувства», во втором случае – между установками «Мы должны помогать друзьям» и «Мы должны знать, что иногда друзья привыкают к такой помощи». В целом подобные речения напоминают нам, что следует трезво оценивать и людей, и обстоятельства.

В прагматическом плане такие речения парадоксально переворачивают всю систему ценностей для того, чтобы подчеркнуть значимость фундаментальных норм поведения, даже если эти нормы часто нарушаются. Кроме того, подобные высказывания содержат общую установку комической оценки реальности. Доминирующей тональностью таких речений является ирония – «употребление слова, высказывания и текста большого объема в смысле, противоречащем буквальному с целью насмешки» [11: 7]. Изучению иронии посвящено множество исследований [7, 11–21].

Синтактика рассматриваемых коммуникативных единиц свидетельствует о том, что они в значительной мере представляют собой модификации известных речений и обнаруживают интертекстуальные связи с этими высказываниями.

Заслуживает внимания жанр «Антипословицы» [22]. Суть этих единиц состоит в карнавальном переворачивании тех или иных норм поведения. Во вступительной статье составители словаря констатируют следующее. Во-первых, имеет место активизация пословиц, поговорок и крылатых выражений в современной речи. Особенно часто к таким единицам обращаются в публицистике и интернет-общении. Во-вторых, такие речения часто проявляются в гротескном искажении с подчеркнуто ироническим их «выворачиванием наизнанку». Это квалифицируется на материале разных лингвокультур как вульгаризация или демократизация пословичного жанра. В-третьих, многие кажущиеся инновации в трансформированных речениях строятся по известным оксюморонным моделям. В-четвертых, пословичная неологика, с одной стороны, сходна с традиционной народной, с другой стороны, отличается от нее очевидной стилевой сниженностью. В-пятых, активное развитие жанра антипословиц приводит к стиранию различий между пословицами и афоризмами. Добавим к этому и значительную долю пустоговорок в составе шутливых самодостаточных речений (это глупые и вульгарные фразы, рассчитан-

ные на то, чтобы вызвать улыбку собеседника и сократить коммуникативную дистанцию). Авторы справедливо отмечают, что в целом антипословицы в их разновидностях свидетельствуют о значительной вульгаризации современного общения. Соглашаясь с этим выводом, скажем, что процессы демократизации в публичном и приватном общении отражают низкий культурный уровень многих наших современников. Вместе с тем справедливо замечание Г. Г. Слышкина (устная беседа) о том, что безграмотность и вульгаризация в сетевом дискурсе свидетельствуют о том, что достаточно большая часть общества, которая в прошлом использовала только устное общение, получила выход в некоторые жанры письменной коммуникации.

Иронические поучения могут иметь глубокий философский характер: *Ваша очередь подойдёт всё равно, даже если вы не хотели её занимать* (Геннадий Малкин). Известно, что стоять в очереди – не самое интересное занятие, хорошо известно суждение «Самое неприятное – ждать и догонять». И порой кажется, что очередь движется очень медленно. В приведенном суждении очередь понимается в предельно широком смысле – как движение времени, как жизнь, которая не стоит на месте. Человеку достанется то, что должно было ему достаться, независимо от того, хотелось этого или нет. Заслуживает внимания следующее наблюдение этого автора: *Достигнув цели, замечаешь, что ты – средство* (Геннадий Малкин). В этом грустном ироничном афоризме показано, что нам свойственно преувеличивать значимость своих усилий и любоваться своими достижениями. Обычно такие фразы являются авторскими. Подобным суждениям присуща высокая метафорическая мощность: *Не убегай слишком далеко, ибо, возвращаясь, придется пройти столько же* (Мидраш). Интересно наблюдение Юлиана Тувима: *У «счастья» нет множественного числа, а у «несчастья» есть.* Мы понимаем, что счастье и несчастье никогда не уравновешиваются, и забавным является лингвистическое подтверждение этой истины.

Вместе с тем бытует множество ироничных замечаний, которые относятся к жанру «Самоочевидность». Например, «*Не кусайся, если у тебя нет зубов*»; «*Если с первого раза не получилось, парашютный спорт не для вас!*». Такие фразы часто встречаются и в словаре пословиц В. И. Даля: *Что милее ста рублей? – Двести*. Их прагматический смысл заключается в шутливом комментарии той или иной ситуации. Подобные речения близки к пустоговоркам и всегда анонимны.

Иронические поучения в пословицах и афоризмах

Вряд ли можно говорить об этнокультурной специфике лапидарных иронических поучений. Они опираются на местные условия и традиции, как и любые жизненные наблюдения. Таковы ирландские пословицы:

Every man is sociable until a cow invades his garden. – Все мы дружелюбны, пока чья-то корова не зайдет в наш сад; A turkey never voted for an early Christmas. – Индюк никогда не голосовал за то, чтобы рождество наступило пораньше; It's no use carrying an umbrella if your shoes are leaking. – Незачем брать зонтик, если обувь дырявая.

Мы понимаем, что есть границы дружелюбия и случайно зашедшая в сад чужая корова может нанести ущерб насаждениям; жареный индюк (roast turkey) – традиционное рождественское блюдо, никому не хочется приближать свою смерть; самоочевидный факт с дырявой обувью является конкретной иллюстрацией общего фрейма относительно ценности целого и части, сравним: *Снявши голову, по волосам не плачут*.

Нравоучение в виде ироничной критики абсурда прослеживается в речениях китайской лингвокультуры: 竭泽而渔 [jié zé ér yú] – *Осушить пруд, чтобы взять рыбу*; 画饼充饥 [huà bǐng chōng jī] – *Утолять голод нарисованным печеньем*; 覆水难收 [fù shuǐ nán shōu] – *Разлитую воду трудно собрать*.

В первом случае речь идет о наглядной иллюстрации такого положения дел, когда ради сиюминутной выгоды жертвуют долговременными интересами, во втором говорится о необходимости различать реальность и наши иллюзии (сравним: «*Сколько ни говори «халва, халва», во рту слаще не станет*»), в третьем приводится пример самоочевидной жизненной истины (прослеживается прямая связь с известной ироничной фразой Конфуция: *Трудно найти в тёмной комнате чёрную кошку… особенно, если её там нет*).

Вместе с тем нет сомнений о наличии специфики ценностей, норм и обыкновений, присущих той или иной лингвокультуре [23].

Пословицы в массе своей выражают аллегорически оформленные утилитарные и моральные нормы поведения, но при этом в паремиологическом фонде выделяется группа речений, содержание которых сводится к констатации слабостей человеческой природы и необходимости трезвого учета обстоятельств. Пословицы первого типа представляют собой советы вести себя определенным образом (*Не поклонясь до земли, грибов не поднимешь*), пословицы второго типа – советы правильно оценивать ситуации (*Не всегда молния ударяет там, где она сверкает*).

В паремиологическом корпусе превалируют речения первого типа, а в афористике, как показывают наблюдения, речения второго типа. Это объясняется преимущественно оценочно-практической направленностью советов, выраженных в пословицах, и преимущественно оценочно-созерцательной природой афоризмов. Многие афоризмы ироничны.

Можно с некоторыми оговорками выделить следующие типы иронических поучений, выраженных в афористике (примеры взяты из антологии афоризмов, составленной К. В. Душенко[1]).

Следует знать, что человек несовершенен: *Весь мир – театр, но труппа никуда не годится (Оскар Уайльд); Как трудно молчать, когда тебя не спрашивают (Михаил Генин); Лучше всего запоминается ненужное (Джон Таррант); Погоня за счастьем состоит из фальстартов (Влодзимеж Счисловский); С точки зрения скелета, человек – сплошные излишества (Юрий Скрылев); Двадцать раз попробуйте, на семьдесят первый раз получится (Армейский фольклор).*

Следует знать, что порой нам причиняют вред те, от которых мы этого не ждали: *Ни одно доброе дело не остается безнаказанным (Томас Брукс); Давай по порядку: сперва ты подашь мне руку, потом я подставлю тебе ногу (Влодзимеж Счисловский); Если тебя съели, значит, ты был нужен людям (Данил Рудый); Знакомые – это люди, на всякий случай называющие вас дураком. Хорошие знакомые уже могут рассказать о вас скверный анекдот. Друзьями же называются те, которые действительно знают о вас несколько настоящих гадостей (Дон-Аминадо).*

Следует знать, что люди эгоистичны: *Сплетник – тот, кто говорит с вами о других; зануда – тот, кто говорит с вами о себе; а блестящий собеседник – тот, кто говорит с вами о вас (Лайза Керк); Работа в команде очень важна. Она позволяет свалить вину на другого («Восьмое правило Финэйгла»); Самовлюбленный: человек, который о себе такого же высокого мнения, как вы о себе (Анон.); Молчание – знак согласия. Или того, что никто вас не слушает (Франклин П. Джонс); Никогда человек не бывает так близок к совершенству, как при заполнении анкеты о приеме на работу («Пшекруй»); Заветная мечта попугая: повторять самого себя (Станислав Ежи Лец).*

Следует знать, что многие глупее, чем мы думаем: *Чем тоньше лед, тем больше всем хочется убедиться, выдержит ли он (Генри Уилер Шоу); Он умел молчать на семи языках (Фридрих Вольф); Оптимисты верят в счастливый конец света (Юрий Базылев); Мост уже запланирован, теперь планируют реку (Хенрик Ягодзиньский); Автор привыкает в конце концов к своей публике, точно она разумное существо (Генрих Гейне); «Вы что, считаете меня идиотом?» – «Нет, но я ведь могу ошибаться» (Тристан Бернар).*

Следует знать, что в основе поступков разных людей порой лежат низменные мотивы: *Вы хотите узнать мое мнение о пьесе, когда я не знаю даже имени автора? (Джордж Бернард Шоу); Всегда играй честно, если все козыри у тебя на руках (Оскар Уайльд); Особенно стыдятся подлости, если не удалось довести ее до конца (Александр Фюрстенберг); Человеку свойственно ошибаться, но еще более свойственно сваливать вину на других («Закон Джекобса»); Правду в глаза лучше всего говорить на ухо (Лех Навроцкий).*

Следует знать, что наше поведение часто обусловлено пороками – ленью, жадностью, лживостью и лицемерием: *Твои шансы выиграть в лотерею возрастут, если ты купишь билет (Уинстон Грум); При дележе 50:50 некоторые требуют для себя и двоеточие тоже (Лоренс Питер); Опровержение – это попытка заменить сплетню ложью (Роже Пейрефит); Нет такой большой и сложной проблемы, от которой нельзя было бы сбежать (Анон.); Лентяй: человек, который не делает вид, что работает (Альфонс Алле); Я живу в постоянном страхе, что меня поймут правильно (Оскар Уайльд); У зевающего животного человеческое лицо (Карл Краус); Не надо в самокритике опускаться до хамства (В. Усачев).*

Следует знать, что людям свойственно ошибочно оценивать себя: *В конечном итоге люди друг другу равны – только не всегда, не везде и не во всем (Владислав Гжегорчик); Почему суфлер сидит в клетке? Потому что однажды он пытался подсказывать режиссеру (Барбу Рабий); Телеграфный столб бьет машину только в порядке самозащиты (Анон.); Когда Господь хочет наказать зайца, он дает ему храбрость (Г. Амурова); Людоеды сетуют на обилие черствых людей (Александр Кулич); Нет ничего обиднее, чем когда тебя не приглашают на вечеринку, на которую ты ни за что не пошел бы (Билл Вон).*

Следует знать, что есть виды деятельности, ведущие к личностной деградации: *Фуражка деформирует голову (Морис Дрюон); Объявление в приемной врача: «Просим пациентов не обмениваться симптомами. Это очень затрудняет диагноз» (Анон.); Одна из са-*

[1] *Душенко К. В.* Большая книга афоризмов. Изд. 5-е, испр. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 1056 с.

мых распространенных болезней – ставить диагноз (Карл Краус); Самые эффективные средства – это те, которые еще не применялись (Геннадий Малкин); Всегда храни верность своему начальнику – следующий может быть еще хуже (Анон.).

Некоторые из приведенных суждений можно трактовать как мизантропические (вспомним строки А. С. Пушкина *Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей*), но умная ироническая улыбка их авторов приводит нас к оптимистическому выводу о человеческой природе: несмотря на несовершенство, низменность мотивов, глупость, самовлюбленность и множество пороков, присущих людям, в человеке есть доброе начало.

Иронические поучения в сетевом дискурсе

Прагматика иронических нравоучений выводит на первый план высмеивание поучений как таковых, говорящий прямо и косвенно напоминает своему адресату, что не нуждается в таких советах. Показательны примеры сведения к абсурду подобных речевых действий в новых жанрах интернет-фольклора – пирожках и депрессяшках (ироничных четверостишиях, построенных по определенному образцу) и демотиваторах (парадоксальных картинках, включающих изображение и комментарий к нему) [24]. Эти произведения обычно подписываются никами (придуманными для интернет-общения именами).

В пирожках мы сталкиваемся с весёлым переворачиванием наших представлений о правильном поведении:

идёт оксана по бульвару не выпуская нож из рук она не ищет приключений но вдруг (Elvira); машину времени украли преступник найден господа мы знаем где он но не знаем когда (Очень грустное па); я требую свободы слова причем хотя бы одного из тех которые привыкли срываться сами с языка (бес); не соответствовала анна канонам женской красоты когда вручную разводила мосты (муля).

Обратим внимание на то, каким образом в приведенных примерах сталкиваются очевидные смыслы: персонаж якобы не ищет приключений, но на самом деле создает их; путешественника во времени найти невозможно, хотя говорится, что он найден; говоря о свободе слова, герой имеет в виду вульгарную лексику; вручную развести мост невозможно, но в фокусе оказывается эстетическая оценка такого поведения и вида героини.

Отличительной особенностью подобных текстов является их аллюзивность:

у реки подлюки сели на траву ждут когда я молча мимо проплыву (Soul); льдом сковало реки может потому так люблю я зиму думает муму (сыр); лез к тебе в окошко на седьмой этаж но уже на первом кончился кураж (мурр).

В первом случае перед нами прямая аллюзия к известной китайской пословице *Если долго сидеть на берегу реки, мимо тебя проплывёт труп твоего врага*, ирония состоит в неожиданной трансформации действующих лиц; во втором обыгрывается хрестоматийный сюжет И. С. Тургенева, мы понимаем, почему на самом деле персонажу нравится зима; в третьем перед нами возможная отсылка к трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», герой весьма самокритично оценивает себя.

В этих миниатюрах актуализируется особый тип иронии: на первый план выступает парадоксальное противоречие между жанром глубокомысленного жизненного наблюдения, подкрепленного ритмом и аллюзией, и конкретной ситуацией, имеющей абсурдный и стилистически сниженный характер.

Охарактеризуем некоторые демотиваторы.

На рисунке надпись на стене: *Бегать от охранников на объектах – это круто и безопа* Подпись: *Недосказанность пугает*.

Фотография рекламного стенда с надписью: *Живое пиво – для живых людей*. Подпись: *Кто умрёт, тот пиво пить не будет*.

На рисунке изображение миледи из романа А. Дюма «Три мушкетера», при этом на ее плече татуировка не лилии, а эмблемы воздушно-десантных войск. Подпись: *Тут-то Д'Артаньян и очканул…*

На фотографии самолёт в облаках. Подпись: *Не бойся летать. Еще не было ни одного случая, чтобы самолёт не вернулся на землю.*

Иронический смысл этих поликодовых текстов состоит в столкновении нелепого положения дел и очевидного вывода: мы понимаем, что искатель приключений попал в руки охранников; реклама, в которой была попытка ассоциативно расширить значение слова, оказывается глупой; перенос реалий нашего времени на героя-мушкетёра полностью переворачивает его образ, поскольку подразумевается, что десантники отважны в бою; в последнем случае перед нами пример чёрного юмора: мы понимаем, что возвращение летающего судна на землю иногда бывает трагичным.

Примеры чёрного юмора весьма частотны в сетевом развлекательном дискурсе. Суть этого типа комической оценки реальности состоит в постулировании абсурдности и жестокости бытия, но вместе с тем насмешки над этими свойствами реальности [25–27]. Если обычный юмор направлен на развлечение адресата и имеет целью вызвать добрую улыбку, то чёрный юмор неизбежно акцентирует

неприятные и порой страшные стороны жизни и поэтому вызывает горькую улыбку:

Трудно всё время оставаться человеком – люди мешают; Юбилей – это когда много цветов, но ты ещё жив; Цианистый калий имеет приятный запах горького миндаля. На вкус тоже никто ещё не жаловался; Ничто так не сближает, как хороший оптический прицел.

Ироническая констатация наблюдений над природой человека повторяет известные суждения о том, что люди часто бывают злы и глупы; мы понимаем, что подведение итогов жизненного пути во время юбилея неизбежно сопряжено с мыслями о смерти; вызывает горькую усмешку замечание о запахе смертельного яда и о том, что невозможно вернуть к жизни тех, кто его принял; через оптический прицел снайперы смотрят на свои потенциальные жертвы.

Заключение

Иронические нравоучения представляют собой критику человеческих недостатков в виде насмешливой констатации нелепого, претенциозного и злонамеренного поведения, присущего некоторым людям, выраженную в виде особого класса пословиц, афоризмов и миниатюр современного сетевого фольклора. Эти суждения образуют разнородную группу единиц, от глубоких суждений о человеческих характерах до пустоговорок, от остроумных наблюдений до примеров злого черного юмора. Их интегративный семантический признак состоит в уступительном сопоставлении ценностей, их прагматический признак заключается в продвижении актуальных установок для трезвой оценки человеческой природы, их синтактический признак проявляется как игровая аллюзивность.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»).

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00609 A entitled “Modern Russian Axiosphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абакумова О. Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 354 с.

2. *Бочина Т. Г.* Диалогичность русской паремики // Паремиология в дискурсе : общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. М. : ЛЕНАНД, 2015. С. 26–47.

3. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. М. : ТЕРРА, 1996. Т. 1. 432 с. ; Т. 2. 422 с.

4. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык, 1993. 537 с.

5. *Иванова Е. В.* Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. 160 с.

6. *Иванова Е. В.* Кривое зеркало английских антипословиц // Язык как культурный код нации / отв. ред. А. В. Зеленщиков, Е. Г. Хомякова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 83–103.

7. *Чугунекова Г. Н.* Ирония и сатира как типы поэтического смысла : на материале современной англоязычной поэзии : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2007. 21 с.

8. *Рифтин Б. Л.* Китайские пословицы и поговорки // Мудрое слово Востока. М. : РИПОЛ, 1996. С. 273–309.

9. *Сидоркова Г. Д.* Прагматика паремий : пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1999. 249 с.

10. *Фролова О. Е.* Мир, стоящий за текстом : Референциальные механизмы пословицы, анекдота, сказки и авторского повествовательного художественного текста. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

11. *Ермакова О. П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : Издательство КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.

12. *Байбакова И. М.* Ирония как средство реализации речевой установки в англоязычном художественном тексте (на материале произведений С. Льюиса) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1988. 16 с.

13. *Болдина Л. И.* Ирония как вид комического : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1982. 40 с.

14. *Веселова Н. В.* Ирония в политическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003. 16 с.

15. *Горностаева А. А.* Ирония в английской и русской коммуникативных культурах : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013. 22 с.

16. *Кагановская Е. М.* Ирония как средство создания речевой установки в художественном тексте (на материале произведений Марселя Эме) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1992. 18 с.

17. *Лейни Р. Н.* Модернистская ирония как один из истоков русского постмодернизма : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 22 с.

18. *Орлов М. Ю.* Текстообразующая ирония в русской и англоязычной прозе : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2005. 17 с.

19. *Охримович К. В.* Ирония и принцип вежливости в английском диалоге : автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2004. 24 с.

20. *Прокофьев Г. Л.* Ирония как прагматический компонент высказывания (на материале английского

языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1988. 24 с.

21. *Слепцова М. А.* Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2008. 18 с.

22. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. СПб. : Нева, 2005. 576 с.

23. *Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры : категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.

24. *Петренко С. Н.* Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века : автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 26 с.

25. *Дубин С. Б.* Сюрреалистический черный юмор и его романтические истоки : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1998. 20 с.

26. *Лаврентьев А. И.* «Черный юмор» и американский характер : учеб. пособие по спецкурсу. Ижевск : УдГУ, 2009. 290 с.

27. *Флеонова О. Л.* Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы чёрного юмора : автореф. дис. … канд. филол. наук. М.,2003. 24 с.

REFERENCES

1. Abakumova O. B. *Poslovicy v yazyke, soznanii i kommunikacii* [Proverbs in the language, consciousness and communication]. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2012. 354 p. (in Russian).

2. Bochina T. G. The dialogue nature of the Russian proverbs. In: *Paremiologiya v diskurse : obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovica v diskurse i tekste. Poslovica i yazykovaya kartina mira, pod red. O. V. Lomakinoj* [Lomakina O. V., ed. Paremiology in discourse : general and applied questions of paremiology. Proverb in discourse and text. Proverb and linguistic picture of the world]. Moscow, LENAND Publ., 2015, pp. 26–47 (in Russian).

3. Dal' V. I. *Poslovicy russkogo naroda : sbornik : v 2 t.* [Proverbs of the Russian people. In 2 vols] Moscow, TERRA Publ., 1996. Vol. 1. 432 p. ; Vol. 2. 422 p. (in Russian).

4. Zhukov V. P. *Slovar' russkih poslovic i pogovorok* [A dictionary of Russian proverbs and sayingsк]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1993. 537 p. (in Russian).

5. Ivanova E. V. *Poslovichnye kartiny mira (na materiale anglijskih i russkih poslovic)* [Proverbial world views (on the material of English and Russian proverbs)]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2002. 160 p. (in Russian).

6. Ivanova E. V. A distorting mirror of English anti-phrases. In: *Yazyk kak kul'turnyj kod nacii, otv. red. A. V. Zelenshchikov, E. G. Homyakova* [Zelenshchikov A. V., Homyakova E. G., eds. Irony in the political discourse]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2014, pp. 83–103. (in Russian).

7. Chugunekova G. N. *Ironiya i satira kak tipy poeticheskogo smysla : na materiale sovremennoj angloyazychnoj poezii* [Irony and satire as types of poetic meaning (on the material of modern English poetry)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2007. 21 p. (in Russian).

8. Riftin B. L. The Chinese proverbs and sayings. In: *Mudroe slovo Vostoka* [The wise word of the East]. Moscow, RIPOL Publ., 1996, pp. 273–309 (in Russian).

9. Sidorkova G. D. *Pragmatika paremij : poslovicy i pogovorki kak rechevye dejstviya* [Pragmatics of paroemia: proverbs and sayings as speech actions]. Krasnodar, Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 1999. 249 p. (in Russian).

10. Frolova O. E. *Mir, stoyashchij za tekstom : Referencial'nye mekhanizmy poslovicy, anekdota, skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo hudozhestvennogo teksta* [The world behind the text : referential mechanisms of proverbs, jokes, fairy-tales and narrative fiction texts]. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2007. 320 p. (in Russian).

11. Ermakova O. P. *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of language]. Kaluga, Izd-vo KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo, 2005. 204 p. (in Russian).

12. Bajbakova I. M. *Ironiya kak sredstvo realizacii rechevoj ustanovki v angloyazychnom hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij S. L'yuisa)* [Irony as the means of speech orientation realization in English fiction text (on the material of S. Lewis)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kiev, 1988. 16 p. (in Russian).

13. Boldina L. I. *Ironiya kak vid komicheskogo* [Irony as a kind of the comic]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1982. 40 p. (in Russian).

14. Veselova N. V. *Ironiya v politicheskom diskurse* [Irony in political discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Nizhnij Novgorod, 2003. 16 p. (in Russian).

15. Gornostaeva A. A. *Ironiya v anglijskoj i russkoj kommunikativnyh kul'turah* [Irony in the English and Russian communicative cultures]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2013. 22 p. (in Russian).

16. Kaganovskaya E. M. *Ironiya kak sredstvo sozdaniya rechevoj ustanovki v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij Marselya Eme)* [Irony as the means of speech orientation creation in fiction (on the material of Marcel Aymé)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kiev, 1992. 18 p. (in Russian).

17. Lejni R. N. *Modernistskaya ironiya kak odin iz istokov russkogo postmodernizma* [Modernist irony as a source of the Russian post-modernism]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2004. 22 p. (in Russian).

18. Orlov M. Yu. *Tekstoobrazuyushchaya ironiya v russkoj i angloyazychnoj proze* [Text creating irony in Russian and English prose]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 17 p. (in Russian).

19. Ohrimovich K. V. *Ironiya i princip vezhlivosti v anglijskom dialoge* [Irony and the politeness principle in English dialogue]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ufa, 2004. 24 p. (in Russian).

20. Prokof'ev G. L. *Ironiya kak pragmaticheskij komponent vyskazyvaniya (Na materiale anglijskogo yazyka)* [Irony as a pragmatic component of an utterance (on the material of the English language)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kiev, 1988. 24 p. (in Russian).

21. Sleptsova M. A. *Ironiya kak kosvennyj rechevoj akt otricatel'noj ocenki* [Irony as an oblique speech act with a negative evaluation]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2008. 18 p. (in Russian).

22. Val'ter H., Mokienko V. M. *Antiposlovicy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people]. Saint Petersburg, Neva Publ., 2005. 576 p. (in Russian).

23. Dementyev V. V. *Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury : kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of the Russian culture : the category of personality in lexis and pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 336 p. (in Russian).

24. Petrenko S. N. *Zhanrovye modeli postfol'klora v russkoj postmodernistskoj literature poslednej chetverti*

XX – nachala XXI veka [Genre post-folklore models in the Russian post-modernist literature of the last quarter of the XX century and the beginning of the XXI century]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2017. 26 p. (in Russian).

25. Dubin S. B. S*yurrealisticheskij chernyj yumor i ego romanticheskie istoki* [Surrealist black humour and its romantic origins]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1998. 20 p. (in Russian).

26. Lavrent'ev A. I. *"Chernyj yumor" i amerikanskij harakter : ucheb. posobie po speckursu* ["Black humour" and the American Character: A manual]. Izhevsk, UdGU Publ., 2009. 290 p. (in Russian).

27. Fleonova O. L. *Lingvostilisticheskie i semioticheskie osobennosti amerikanskoj literatury chyornogo yumora* [Linguostylistic and semiotic peculiarities of the American black humour literature]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 24 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 31.01.2021 / После рецензирования 17.02.2021 / Принята 23.03.2021
Received 31.01.2021 / Revised 17.02.2021 / Accepted 23.03.2021

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 275–284
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 275–284
https://zhanry-rechi.sgu.ru https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-275-284

Научная статья
УДК 811.161.1´42

Речевой жанр экспертизы в аспекте коммуникативного целеполагания

С. В. Волынкина

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, 660022, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1

Волынкина Светлана Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков, volinkina-zapad@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0595-1636

Аннотация. Статья посвящена изучению речевого жанра экспертизы. Целью работы стало определение особенностей реализации наиболее значимого жанрообразующего признака – коммуникативной цели экспертизы. Научная новизна исследования заключается в обращении к экспертизе как результату речевой деятельности, в изучении экспертизы с точки зрения теории жанров речи и коммуникативной лингвистики. Автором установлены базовые характеристики жанра, определены специфика и границы коммуникативного целеполагания экспертизы, изучено влияние типа экспертного жанра на представление коммуникативной целеустановки. Проведённый анализ показал включенность речевого жанра экспертизы в терминологические и фактические границы более широкого и объёмного явления, известного как речевое событие, которое реализуется комплексом речевых жанров и представляет форму организации общения с характерными для неё участниками. В качестве речевого события экспертиза демонстрирует комплексность, многокомпонентность и ритуализированный характер, позволившие определить её как сложное речевое событие. В статье речевой жанр экспертизы рассматривается как ведущий жанр одноимённого речевого события. В ходе анализа выявлена двунаправленность коммуникативного целеполагания экспертного жанра: на 1) сообщение информации (информативная целеустановка) и 2) выражение оценки (оценочная целеустановка). Соотношение двух целеустановок разнится в зависимости от принадлежности экспертного высказывания к тому или иному типу. Установлено, что традиционный (специализированный) тип экспертиз апеллирует к разуму и логике и преобладающей целеустановкой здесь является информативная иллокуция, в то время как гуманитарный тип экспертиз апеллирует к субъективным переживаниям и оценкам, что реализуется в доминирующей роли оценочной иллокуции.

Ключевые слова: коммуникация, речевое событие, речевые жанры, жанр экспертизы; жанрообразующие признаки, коммуникативная цель

Для цитирования: *Волынкина С. В.* Речевой жанр экспертизы в аспекте коммуникативного целеполагания // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 275–284. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-275-284

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech genre of an expert report in the context of communicative goal-setting

S. V. Volynkina

Prof. V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University of Ministry of Healthcare of the Russian Federation, 1 Partizan Zheleznyak St., Krasnoyarsk 660022, Russia

Svetlana V. Volynkina, volinkina-zapad@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0595-1636

Abstract. The article studies a speech genre of an expert report. The study focuses on the realization of the most significant genre-forming feature – the communicative goal of an expert report.

Scientific novelty is connected with the fact that an expert report is studied in the context of being a result of speech activity; within the theory of speech genres and communicative linguistics.

The article focuses on the basic characteristics of the genre, its communicative goal-setting peculiarities, and the influence of an expert report type on the communicative goal realization.

© Волынкина С. В., 2021

The analysis shows that the speech genre of an expert report is included into the terminological and actual boundaries of a wider and larger phenomenon, known as a speech event, which is realized by a set of speech genres and represents a form of organization of communication with certain participants. As a speech event, an expert report possesses a complex ritualized nature which makes it possible to define it as a complex speech event. The article studies the speech genre of an expert report as a leading genre of a speech event with the same name. The analysis has found out a dual trend of an expert report in communicative goal-setting, represented by: 1) information communication (informative objective) and 2) evaluation expression (evaluative objective). The balance between the two objectives is determined by an expert report type. Expert reports of traditional (special-purpose) type are found to appeal to consciousness and logic with the informative illocution being a predominant goal; while in case of humanitarian expert reports, subjective emotional experience and assessment serve the same purpose being applied in practice in the dominating evaluative illocution.

Keywords: communication, speech event, speech genres, genre of expert report; genre-forming features, communicative goal

For citation: Volynkina S. V. Speech genre of an expert report in the context of communicative goal-setting. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 275–284 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-275-284

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одним из наиболее востребованных на сегодняшний день направлений в лингвистике является изучение речевых жанров. «В последнее время “жанрологический” подход претендует на лидерство и универсализм», – пишет исследователь теории речевых жанров и дискурса В. В. Дементьев [1: 112].

По М. М. Бахтину, речевой жанр – это не определенный речевой акт (конкретное речевое действие), а «типическая форма высказывания в типических обстоятельствах» [2: 237]. Он представляет собой минимальную единицу общения, некую речевую модель, которая, определяемая триединством темы, стиля и композиции, превращается в «живое» высказывание благодаря целеполаганию автора.

О важности и определяющей (первостепенной) роли коммуникативной цели писал в начале XX века сам основоположник и идеолог теории жанров М. М. Бахтин, который обозначал её как «речевой замысел» [2: 240]. Важное место параметр коммуникативной цели занимает в исследованиях по теории речевых актов зарубежных лингвистов, которые определяют коммуникативную установку как основной жанрообразующий признак и используют соответствующее наименование – «иллокутивная сила высказывания», или «иллокуция» (термин Дж. Остина [3]) [4]. Интенция присуща каждому отдельному жанру и формирует как сам жанр, так и его внутреннюю структуру. «Значительное изменение коммуникативной цели ведёт к смене речевых жанров, в то время как изменения незначительные приводят к выделению поджанров» [5: 13]. От того, какую коммуникативную цель ставит перед собой говорящий, зависят остальные жанровые параметры.

Коммуникативное намерение является «главнейшим жанрообразующим признаком» и по мнению разработчика анкеты речевых жанров Т. В. Шмелёвой, которая называет его наиболее типологически значимым и предлагает именно по данному основанию делить все жанры на четыре группы: информативные, императивные, оценочные и этикетные [6]. Этот же критерий (иллокутивная сила) используется для идентификации и классификации высказываний в теории речевых актов.

В связи с широкой востребованностью жанра экспертизы во всех без исключения коммуникативных сферах и средах человеческой жизни, с так называемой экспансией текстов экспертного типа из узкоспециальной (деловой и научной) в бытовую и публицистическую сферы, из реальной коммуникации в пространство виртуального общения интерес представляет изучение данного жанра как **объекта** лингвистического исследования, в перспективе – по всем жанрообразующим параметрам, а в настоящем исследовании – с точки зрения реализации наиболее значимого конститутивного признака – коммуникативной цели.

Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, недостаточным вниманием к проблемам изучения жанра экспертизы в лингвистическом аспекте, а с другой стороны, напротив, большим интересом языковедов к проблемам речевых жанров.

Целью работы является определение особенностей реализации коммуникативной цели экспертного жанра.

Названная цель связана с решением следующих **задач**:

1) определить специфику и границы коммуникативного целеполагания экспертизы;
2) выявить зависимость коммуникативного намерения от типа экспертизы.

Для решения поставленных задач в качестве основного был использован **метод** пофакторного анализа речевых жанров, предложенный Татьяной Викторовной Шмелёвой [6], а также применены **методы** наблюдения, сравнения и систематизации научных знаний.

Практическая значимость статьи состоит в возможности использования сделанных выводов для дальнейших научных изысканий в области изучения речевого жанра экспертизы, который, в свою очередь, может стать частью энциклопедии речевых жанров.

Материалом исследования являются экспертные суждения аналитиков и специалистов, приглашённых для вынесения профессиональной оценки обсуждаемого проблемного вопроса. Для анализа, в частности, использованы фрагменты телевизионных ток-шоу ведущих российских каналов («Время покажет», Первый канал; «ДокТок» Первый канал; «Вечер с Владимиром Соловьёвым» канал «Россия»; «Белая студия» канал «Культура»), а также тексты печатных периодических изданий («Российская газета», «Литературная газета»), опубликованные в период с 2018 по 2020 г. Кроме того, к исследованию привлечены материалы Национального корпуса русского языка (в статье датированы 2003 г.).

К определению коммуникативной цели экспертизы

Основные содержательные характеристики обсуждаемого феномена были выделены автором в статье «Расцвет экспертизы как отражение изменений в жизни современного российского общества» [7: 72–80], резюмирующая часть которой сводится к следующему.

Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «экспертиза – это рассмотрение какого-нибудь вопроса экспертами для вынесения заключения» [8: 908]. Синонимично определена экспертиза и в других академических словарях русского языка. Д. Н. Ушаков называет экспертизой «рассмотрение какого-нибудь дела, вопроса экспертами для дачи заключения» [9: 613]. По Т. Ф. Ефремовой, «экспертиза – рассмотрение, исследование чего-либо специалистами для правильной оценки, заключения и т. п.» [10: 847].

Дополнением к приведённым выше дефинициям и представленным в них характеристикам экспертизы может служить определение, данное Е. В. Осетровой в работе «Коммуникативная роль эксперта в новейшем исполнении»: «Экспертиза – это рассмотрение и анализ какого-либо проблемного вопроса с последующим вынесением официального, по преимуществу письменного, заключения» [11: 338].

Анализ указанных толкований позволяет сделать несколько существенных для понимания экспертизы промежуточных выводов:

1) экспертиза представляет собой процесс, заключающийся в исследовании какой-либо проблемы сведущими в данной области лицами – экспертами / специалистами;
2) цель экспертизы – дать ответы на поставленные вопросы, требующие специальных знаний;
3) объектом экспертизы является спорный вопрос, предметом – факты и данные, связанные с исследуемым вопросом и требующие оценки эксперта;
4) исследование, проведённое экспертом, оформляется экспертным заключением, которое является доказательством наличия или отсутствия фактов и других данных, послуживших предметом спора [7: 73].

Нельзя не отметить комплексный характер полученных результатов. С одной стороны, экспертиза определяется как действие, процесс, что подтверждают выводимые на медиаплатформе Карта_слов.ру поисковой системы Яндекс 1) синонимы к слову «экспертиза» (*анализ, расследование, дознание, обыск, допрос, опрос, исследование, изучение, проработка, аудит*); 2) ассоциации к нему (*анализ, проверка, расследование, следствие*) и 3) контекстные сочетания (*провести экспертизу, получить результаты экспертизы, направить на экспертизу, проведённая экспертиза показала, пройти экспертизу, в процессе экспертизы установлено*). С другой стороны, под экспертизой понимается текст, представляющий собой результат одноимённого процесса, что также отражено в результатах поискового запроса по слову «экспертиза» медиаплатформы Карта_слов.ру: 1) синонимы (*отчёт, заключение, вывод, оценка, мнение, суждение, рекомендация, отзыв, рецензия, критика*); 2) ассоциации (*вывод, заключение, документ, результат*); 3) контекстные сочетания (*на основании заключения экспертизы, это были акты баллистической экспертизы, посмотреть акт экспертизы, заключение экспертизы, забрать экспертизу*).

Обобщая вышесказанное, можно определить экспертизу как процесс, сопряжённый с обязательными речевыми действиями: процесс под названием «экспертиза» получает итоговое оформление в речевой – текстовой – форме, то есть предполагает результат в виде речевого жанра экспертизы. Это позволяет нам сделать вывод о возможности признания экспертизы речевым событием.

По мнению исследователей В. Е. Гольдина, О. Б. Сиротининой, М. А. Ягубовой, под речевыми событиями следует понимать «относительно самостоятельные участки, формы

организации общения, имеющие хотя и не абсолютно строгую, но достаточно определённую организацию и обслуживаемые характерными для них устойчивыми комплексами речевых жанров» [12: 52]. Этому определению в полной мере соответствует речевое событие экспертизы, которое реализуется комплексом речевых жанров (запрос экспертизы; экспертное заключение; первичные жанры вопроса и ответа; анкета эксперта, прогноз эксперта и др.) и представляет форму организации общения с характерными для неё участниками, каждый из которых выступает в определённой роли (эксперт; адресат экспертизы и объект экспертизы). Комплексность, многокомпонентность, ритуализированный характер экспертизы позволяют включить её в группу сложных речевых событий, поскольку «к именам данной группы относятся обозначения речевых событий общественного характера, обычно планируемых, назначаемых, контролируемых. О них нельзя сказать, что они “случились” или “произошли”, но можно сказать, что они “состоялись” или “состоятся” тогда-то и там-то» [13: 5]. На принадлежность экспертизы к сложным речевым событиям указывает и само имя речевого события. Как пишет В. Е. Гольдин, «имена простых речевых событий семантически мотивированы глаголами речи и речевого поведения (*извиняться, спорить, ссориться…*), тогда как имена сложных речевых событий, напротив, почти всегда семантически проще соответствующих глаголов и глагольных выражений, мотивируют их: *митинг → митинговать, проводить митинг, участвовать в митинге; экзамен → экзаменовать, проводить экзамен, сдавать экзамен; свадьба → праздновать свадьбу* и т. д.» [13: 5]. Этой логике подчинено и речевое событие экспертизы, имя которого также семантически проще относительно мотивирующего глагольного выражения: *экспертиза → проводить экспертизу*.

Поскольку «имена событий могут совпадать с именами соответствующих речевых жанров» [14: 361], «экспертизой» будет называться как речевое событие, так и соответствующий речевой жанр – главный объект интереса в границах данного исследования.

Отметим, кроме того, что номинации «экспертиза» и «экспертное заключение» для обозначения речевого жанра рассматриваются здесь как синонимичные, используясь в значении ‘высказывание, содержащее результаты проведённого экспертного исследования’. При этом экспертиза может быть определена как речевой жанр вне зависимости от того, в устной или письменной форме представлено суждение эксперта по поставленному проблемному вопросу.

Таким образом, в настоящем исследовании под **экспертизой** понимается устное или письменное высказывание, представленное экспертом относительно какого-либо проблемного вопроса, входящего в сферу профессиональных интересов данного эксперта.

Основываясь на представленных характеристиках экспертизы, определим иллокутивную силу экспертного жанра.

Коммуникативная цель высказывания-экспертизы – сообщить адресату о квалифицированной (традиционно профессиональной) оценке какого-либо объекта (явление, событие, факт, субъект, предмет), воспринятого как проблемный и ставшего предметом специального обсуждения.

Поскольку такая формулировка актуализирует еще один жанровый параметр – ролевой [6], – квалифицируем состав его главных участников, эксперта и адресата экспертизы.

Эксперт – это лицо, производящее анализ проблемного вопроса и оформляющее экспертное заключение. Он обладает необходимыми профессиональными и квалификационными характеристиками; знает о необходимости быть объективным и ответственным за вынесенные в экспертизе оценочные суждения; действует исходя из имеющейся профессиональной квалификации и собственного непредвзятого, незаинтересованного и ответственного подхода к оценке объекта. Иными словами, к эксперту в качестве главных предъявляются требования объективности, высокого уровня профессионализма и ответственности за высказываемые суждения и оценки.

Адресат экспертизы – лицо, по запросу и в интересах которого осуществляется проведение экспертизы; может быть представлен как физическим, так и юридическим лицом – запросившим и/или назначившим экспертизу по проблемному вопросу.

Возвращаясь к анализу собственного целевого фактора жанра, детализируем его содержание с учетом типологии Т. В. Шмелёвой [6].

В этом отношении экспертизу следует квалифицировать как информативно-оценочный речевой жанр, так как два компонента иллокуции выделены здесь наиболее ярко:

- во-первых, цель экспертизы состоит в передаче информации, сообщении профессионального мнения адресату, в большинстве случаев – по предварительному запросу последнего (информативная функция);
- во-вторых, цель экспертизы заключается в квалифицированной, непредвзятой, аргументированной, в общем объективной, оценке объекта, связанного с проблемным вопросом (оценочная функция).

Таким образом, экспертиза призвана не только обеспечить собеседника инфор-

мацией, но – что самое главное – ответить на поставленный проблемный вопрос, дав оценку и приведя доказательства, а в итоге, представив экспертное заключение с чётко сформулированной рекомендацией, см. пример:

Корреспондент: *Как нововведения* [реформа долевого строительства. – *С. В.*] *уже повлияли и как ещё скажутся на рынке? Что будет с ценами? И к чему стоит готовиться тем, кто планирует покупать квартиру в 2020 году?*

Александр Шляхин, аттестованный аналитик рынка недвижимости: *В 2020 году продолжится плавный переход рынка долевого строительства на новую систему банковского финансирования с использованием эскроу-счетов. Предполагалось, что она окончательно защитит дольщиков при покупке долевого и тем самым повысит привлекательность новостроек. Но в принципе для дольщиков ситуация практически не изменилась. И останется такой весь 2020 год. Все новые проекты, строящиеся с использованием эскроу-счетов, вывели и выводят на рынок крупные надежные застройщики, и раньше без проблем получавшие кредиты от банков и вовремя сдававшие новостройки. А вот 70 процентов остальных новостроек продолжит достраиваться по старой схеме, у некоторых из них по-прежнему остаются высокие риски.*

Стоит отметить, что количество предложений экономжилья будет значительно уменьшаться, если только такое жилье не продолжит строиться по госзаказу. Уже второй год подряд застройщики начинают строить все больше домов комфорт- и бизнес-класса. С этим будет частично связан рост средней цены квадратного метра в новостройках в 2020 году плюс инфляционная составляющая, итого 8–9 процентов за год. В условиях общего снижения доходов населения и вторичное жильё покажет рост не более 6–7 процентов. Всё, что делается государством в части снижения ипотечных ставок и расширения программы материнского капитала, лишь удерживает рынок на прежнем уровне.

(Что ждёт рынок недвижимости в 2020 году? // Сетевое издание «Сибдом», 18.02.2020 г.).

В представленном примере присутствует журналистский запрос экспертной оценки и обстоятельный ответ на запрос аналитика-специалиста. Ответ содержит оценку текущей ситуации с элементами прогноза; аргументацию, подкрепляющую высказанную оценку, и обобщающий вывод (заключение эксперта); представим это в формате таблицы.

Проведенный анализ позволяет выделить основные компоненты высказывания-экспертизы, которые организуются в следующую модель:

Оценка + Аргументы + Вывод = Экспертиза

Они могут быть организованы и в другом порядке (когда, например, после системы аргументов следуют оценка и вывод), могут быть имплицированы (когда вывод очевиден), но информативная и оценочная интенции тем не менее сохраняются.

Это комплексное целеполагание настолько сильно, что обнаруживает себя даже во вторичном, опосредованном по отношению к экспертизе контексте, проявляясь, например, в информационной заметке, пересказывающей содержание проблемного интервью; см. пример:

Как заметила Газете эксперт Центра развития Наталья Акиндинова, «инвестировать пенсионные деньги в сегодняшней ситуации – это всё равно что делать вклад по ставке ниже инфляции, потому что в ближайшей перспективе доходность инструментов инвестирования останется ниже уровня инфляции».

(200 рублей через десять лет (2003) // «Газета», 07.02.2003 г.).

В приведённом текстовом фрагменте в режиме пересказа и выборочного цитирования приводится мнение эксперта с чётко сформулированной оценочной позицией («это всё равно что делать вклад по ставке ниже инфляции») и подкрепленное необходимыми аргументами, которые вводятся через причинно-следственную конструкцию (маркером

Компоненты экспертизы

Expert Report Elements Table

Оценка / Grade	Аргументы / Argument	Вывод / Conclusion
... в 2020 году продолжится плавный переход рынка…; *... для дольщиков ситуация практически не изменилась. И останется такой на весь 2020 год*	*...все новые проекты <...> вывели и выводят на рынок крупные надёжные застройщики, и раньше без проблем получавшие кредиты от банков и вовремя сдававшие новостройки. А вот 70 процентов остальных новостроек продолжит достраиваться по старой схеме, у некоторых из них по-прежнему остаются высокие риски*	*Всё, что делается государством в части снижения ипотечных ставок и расширения программы материнского капитала, лишь удерживает рынок на прежнем уровне*

является подчинительный союз причины «потому что»). Благодаря определенности точки зрения (отсутствуют показатели неуверенности, сомнений), аргументации и оформленному номинативом статусу *эксперта*, можно предположить, что у читателя-адресата сформируется доверие к информации и он будет ориентироваться на него при совершении/несовершении тех или иных действий.

О модификации коммуникативной цели в разных типах экспертизы

Несмотря на то что наличие двойного целеполагания является отличительной чертой экспертизы, соотношение информативной и оценочной установок в каждом конкретном случае индивидуально и представляет собой один из проблемных узлов в изучении коммуникативной цели экспертизы.

Так, корреляция информативного и оценочного компонентов коммуникативного целеполагания жанра в значительной мере зависит от того, какой именно тип экспертизы реализует говорящий. Современная наука заявляет о двух типах экспертных текстов: 1) специализированных и 2) гуманитарных.

Специализированные (традиционные) экспертизы представляют собой «исследование и установление таких фактов и обстоятельств, для выяснения которых необходимы специальные познания в какой-либо науке, искусстве, ремесле или промысле» [15: 65]. По сути, это идеальная реализация жанра экспертизы в каноническом, образцовом её выражении. Характерными чертами специализированной экспертизы являются: ориентация на разрешение спорной ситуации, требующей точного решения; предметный характер исследования; использование апробированных и легитимизированных методов исследования; нацеленность на доказательство истинности/-ложности факта.

«Такой тип специализированной экспертной деятельности – отраслевая (предметная) экспертиза, выполнение которой требует осуществления фиксированных процедур с помощью известных инструментов, подчинённых жёсткому алгоритму вполне конкретной узкой специальности», – пишет в своём исследовании А. И. Черных [16: 27]. К специализированным экспертизам будут относиться те, в которых «оценке подвергается конкретный предмет (производственное изделие, строительный объект, текст документа, произведение искусства и т. д.), а исследование этого предмета требует узкопрофессиональных знаний и носит монодисциплинарный характер» [15: 70]. Соответственно, все специализированные экспертизы разделяются по производственным сферам (криминалистическая, таможенная, судебно-медицинская) и по предмету исследования (лингвистическая, зоологическая, генетическая) и т. д. Общими свойствами специализированных экспертиз будут объективность, научность, формализованность, аргументированность и строгость соблюдения юридических норм. Эксперт, работающий в рамках специализированной экспертизы, должен иметь высшее и дополнительное профессиональное образование; квалификацию, связанную со спецификой экспертного вопроса, и «беспристрастность в оценке предмета экспертизы» [17: 50].

Методологические и методические принципы проведения специализированных экспертиз в разных предметных областях подробно описаны в научной и учебной литературе. В этом отношении свою развитую базу имеет и лингвистическая экспертиза, представленная фундаментальными работами А. Н. Баранова [18], К. И. Бринева [19] и др.

Совершенно иной тип экспертного жанра сформировался в конце XX – начале XXI веков в публичной сфере – в социокультурной, политической, публицистической областях общественной жизни. В этом типе экспертиз главным объектом оценки является человек, в связи с чем экспертизы данной группы называются гуманитарными.

Экспертные тексты здесь исследуют возможное воздействие события или феномена на жизнь человека, его физическое и психологическое состояние, на социальные отношения и систему ценностей. В отличие от специализированных экспертиз, гуманитарные носят междисциплинарный характер и являются комплексными: «Как правило, для проведения исследования требуются знания в области философии, истории, культурологии, психологии, политологии, социологии, этнологии и других наук. По этой причине многие новые виды экспертиз осуществляются коллективом экспертов, представляющих разные сферы <…> знаний» [15: 72]. Таким образом, к жанровым особенностям гуманитарной экспертизы относятся антропологическая направленность; широкое предметное поле; междисциплинарный статус; отсутствие точных исследовательских методик; субъективность оценок и вероятностные выводы.

Эксперт, работающий в данном русле, представляет собой лицо, заинтересованное в предъявлении адресату собственного оценочного суждения, но может не иметь достаточных знаний, опыта или профессиональной квалификации. Отсутствие компетентности в таком случае замещается эмоциональностью, экспрессивностью, большей или меньшей субъективностью выражаемых «экспертных» оценок.

Исходя из представленной типологии можно сделать уточнения и в определении коммуникативного целеполагания экспертизы. Специализированная экспертиза сконцентрирована преимущественно на **сообщении** достоверных сведений о проблемном вопросе. Гуманитарная же экспертиза, ориентированная на публичную сферу, выдвигает на первый план **выражение оценок**, насыщенных эмоциями и экспрессией, что призвано воздействовать на адресата, его мировоззрение и поступки.

Следовательно, для первого типа доминирующей коммуникативной целью будет информативная (рациональная и объективная информация, факты и аргументация структурно будут располагаться в диктумной части высказывания), для гуманитарной же приоритетной оказывается оценочная коммуникативная цель с концентрацией субъективного мнения в модусной части экспертного высказывания. Сравним примеры:

1. Корреспондент: *Мир и Россию ждёт ещё один тотальный карантин?*

Д. Абзалов, политолог, вице-президент Центра стратегических коммуникаций: *Нет, скорее всего, он будет носить точечный характер, но последствий всё равно не избежать. Мы же видим, что в полных объёмах не восстанавливаются даже Китай, Южная Корея, Таиланд, Вьетнам и Япония, раньше всех пережившие первый этап пандемии. Китай достаточно быстро восстановился на 97–98 %, но даже в Ухане трафик не восстановился более чем на 70 процентов. Нюансов много. Скажем, только за счёт увеличения интервала рассадки кинотеатры и общепит теряют примерно 45 процентов выручки. Последствия пандемии мы будем наблюдать ещё долго. В США, например, коронавирус уже привёл к потере 14 процентов рабочих мест, и это явно не предел.*

(Дмитрий Абзалов: «Кризис – хорошая возможность вырваться вперёд» // «Литературная газета», № 27 (6743), 01.07.2020).

2. [Героиня программы – Юлиана Свити, светская львица, известная кардинальными изменениями внешности].

Андрей Ковалёв, певец, приглашённый эксперт (о героине): *Дурочки наивные! Они думают, что закачать себе тонну силикона в губы, в грудь и так далее, что тогда они своего принца найдут. А принцам такие не нужны, на самом деле.*

(«Мужское и женское», Первый канал, 16.04.2018 г. Тема «Богато жить не запретишь». Вып. 7).

3. [Обсуждается кандидат в президенты Украины – лидер рок-группы «Океан Эльзы» Станислав Вакарчук].

Максим Юсин, международный обозреватель издательского дома «Коммерсантъ»: *Значит, Вакарчук… На самом деле меня очень опечалило это его выступление, потому что его называют, типа, «демократическая»…, «представитель демократической, европейски ориентированной партии»… То, что мы услышали, – это стукачество в худшем – совковом – проявлении.*

(«Время покажет», Первый канал, 16.07.2019 г.).

В первом примере экспертное мнение можно отнести к профессиональному, оно объективно и выражено событийными пропозициями социального существования («последствий всё равно не избежать»), социального действия («в полных объёмах не восстанавливаются»), которые осложнены припропозитивным смыслом негации («не избежать», «не восстановился»). Дополнением к этому являются логические пропозиции параметрической характеризации («[карантин. – *С. В.*] будет носить точечный характер»), качественной характеризации («нюансов много», «достаточно быстро»), а также логические пропозиции сопоставления («даже Китай»; «но даже в Ухане» – с имплицированным значением ‘медленного восстановления не ожидали от многих, особенно этого не ожидали от Китая/от Уханя’). В ответе аналитика почти отсутствует субъективная оценочность. Исключением являются такие модусные проявления, как сомнение («скорее всего»), соответствующее прогностическому характеру интервью, и квалификативная оценочность в выводе («это явно не предел…»).

Во втором и третьем примерах высказывания экспертов насыщены формами оценочности – модусной («меня очень опечалило») и диктумной («дурочки наивные», «тонну силикона», «такие не нужны», «стукачество в худшем – совковом – проявлении») и персуазивности («типа»). Как видно, в экспертизе нового типа оказывается возможным выражение субъективных оценок и эмоций говорящего – приглашённого в программу эксперта [20], что ведет к трансформации заданного традиционной моделью экспертизы объективного, непредвзятого и ответственного подхода к выражению экспертного мнения.

Таким образом, сопоставление профессиональных («специализированных») и новых («гуманитарных») экспертиз демонстрирует существование противоположных целеустановок с учетом разных оснований: 1) апеллирующих к разуму и логике (установка специализированной экспертизы) и 2) апеллирующих к эмоциям, субъективным переживаниям и оценкам (установка гуманитарной экспертизы). Наличие очевидной разницы в соотношении информативного и оценочного компонентов иллокуции экспертизы является определяющим для анализа остальных жанрообразующих признаков. Следовательно, не учитывать указанные особенности в экспликации целеполагания жанра невозможно, а взятые за отправную точку жанрологического анализа эти данные помогут получить более точные и достоверные

результаты при анализе экспертных высказываний.

Заключение

Проведённое исследование показало несколько существенных для понимания жанра проблемных точек (узлов), связанных с **двойственностью** в проявлении речевого жанра экспертизы. Одной из наиболее важных проблем можно считать встроенность/включённость рассматриваемого речевого жанра в терминологические и фактические границы более широкого и объёмного явления, известного как речевое событие. Экспертиза как речевое событие представляет собой действие, процесс, обязательными компонентами которого являются участники, организованные в условный треугольник ‘адресат экспертизы (он же её инициатор) – автор экспертизы (эксперт) – объект экспертизы’, а также результат этого процесса – совокупность речевых жанров, характерных для речевого события экспертизы (запрос экспертизы, экспертное заключение (экспертиза), анкета эксперта, прогноз эксперта, первичные жанры вопроса и ответа и др.).

В настоящей статье экспертиза рассмотрена как ведущий жанр одноимённого речевого события и трактуется как высказывание, содержащее результаты проведённого экспертного исследования. Вне зависимости от того, является ли мнение эксперта зафиксированным в письменной форме официально заверенного документа или выражено устно в публичной обстановке в качестве ответа на вопрос журналиста по какой-либо обсуждаемой проблеме, можно рассматривать оба случая реализации как репрезентацию жанра экспертизы в разных её формах.

Таким образом, экспертиза представляет собой тип высказывания, содержащего устное или письменное оценочное суждение эксперта по рассматриваемому проблемному вопросу. Целью экспертизы является стремление говорящего проинформировать адресата о квалифицированной (традиционно профессиональной) оценке какого-либо объекта, воспринятого как проблемный и ставшего предметом специального обсуждения.

В качестве выделенных интенций жанра экспертизы могут быть названы две: 1) передача информации, сообщение профессионального мнения адресату (информативное целеполагание); 2) квалифицированная, объективная, аргументированная оценка объекта, связанного с проблемным вопросом (оценочное целеполагание). Так, анализ целеустановки жанра вновь приводит нас к выводу о сложной природе жанра экспертизы, иллокуция которого двунаправленна, позволяя определить экспертизу как информативно-оценочное высказывание.

Наконец, выход жанра за рамки научного и делового общения в новые коммуникативные сферы и среды, появление в связи с этим нового типа экспертиз привели к появлению двух жанровых вариантов, реагирующих на корреляцию двух целеустановок – информативной и оценочной. В специализированных экспертизах преобладающим стал информативный компонент иллокуции и подкрепляющая его рациональная аргументация; в гуманитарных же экспертизах, развернутых в поле публичной коммуникации, напротив, доминирующую роль стала играть оценочная целеустановка, поддержанная эмоциональной аргументацией.

В качестве перспективы исследования иллокуции жанра экспертизы автор статьи предполагает анализ коммуникативной цели во взаимосвязи с условиями общения (прагматический компонент). С учетом выхода экспертизы за традиционные рамки официального общения и появление новых – электронных – сред коммуникации, можно говорить об определенном исследовательском потенциале данной темы в современных коммуникативных обстоятельствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дементьев В. В.* Изучение речевых жанров : Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.

2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–289.

3. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–140.

4. *Swales J. M.* Genre Analysis English in Academic and Research Settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 260 p.

5. *Bhatia V. K.* Analyzing Genre. Language use in Professional Settings. L. ; N. Y. : Longman, 1993. 246 p.

6. *Шмелёва Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж». Вып. 1. 1997. С. 88–99.

7. *Волынкина С. В.* Расцвет экспертизы как отражение изменений в жизни современного российского общества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88). Ч. 1. С. 72–80. https://doi.org/10.30853/filnauki

8. *Ожегов С. И.*, *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник. 1999. 944 с.

9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : АСТ ; Астрель, 2000. Т. 4. 940 с.

10. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ ; Астрель, 2007. Т. 3. 973 с.

11. *Осетрова Е. В.* Коммуникативная роль эксперта в новейшем исполнении // Русский язык сегодня : сб. докладов. Вып. 5 : Проблемы речевого общения / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; отв. ред. Н. Н. Розанова. М. : Флинта : Наука, 2012. С. 337–347.

12. *Гольдин В. Е.*, *Сиротинина О. Б.*, *Ягубова М. А.* Русский язык и культура речи : учебник для студентов-нефилологов / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, стер. М. : УРСС, 2002. 211 с.

13. *Гольдин В. Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 4–6.

14. *Дубровская О. Н.* Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 360–370.

15. *Рон М. В.* Традиционные и новые виды экспертиз // Культурологическая экспертиза : теоретические модели и практический опыт : коллективная монография / под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой, Н. А. Кривич. СПб. : Астерион, 2011. С. 65–75.

16. *Черных А. И.* Экспертное знание и публичная экспертиза. М. : Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 32 с.

17. *Леонтьев Д. А.*, *Иванченко Г. В.* Комплексная гуманитарная экспертиза. М. : Смысл, 2008.136 с.

18. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста : теоретические основания и практика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007. 592 с.

19. *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. … д-ра филол. наук. Кемерово. 2010. 363 с.

20. *Осетрова Е. В.* Роль эксперта в представлении медиа // Русский язык : исторические судьбы и современность : V Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филол. фак., 18–21 марта 2014 г.) : труды и материалы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 706–707.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. The study of speech genres. A review of works in modern Russian studies. *Voprosy yazykoznaniya* [Qquestions of linguistics], 1997, no. 1, pp. 109–121 (in Russian).

2. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 237–289 (in Russian).

3. Ostin Dzh. L. A word as an action. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike : Teoriia rechevykh aktov, vyp. 17* [New in foreign linguistics : The theory of speech acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, iss 17, pp. 22–140 (in Russian).

4. Swales J. M. *Genre Analysis English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 260 p.

5. Bhatia V. K. *Analyzing Genre. Language use in Professional Settings*. London, New York, Longman, 1993. 246 p.

6. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zhanry rechi : sb. nauch. st., vyp. 1* [Speech Genres : coll. of sci. arts]. Saratov : GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss 1, pp. 88–99 (in Russian).

7. Volynkina S. V. The revival of expert examination as a reflection of changes in the life of the modern Russian society. *Philological Sciences : Questions of Theory and Practice*, 2018, no. 10 (88), ch. 1, pp. 72–80. https://doi.org/10.30853/filnauki (in Russian).

8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka : 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language : 80,000 terms and phraseological expressions]. The Russian Academy of Sciences. The Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov. 4th ed., Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (in Russian).

9. *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka : v 4 t., pod red. D. N. Ushakova* [Ushakov D. N., ed. Explanatory dictionary of the Russian language : in 4 vols.]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2000, vol. 4. 940 p. (in Russian).

10. Efremova T. F. *Sovremennyi tolkovyi slovar’ russkogo iazyka : v 3 t.* [Modern explanatory dictionary of the Russian language : in 3 vols.]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2007, vol. 3. 973 p. (in Russian).

11. Osetrova E. V. The communicative role of an expert in the newest version. *Russkii iazyk segodnia : sb. dokladov, vyp. 5 : problemy rechevogo obshcheniia, otv. red. N. N. Rozanova* [Rozanova N. N., ed. Russian Language Today : coll. of reports, iss. 5 : Problems of Verbal Communication]. The Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov (RAS). Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 337–347 (in Russian).

12. Gol’din V. Ye., Sirotinina O. B., Yagubova M. A. *Russkiy yazyk i kul’tura rechi : Uchebnik dlya studentov-nefilologov, pod red. O. B. Sirotininoy* [Sirotinina O. B., ed. Russian language and culture of speech : Textbook for non-philological students], 2nd ed., ster. Moscow, URSS Publ., 2003, 211 p. (in Russian).

13. Gol’din V. Ye. The names of speech events, actions and genres of Russian speech. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 2* [Speech Genres : coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1999, iss 2, pp. 4–6 (in Russian).

14. Dubrovskaya O. N. Speech genres, speech events and new means of communication. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 5* [Speech Genres : coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2007, iss. 5, Genre and culture, pp. 360–370. (in Russian).

15. Ron M. V. Traditional and new types of expert examinations. In: *Kul’turologicheskaia ekspertiza : teoreticheskie modeli iprakticheskii opyt : kollektivnaia monografiia, pod red. V. A. Rabosha, L. V. Nikiforovoi, N. A. Krivich* [Rabosh V. A., Nikiforova L. V., Krivich N. A., eds. Cultural expert examination : theoretical models and practical experience : collective monograph]. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2011, pp. 65–75 (in Russian).

16. Chernykh A. I. *Ekspertnoe znanie i publichnaia ekspertiza* [Expert knowledge and public expert examination]. Moscow, State University Publishing House, Higher School of Economics, 2010. 32 p. (in Russian).

17. Leont’ev D. A., Ivanchenko G. V. *Kompleksnaia gumanitarnaia ekspertiza* [Comprehensive humanitarian expert examination]. Moscow, Smysl Publ., 2008. 136 p. (in Russian).

18. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta : teoreticheskiye osnovaniya i praktika* [Linguistic examination of the text : theoretical foundations and practice]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2007. 592 p. (in Russian).

19. Brinev K. I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics

and forensic linguistic expertise]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2010. 363 p. (in Russian).

20. Osetrova Ye. V. The role of an expert in media representation. *Russkiy yazyk : istoricheskiye sud'by i sovremennost' : V Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka (Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskiy fakul'tet, 18–21 marta 2014 g.) : trudy i materialy* [Russian language : historical destinies and modernity : V International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 18–21, 2014) : proceedings and materials]. Moscow, Moscow University Press, 2014, pp. 706–707 (in Russian).

Поступила в редакцию 04.11.2020 / После рецензирования 20.12.2020 / Принята 23.01.2021
Received 04.11.2020 / Revised 20.12.2020 / Accepted 23.01.2021

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 285–294
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 285–294
https://zhanry-rechi.sgu.ru https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-285-294

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09+929 Мандельштам

Речевой портрет О. Мандельштама (К методике филологической оценки поэтического идиолекта)

В. П. Москвин

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ), Россия, 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27

Москвин Василий Павлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, vasmoskvin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6849-253X

Аннотация. Разработан алгоритм филологической оценки поэтического идиолекта, определены составляющие языковой компетенции его носителя, на этой основе представлен речевой портрет О. Мандельштама на фоне современной русской поэзии. Исследование показало, что языковая компетенция носителя поэтического идиолекта представлена двумя составляющими: 1) культурноречевой, уровень которой находится в обратной зависимости по отношению к числу: а) допускаемых ортологических ошибок и стилевых недочётов; б) их типов и подтипов; 2) элокутивной, уровень которой определяется числом применяемых стилевых техник. Оценка культурноречевой составляющей возможна на основе общей типологии речевых ошибок; с этой целью был составлен перечень типовых для современной стихотворной речи ошибок и недочётов, которые, при условии регулярного их появления в текстах автора, свидетельствуют об имеющихся у него проблемах в этой сфере. Предложенный тест позволил выявить поэтов с безупречной культурноречевой компетенцией и тех, компетенция которых оставляет желать лучшего. Оценка элокутивной составляющей производится на основе общей типологии фигур (включая ритмические) и семантических переносов. Одним из наиболее значимых критериев оценки элокутивной компетенции следует считать способность к производству новых стилевых техник и речевых жанров, т. е. её креативную составляющую, в этом аспекте О. Мандельштам предстаёт как создатель по меньшей мере двух речевых жанров, ставших привычным атрибутом современной русской поэзии: 1) акромоносиллабического стиха с терминальной спондеической цезурой; 2) вольного дольника, образуемого посредством процедуры вторичного стихового членения.

Ключевые слова: поэтика, стиховедение, жанр, акромоносиллабика, вольный дольник

Для цитирования: *Москвин В. П.* Речевой портрет О. Мандельштама (К методике филологической оценки поэтического идиолекта) // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 285–294. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-285-294

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech portrait of O. Mandelstam (On the methodology of philological evaluation of poetic idiolect)

V. P. Moskvin

Volgograd State Pedagogical University, 27 V. I. Lenin Ave., Volgograd 400066, Russia

Vasilii P. Moskvin, vasmoskvin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6849-253X

Abstract. The article develops an algorithm of philological evaluation of a poetic idiolect, determines the components of the language competence of its carrier; on this basis presents the speech portrait of O. Mandelstam in the context of modern Russian poetry. The study shows that the linguistic competence of the poetic idiolect carrier is represented by two components: 1) speech culture competence, the level of which is inversely dependent with

© Москвин В. П., 2021

respect to the number of a) the orthological ans stylistic mistakes made by them; b) their types and subtypes; 2) elocutive competence, the level of which is determined by the number of stylistic techniques used by them. The evaluation of the speech culture competence is possible on the basis of a general typology of speech errors; for this purpose, a list of typical for modern poetic speech errors and shortcomings is compiled: if these errors and shortcomings regularly appear in the author's texts, this indicates that he has problems in this area. The proposed test allows to identify poets with impeccable cultural competence and those whose competence leaves much to be desired. The evaluation of the elocutive competence is made on the basis of the general typology of figures (including rhythmic ones) and semantic transfers. One of the most significant criteria for evaluating elocutive competence is an ability to produce new stylistic techniques and speech genres, i. e. its creative component, in this aspect O. Mandelstam appears as a creator of at least two speech genres that have become a familiar attribute of modern Russian poetry: 1) an acromonosyllabic verse with a terminal spondaic caesura; 2) a free dolnik formed through the procedure of secondary verse division.

Keywords: poetics, poetry studies, genre, acromonosyllabic verse, free dolnik

For citation: Moskvin V. P. Speech portrait of O. Mandelstam (On the methodology of philological evaluation of poetic idiolect). *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 285–294 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-285-294

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Г. В. Адамович, размышляя о месте А. Блока и О. Мандельштама (далее ОМ) в иерархии русских поэтов, пишет: «Блок один в наш век Пушкину противостоит и до известной степени ему отвечает, и его продолжает. <…> Есть царство Блока, и сознают они это или нет, все новейшие русские поэты – его подданные, даже если иные среди них и становятся подданными-бунтовщиками и подданными-отступниками» [1: 88 и 90]. Вторым после Блока в этом царстве считается ОМ, который, «разрывая связи с символистами, оставался продолжателем символизма» [2: 395]. Значимость ОМ для отечественной культуры актуализирует необходимость изучения особенностей его речи.

Речевой портрет предполагает анализ языковой компетенции, последняя получает отражение в сложной конфигурации качеств речи. Под качествами речи принято понимать параметры её оценки с точки зрения нормы. По отношению к норме все качества речи подразделяются на два типа: 1. Положительные (ἀρεταί): БЛАГОЗВУЧИЕ, БОГАТСТВО, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, КРАТКОСТЬ, ЛОГИЧНОСТЬ, ОДНОЗНАЧНОСТЬ, ПРАВДОПОДОБИЕ, ПРАВИЛЬНОСТЬ, РАЗНООБРАЗИЕ, ТОЧНОСТЬ, УМЕСТНОСТЬ, ЯСНОСТЬ. Существуют средства, предназначенные для создания положительных качеств: так, приёмы ухода от тавтологических повторов создают разнообразие речи. 2. Отрицательные (κακίᾳ): АЛОГИЗМ, ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ, НЕБЛАГОЗВУЧИЕ, НЕПРАВДОПОДОБИЕ, НЕПРАВИЛЬНОСТЬ, НЕТОЧНОСТЬ, НЕЯСНОСТЬ, ОДНООБРАЗИЕ. Отрицательные качества могут быть: а) случайными, такие качества расцениваются как ошибки (σολοικισμοί, sermonis vitia); б) нарочитыми: существуют приёмы построения нарочито алогичной, двусмысленной, неправдоподобной, неясной речи. Известна следующая системообразующая корреляция: «Prius fit iisdem generibus quibis vitia. Esset enim orationis schema vitium, si non peteretur sed accideret» 'Их [фигур] столько же видов существует, сколько ошибок. И становится фигура речи ошибкой, если она не преднамеренна, но случайна' [3: 111]. Так, фигуры повтора соотносимы с тавтологией по признаку мотивированного/немотивированного нарушения требования разнообразия речи. Все выразительные приёмы языка (переносы[1], фигуры) предназначены для реализации указанных качеств речи. С обозначенной точки зрения видятся два типа компетенции: 1) КУЛЬТУРНОРЕЧЕВАЯ, уровень которой находится в обратной зависимости по отношению к числу: а) допускаемых ортологических и стилевых недочётов; б) их типов; 2) ЭЛОКУТИВНАЯ, уровень которой определяется числом применяемых стилевых техник.

1. Культурноречевая компетенция О. Мандельштама

Любая оценка предполагает сопоставление, т. е. наличие «фона». Роль такого фона в нашем исследовании сыграет современная русская поэзия[2]. Нами составлен перечень типовых для стихотворной речи недочётов, которые, при условии регулярного их появления в текстах автора, свидетельствуют об имеющихся у него проблемах в этой сфере. Наложив полученную аналитическую

[1] О соотношении понятий 'перенос' и 'троп' см. [4].

[2] Тексты извлекались из журналов, включённых в электронную библиотеку «Журнальный зал» («Арион», «Звезда», «Знамя», «Новый мир» и др.). Выборка охватывает тексты последних 20–25 лет.

сетку на идиолект ОМ, мы получим культурноречевую характеристику его поэтического идиолекта. К числу недочётов нами отнесены:

1. АВТОРСКАЯ ГЛУХОТА – фактическая ошибка, приводящая к неправдоподобию речи: *Не **Зевс**, а рой ворон **клевать** больную **печень** // на огонёк твой **прилетит*** (А. Пурин. Поэту)[3]; ***Шесть** часов. // Вечерний циркуль стрелок, тикая, **садится на шпагат*** (А. Стесин. Средь немытых вилок и тарелок…)[4]; ***Черепаха** вышла на дорогу. // Осмотрелась. **Встала в полный рост*** (М. Яснов. Черепаха вышла на дорогу). В стихотворении И. Бродского «Ручей» герой *пьёт воду* из этого ручья, идёт вверх по течению и выходит к «океану небытия». Получается, что ручей вытекает *из океана*[5], а герой пьёт *солёную воду*.

2. Злоупотребление ВТЫЧКАМИ. Втычка представляет собой вставку краткого, как правило, односложного неполнозначного слова, используемую на правах метрической вольности, напр. с целью выдержать схему: а) ямба: *По скользкому пути От светлого **И** к злому* (И. Лёгкая. Бог проявляется в святых мечтах земли); б) Д3Х2ж: *Во поле только весло **и** стояло – вот **и** Всё **и** рассыпалось – просто открылся ларчик* (Т. Вольтская. Девушка с веслом). Неодносложные, а значит, полнозначные втычки искажают смысл, поэтому менее удачны: *В пустыне Исаак и Авраам // четвёртый день пешком к пустому месту // идут одни **по всем** пустым холмам, // что зыблются сродни (**под ними**) тесту* (И. Бродский. Исаак и Авраам)[6].

3. Нарушение таких требований, как:

3.1. Требование ЧИСТОТЫ РЕЧИ, что предполагает отсутствие нелитературных, в частности обсценных выражений: *Выходя во двор нечётного октября, // ёжась, число округляешь до «ох ты **бля**»* (И. Бродский. Заморозки на почве и облысенье леса…); *Отцвели уж давно бирдолёты в садах – В смысле, птицы давно улетели НА ЙУХ* (О. Сульчинская. Отцвели уж давно…).

3.2. Требование СИТУАТИВНОЙ УМЕСТНОСТИ РЕЧИ, предполагающее запрет на ДИСФЕМИЮ: *так ли он сладок, горький, весенний дым? // ЗАДНИЦА МИРА, СРЕДНЯЯ ПОЛОСА* (А. Бабанская. Средняя полоса); *И повсюду, где РУССКИЙ проник человек, – КАБАКИ да ОСТРОГИ, Всюду РУССКАЯ ВЛАСТЬ, как присохшая ГРЯЗЬ* (В. Сосновский. Предчувствие весны).

4. Стилистически немотивированные:

4.1. ИНКОГЕРЕНТНОСТЬ. Поэт пишет об ОМ: *Час и два готов смотреть я, **Как он курит, к жизни не готов*** (А. Кушнер. В Петербурге мы сойдёмся снова…). Неясно, как неготовность к жизни связана с курением табака. Паразитарная инкогерентность характерна для современного верлибра:

дело в том что хотел бы волной
набегают снега в караваны и грабят
и пустыня в снегу
и следы твои тонут и плачут взывая об августе
море тепле
но тоска и кристаллики больше кристалликов
богу кристалликов вечер и лень
и введенский прости за внезапный
я так криворук и дурак и вообще-то не в такт
а вы помните сайт где смешные рандомные
феи
и уютность такая что просто клетчатый плед
но снова потом «лабиринт» и кусачая фея,
наутилус помпилиус – ненастоящая фея <…>,
etc.

Б. Занаева. У лам иногда меняются показания

4.2. НЕБЛАГОЗВУЧИЕ, в частности:

4.2.1. БАТТОЛОГИЯ [греч. *βαττολογία* ‘заикание’] – столкновение одинаковых звуковых комплексов, в частности слогов: *Ничего, всё равно я взволнован, сказать ли, задет **Им**, **и** **м**нится, не так тяжела беспросветная глыба* (А. Кушнер. Георгий Адамович); *Он уронил слезу, душою **враз** **раз**мяк* (Б. Парамонов. Парижский крестьянин); с тавтологией: *Я **был** счастлив, и**бо** **был** в отчизне* (Е. Рейн. Exegi Monumentum). Баттология как предмет пародии: *ПОЭТЕССА. Влеко**мы** **мы** роком. ПОЭТ. Кыш!* (С. Чёрный. Русский язык).

4.2.2. ЖЁСТКОЕ ЗВУКОСОЧЕТАНИЕ [лат. *dura pronuntiatio*] – скопление согласных: *и**з** **грёз**, **где** **взо**р **же**нщины нежен* (Е. Каминский. Большой и бездушной лопатой…); *Воскресший Пё**тр**, **в** **р**ыцарском плаще…* (А. Ткаченко-Гастев. Петербургские трамваи). Как солецизм (см. рубрику 5.5): *Речь идёт о**б** **е**стественности такой* (А. Кушнер. Я-то знаю, увы, что нельзя окно…), ср. в пародии, имитирующей просторечие: *Само собой пошёл скандал Промежду нами. И тут я что-то ей сказал О**б** **е**йной маме…* (А. Иванов. Рассказ новобрачного).

4.3. Паразитарная ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ. Регулярным её источником в стихотворной речи выступает инверсия: *Быть может, потому поэту **и** **родная*** [кроме ещё какой-л.? – *В. М.*] *Страна дороже всех* (А. Кушнер. Не в том

[3]Клевать печень Прометея прилетал не Зевс, а посланный им орёл.

[4]Это происходит не в шесть часов, а без пятнадцати три.

[5]Это «противно законам природы» [5: 67].

[6]«[Б]ыло бы затруднительно вообразить, что холмы зыблются над идущими» [6: 98].

беда, что мысль…), ср. *и дороже*. Видом такой двусмыслицы является КАКЭМФАТОН [греч. *κακέμφατον* < *κακός* ‘дурной’, *ἔμφασις* ‘намёк’] – случайный сдвиг как следствие ассоциативной глухоты: ***Не потребность** в звезде // пусть ещё, но уж воля благая* (И. Бродский. В Рождество все немного волхвы…); *И **как ангел**, здесь не ОСТАВИВ СЛЕДА* (Ю. Арабов. Антология), слышится *какангел*, воспринимается как некое словотворчество; добавим, что след оставляют мухи, но не ангелы. А вот *какангел* с копытами (см. рубрику 2): *Нас, **как ангела** лёгкого стук КОПЫТЦА* (Е. Елагина. Два рождественских стихотворения). Какэмфатон является традиционным предметом вышучивания:

она прекрасна **как акация**
её прекрасней не найти
а я такую **какакацию**
хочу в рекламу поместить
чтоб там висит и улыбается
а я **как ангел** во плоти
смотрю туда и мне **какангелу**
охота по небу летать
чтоб я взлетаю в небо синее
где все **какангелы** вокруг
а эта снизу **какакация**
мне машет чем не разглядеть
А. Левин. [О]на прекрасна как акация…

К этой же рубрике отнесём АССОЦИАТИВНУЮ ГЛУХОТУ – ведущее к двусмыслице невнимание к паразитарным ассоциациям по смежности, по близкозвучию, к паразитарным коннотациям и пресуппозициям. Паразитарные ассоциации возникают у литературных выражений в результате регулярного употребления в эвфемистической функции. Такие выражения отягощены обсценными фонетическими (*абзац*, *пинцет*), структурными (*долбаный*, *клёпаный*) и деривационными (*голубой*) ассоциациями, которые не всегда учитываются: *в марте // я **имел** эту жизнь // этот город // страну // и букварь // а уехать в париж // всё равно что приблизиться к смерти* (Евг. Бунимович. [Н]ас как птиц по москве…)[7]; *Я есмь лишь часть себя иль гость необычайный? // Начало вечности или **конец срамной**?* (С. Петров. Я думаю иль кто-то мыслит мной?); *Как было легко // в этом дне, что забыт, полустёрт, // бутылке «Клико» // разбиваться о **клёпаный** борт!* (А. Вергелис. Фотография в альбоме); у того же автора: *Парикмахерши-ударницы // **обслужили целый взвод*** (Парикмахерши-ударницы…). Пример невнимания к синтагматическим ассоциациям: *Ни горя, ни веков, Померкших вдалеке, А только ряд **стихов**, **Не тонущих** в реке!* (А. Кушнер. Полнолуние). Ю. Колкер полагает, что «[…] автор, не умеющий устранить все ненужные ему [и, добавим, шокирующие и отталкивающие читателя. – *В. М.*] ассоциации, не владеет формой» [7: 75].

4.4. НЕПРАВИЛЬНОСТЬ РЕЧИ в сферах: 1) орфоэпии: а) акцентологии: *он **заявил** – Вели**к**ий П**о**ст. // Уж**о** теб**е** ПРИЩЁМЯТ хв**о**ст* (И. Бродский. Я пробудился весь в поту…)[8]; *Теп**е**рь ШЕВЁЛИТС**Я** как б**ы** молл**ю**ск. // Слог притупился, не отточен* (В. Гандельсман. Вечер поэзии); *невнятный запах прели и тра**вы** – в апреле вы жестоки и ПРА**ВЫ*** (Е. Рейн. Истинный Новый год); *Дикий шиповник и белый, белее люб**ого**. Тот, кто тебя назовёт, переспорит И**ÓВА*** (О. Седакова. Дикий шиповник); б) произношения: *И глаза бы мои не глядели, как время мо**ё** Через силу идёт в коллективное НЕБЫТИ**Ё*** (С. Гандлевский. Мою старую молодость…); 2) грамматики: *Припадут, в песок ЗА**РОЯСЬ**, // поднесут дары, // радость хрупкая, как **робость**, // утренней поры* (В. Гандельсман. Мелодия); *Ещё за зимней сказкою Не Ж**ГЁТ** тебя тоска* (А. Городницкий. Односельчанин Пушкина); *И снова УЕДЬ, // Непременно во мраке* (Ю. Ламская. Вернись в этот город…). Ортологические ошибки становятся предметом особенно жёсткой критики: а) «[…] уедь» – «плебейская форма от глагола «уехать». Повелительное наклонение от него – «уезжай». А от глагола «ехать» – «поезжай» (форма «езжай» считается просторечной, «ехай» и «едь» – недопустимыми ни при какой погоде» [8: 319]; б) «Совсем иное дело, когда подобную ошибку совершает автор, щеголяющий своей учёностью. В библейском имени *Иов* (в рифме) Седакова ставит ударение на втором слоге, чем тотчас подрывает доверие ко всему строю своих нарочито изысканных стихов» [7: 80]. Строго говоря, в имени *Иов* возможно вариативное ударение.

4.5. ОДНООБРАЗИЕ РЕЧИ, в частности ТАВТОЛОГИЯ: *Не думал я однажды человеком // бы**ть** переста**ть*** (О. Дозморов. Старуха-жизнь со мной играет в прятки…); *Гора, наверное, стать **б**ашней **бы** хотела, На мир осмысленней тогда **б** она глядела, **Б**ойницы **были** **б** в ней, смотрела **бы** сквозь них; Скала – со**б**ором **бы**ть мечтает то и дело* (А. Кушнер. Гора, наверное, стать башней бы хотела…). Ср. в иронической имитации поэтического косноязычия: *Ка**бы** был **бы** я моложе, Да сложен **бы** хорошо, Я **б** на велике **бы** то-*

[7]Учитывая личность автора, мы склонны исключить возможность грязного намёка.

[8]«С ударениями Бродский обходится с излишней свободой. Похоже, что часто он делает это бессознательно, не заботясь или не зная о литературной норме» [6: 135]. Как известно, поэт среднюю школу не окончил, доучивался же в школе рабочей молодёжи.

же Прокатился нагишом (И. Иртеньев. Кабы был бы я моложе…).

При рассмотрении вопроса об оценке недочётов в идиолекте почитаемого поэта трудно сохранить непредвзятость. Анализируя стихи Б. Пастернака, М. И. Шапир указывает на фактические ошибки, катахрезы, абсурд, плеоназм, «нечаянную двузначность», «синтаксическую амбивалентность» (амфиболию), «неосмотрительное обращение с канцелярским слогом», неблагозвучие, анаколуф, «аграмматизм», ошибки в ударениях (*ло́жится*, *зво́нят*) [9]; сходные наблюдения над стихами И. Бродского находим у Ю. Колкера [6]. Шапир трактует выявленные им погрешности как составляющую идиостиля, «эстетику небрежности», Колкер в оценках ошибок традиционен. Видимо, прав последний, поскольку ошибки не могут составлять особенность идиостиля.

Из числа рассмотренных выше недочётов в текстах ОМ присутствуют:

1. Отдельные неправильности (см. рубрику 4.4) в сферах: а) ударения: *Вслед за н**и**м мы его не ПОВТ**О**РИМ* (Флейты греческой тэта и йота…); *Все твои, Микель **А**нджело, С**И**РОТЫ, Облечённые в камень и стыд* (Рим); б) произношения: *И сознанье своё затоваривая Полуобморочным БЫТИЁМ, Я ль без выбора пью это варево, Свою голову ем под огнём?* (Стихи о неизвестном солдате); в) грамматики: *Чтоб горло повязать, **я не имею шарфа!*** (Мы напряжённого молчанья не выносим…, 1912). Здесь имеет место влияние используемого в семье ОМ немецкого языка, cf. *ich habe keinen Schal* ‘я не имею шарфа’. 2 января 1937 г. поэтом была внесена правка: *И горло греет шёлк щекочущего шарфа*…

2. Есть случаи применения жёстких звукосочетаний, но говорить об их случайном характере трудно. Так, в акромоносиллабике, рассмотренной ниже (см. раздел 2), консонантные скопления усиливают терминальную спондеическую цезуру, вынуждая исполнителя к облигаторному применению пауз (именно так читает это стихотворение ОМ в записи С. И. Бернштейна): *Явлений раздви**нь** || **гр**ань, Земную разру**шь** || **кл**еть И яростный ги**мн** || **гр**янь – Бунтующих та**йн** || **м**едь!* (Сегодня дурной день…, 1911). Техника эвфонической верификации стиха проста: «В. Брюсов считает сочинение стихов без одновременного произнесения невозможным. А. Ахматова полагает, что стихи необходимо проверять на слух, во избежание возможной какофонии. О. Мандельштам сочиняет стихи вслух» [10: 18]. Произносительные движения обеспечивают проверку на артикуляционное благозвучие, слух – на акустическое.

3. Единичные фактические неточности (см. рубрику 1). В стихотворении «Царское село» читаем: *Поедем в Царское Село! Свободны, ветрены и пьяны, Там улыбаются **уланы***… А. Ахматова комментирует: «То же подчёркнутое невнимание в строке – “Там улыбаются уланы”. В Царском сроду уланов не было, а были гусары, жёлтые кирасиры и конвой» [11: 18].

4. Инкогерентность речи (см. рубрику 4.1). В этой связи приведём наблюдение Г. С. Померанца: «Теоретизируя, ОМ легко запутывается» [2: 392]. Теоретическая мысль требует композиционных навыков, которые, по оценке Д. П. Святополк-Мирского, у ОМ отсутствуют:

> «Своеобразный поэт с очень «необщим выражением»; основная линия его творчества ведёт к возрождению классической оды, Ломоносовской риторики большого стиля. Но своеобразное косноязычие мешает Мандельштаму выдержать своё красноречие. В отдельных стихах, двустишиях, строфах почти сравнимый с Расином – Мандельштам беспомощен в композиции больших масс. Получается перебойное мелькание ряда риторических планов, напоминающее кубистическую картину» [12: 202].

Рассмотрим под этим углом зрения выдержку из статьи ОМ «Слово и культура», где тезис [γ] опирается на посылки [α] и [β]:

> «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозём, оказываются сверху. [α] Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днём, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времён. [β] Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму [γ]» [13: 169].

Демонстрация, т. е. речение, эксплицирующее связь между тезисом [γ] и подтверждением [α] + [β], здесь отсутствует, что естественно для лирики, но едва ли допустимо для научного дискурса. Восстановим демонстрацию [δ]:

> Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозём, оказываются сверху. [α] Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днём, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времён. [β] Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму [γ], ибо революция, подобно плугу, взрывает время, и его глубинные слой, классицизм, оказывается сверху [δ].

Эту особенность идиолекта ОМ отметил и Г. В. Адамович: «Мандельштам в разговоре логику отнюдь не отбрасывал, но ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он их пропускал, <…> считая, что всякого рода «значит», «ибо», «следовательно» лишь загромождают речь и что без них можно обойтись […]» [1: 95–96]. Тем не менее в стихотворной речи инкогерентность приемлема, для лирики же органична. ОМ, как

и А. Блок, говорит намёками. Разницу между двумя поэтами точно обозначил Г. С. Померанц: «Блок был искреннее и глубже других символистов. Он сам понимал, что создаёт инфляцию знаков тайны, бумажных денег тайны, за которыми то ли золото, то ли труха. Поколение, к которому принадлежал Мандельштам, почувствовало это ещё острее. Ещё очень рано, до осознанного акмеизма […], Мандельштам писал: *Ни о чём не нужно говорить, Ничему не следует учить*… <…> То есть надо говорить не говоря. Подвести читателя к чувству неназванной тайны» [14: 113]. Данная тактика в риторике известна как ЭПИТРОП [греч. *ἐπιτροπή* ‘намёк’] – демонстрация таких фактов, которые склоняют к определённому выводу.

Как видим, тест идиолекта ОМ на недочёты даёт отрицательный результат.

2. Элокутивная компетенция О. Мандельштама

Стилевые тактики не просто создают *форму* текста, «в известном, и притом поверхностном смысле: в смысле внешней формы» как некоего «сосуда», безразличного к содержимому, но образуют продиктованное замыслом *строение* этого произведения как ««закон» предмета»; упрощённое понимание формы «мешает нам оценить собственных классиков» [15: 113]. С этой точки зрения филологическим критерием оценки близости поэта к статусу классика должна выступить оценка его элокутивной компетенции.

Элокутивная усложнённость некоторой части современных поэтических текстов свидетельствует, inter alia, если не о творческом таланте (*ποίησις* ‘творчество’), то о техническом мастерстве и языковом чутье их авторов, среди которых могут быть названы Д. Авалиани, М. Амелин, И. Иртеньев, Б. Кенжеев, Т. Кибиров, А. Левин, Л. Лосев, В. Павлова, Д. А. Пригов, Г. Сапгир, Т. Собакин, В. Строчков и др., обладающие собственным стилем, а значит, собственным узнаваемым голосом; показателен для характеристики речевой компетенции поэтов, названных нами, тот факт, что ни один из них не стал фигурантом раздела (1). В этой связи может быть сформулирована следующая зависимость: ЧЕМ РАЗВИТЕЕ ЭЛОКУТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА, ТЕМ МЕНЬШЕ ОРТОЛОГИЧЕСКИХ И СТИЛЕВЫХ НЕДОЧЁТОВ В ЕГО РЕЧИ.

М. О. Гершензон [16: 228] говорит о редкой способности «поворачива[ть] вещи к обществу такой стороной, с какой оно само не привыкло их видеть»[9]; сюда же отнесём умение «поворачивать» слова[10] в языковой игре: *ГНУТЫМ СЛОВОМ ЗАБАВЛЯЛСЯ, Птичьим клювом улыбался* (А. Тарковский. Поэт). Таким запомнился ОМ автору этих стихов. За склонностью ОМ «к безудержной словесной игре, образотворческому фантазированию» [17: 93], за его «ржактами» [18: 155], за способностью *гнуть* и *поворачивать* (τρέπειν) слова стоят техническое мастерство и уникальное языковое чутьё. Характеризуя ОМ как мастера неожиданных переосмыслений, К. В. Мочульский [19: 106–107] пишет:

> «Иногда кажется, что читаешь стихи, написанные на иностранном наречии. Единственному из современных поэтов, ему даже на русском языке удаётся писать латинские стихи: они производят на нас почти то же впечатление, что оды Горация и элегии Овидия. В его песнопениях первобытная важность: и заклинание, и звон, и ритмический жест. Поистине для Мандельштама еда стала трапезой, а одежда одеянием. И он куёт свою «латынь», напоминая словам об их древней, священной природе. Прикасаясь к ним, обнажает их первобытный смысл и метафору возвышает до мифа».

Такая «латынь», затемняющая и возвышающая смысл, создаётся целым рядом средств, в частности незамкнутых метафор, метафорических цепочек с пропущенным исходным звеном, многоходовых метонимических переносов с пропущенными звеньями, комбинаций переносов; к этому же ряду отнесём следующую зевгму, характеризующую боевой аэроплан: *КРЫЛА И СМЕРТИ* ***уравнение****, – С АЛГЕБРАИЧЕСКИХ пирушек* (А небо будущим беременно…).

По мысли ОМ, звучание слова может быть равно значению: *Значенье – суета, и слово – только шум, Когда фонетика – служанка серафима* (Мы напряжённого молчанья не выносим), т. е. «фонема может быть помещена внутри значимости» [20: 228]. Этому образу соответствуют применяемые ОМ звуковые метафоры, анаграммы, фонетические аллюзии:

> Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
> Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
> В семивершковой я метался **кутерьме**!
> Клевещущих козлов не досмотрел я драки:
> Как петушок в прозрачной лёгкой **тьме**…
>
> Стансы

[9] Такая способность, если следовать мысли М. О. Гершензона, усиливается: а) при билигвизме и принадлежности к двум культурам (напр., у русской аристократии – культуре русской и французской, русской и английской, etc.); б) при знакомстве с иным языком (греческим, латинским) и соответствующей культурой, что практиковалось в русских гимназиях до 1917 г. ОМ знал французский и немецкий, итальянский и испанский, был знаком с древнегреческим, в детстве учил древнееврейский.

[10] Ср. греч. *τρέπειν* ‘поворачивать <слово>’, *τρόπος* ‘поворот, перенос’, отсюда термин *троп*.

Здесь «предмет, о котором идёт речь, не назван. Но слово *тюрьма* ясно ощутимо благодаря его фонетическим подобиям (*кутерьма*, *тьма*)» [21: 272]. Заметной составляющей поэтики ОМ считается наложение одного образа на другой. Эту составляющую реализуют разные тактики, в частности травестирование (пример замечен Н. Струве [22: 59]):

ПАРАФРАЗ:
И всласть, с утра до вечера,
Заигранную вхруст,
Одну сонату вечную
Твердил он наизусть…
ОМ. Жил Александр Герцевич…

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ:
В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
М. Ю. Лермонтов. Молитва

Значимым критерием в оценке элокутивной компетенции следует считать способность к производству новых стилевых техник. В. Пяст фиксирует технику, которую «ввёл, бесспорно, Мандельштам» [23: 276]: *Истонч**а**|ется то|нкий тлен – Фиоле|товый го|белен* (Истончается тонкий тлен…, 1909). Стихи подчинены формуле логаэда Ан2Я1м, где инометрическая вставка Я1м отмечает концовку. Это стихотворение трактуется, в частности: а) вслед за М. Л. Гаспаровым – как трёхиктный дольник; б) вслед за В. А. Плунгяном – как логаэд (см. обзор: [24]. Думается, более точна оценка В. А. Плунгяна.

Рассмотрим ещё один метрический стиль, в русской поэзии восходящий к текстам ОМ. Европейской поэтике известен жанр АКРОМОНОСИЛЛАБИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ [лат. *carmen acromonosyllabicum* < греч. *ἄκρος* ‘крайний’, *μόνος* ‘один’, *συλλαβή* ‘слог’], в котором концовки полустиший и/или строк, а также инициальные части строк отмечены односложными лексемами. На основе акромоносиллабики путём симметризации характерных для моносиллабов сверхсхемных ударений ОМ построил особый тип логаэда. Так, в завершающей стопе следующего дактилического стихотворения за счёт терминального полноударного моносиллаба возникает эффект амфимакра (Х2м):

Я нена|**ви**жу СВÈТ
Одноо|бра**з**ных ЗВЁЗД.
Здра**в**ствуй, мой| дре**в**ний БРÈД, –
Ба**ш**ни стре|льча**т**ой РÒСТ!
Я ненавижу свет… (1912)

Здесь, впрочем, терминальное лексическое ударение можно осмыслить и как метрическое, отсюда дактилохореическая интерпретация Д1Х2м: ***Я** нена|**ви**жу| свет **О**дноо|бразных| звёзд*. Условие сохранения необычного ритмического рисунка – наличие амфимакра, поддержанного двумя лексическими ударениями, что облигаторно требует присутствия моносиллаба в концовке. Рассмотренное стихотворение ОМ трактуется как 3-иктный логаэдический дольник [25: 88], но такая характеристика представляется слишком общей.

Используя технику акромоносиллабики и применяя сверхсхемные ударения, ОМ строит логаэд на основе амфибрахия, в котором последний слог занят полноударным моносиллабом, создающим терминальный спондей:

Сег**о**дня| дурн**о**й ДЕНЬ:
Кузн**е**чи|ков х**о**р СПИТ,
И с**у**мра|чных ск**а**л СЕНЬ –
Мрачн**е**й гро|бов**ы**х ПЛИТ.
Сегодня дурной день… (1911)

Приведём иные метрические характеристики данного текста: а) «3-иктный логаэдический дольник с постоянной 1-сложной анакрусой и нулевым междуиктовым интервалом (форма 1.2.0.0), со сплошной мужской клаузулой» [25: 81]; б) «Лог Аф1ж+Я1м+Х1м» [26: 124]. За этими характеристиками стоит трактовка ударения в терминальном моносиллабе как метрического, а не как лексического, каковым оно в действительности является, т. е. не вполне чёткое разграничение ударений метрических и лексических (см.: [27]). Ритмическая техника, разработанная ОМ, приобрела характер традиции, ср.:

подобр**а**в| язык**о**м| ПЫЛЬ
с корешк**о**в| не мо**и**х| КНИГ
я усв**о**|ю чуж**о**й| СТИЛЬ
закреп**и**в| основн**о**й| МИФ
Св. Литвак. [П]одобрав языком пыль…

Пример спондеической акромоносиллабики на основе дактилохорея:

Если бе|ссм**ы**слица|, **и**зви|н**и**, БРÈД,
т**о** в рела|кс**а**ции| п**о**лу|ч**и** МРÀК.
Гл**у**пость не|б**е**сная| **и**з ме|н**я** ПРЁТ,
и полу|ч**а**ется| – **я**, как| д**е**нь, ПРÀВ.
Н. Байтов. Если бессмыслица, извини, бред…

В следующей хореической акромоносиллабике последние два слога каждого полустишия при скандовке звучат как спондеические:

п**о** ко|л**е**но| б**ы** зай|т**и** в СНÈГ|| **и** сто|**я**ть там|
к**а**к в тра|в**е** ВÈК.
отре|з**а**я| кр**о**мкой| в**е**к СВÈТ||, чт**о** сквозь| д**ы**м
от| с**и**га|р**е**т ВВÈРХ.
д**а** по гр**у**дь бы з**а**брест**и** в тòпь, гд**е** вис**и**т
сред**и** кор**я**г мрàк,

и на г**о**ру б**ы** смотр**е**ть, чтòб **у**слых**а**ть,
как з**а**свист**и**т рàк.
д**а** по ш**е**ю б**ы** скользн**у**ть в прàх,
к г**о**лов**е**шкам **и** угл**я**м, тàм
м**а**лой **и**скрой н**а** костр**а**х птàх м**е**лкий пл**я**шет,
п**о**заб**ы**в срàм.
п**о** мак**у**шку б**ы** ныр**н**уть в ùл д**а** по **у**ши,
с г**о**лов**о**й в àд…
М. Щербаков. [П]о колено бы зайти в снег…

При декламации может применяться как приглушение сверхсхемных ударений (*снѐг*, *вѐк*, *свѐт*), так и усиление (*сне́г*, *ве́к*, *све́т*). Акромоносиллабический стих, не усиленный подхватом, именуется ПРОСТЫМ, усиленный – ФИГУРАТИВНЫМ[11]. ОМ – один из первых русских поэтов, строящих вольный дольник посредством процедуры ВТОРИЧНОГО СТИХОВОГО ЧЛЕНЕНИЯ [27: 36], ср.:

Х4Ж/М →	ВОЛЬНЫЙ ДОЛЬНИК
Всхлипнул март, крикливый месяц,	Всхлипнул март,
	Крикливый месяц,
Взяли сердце под ружьё,	Взяли сердце
Никогда не будем вместе	Под ружьё,
Подсказало мне чутьё.	Никогда
	Не будем вместе
	Подсказало
	Мне чутьё.

М. Бартель. Жалоба, перев. ОМ (1924)

В настоящее время этот приём вошёл в общее употребление. Пример вариации данной техники с преобразованием концевых рифм в начальные и внутренние, а также с подравниванием слогового объёма стихов, откуда обилие внутрисловных стиховых переносов:

АН2/3Ж →
Достаю из кармана
упаковку дурмана,
из стакана пью дым за Романа,
за своёго дружбана,
за лимона-жигана
пью настойку из сна и тумана.
Золотые картины:
зеленеют долины,
синих гор голубеют вершины,
свет с востока, востока,
от порога до Бога
пролегает дорога полого.
На поэзии русской
появляется узкий
очень точный узорец восточный,
растворяется прежний –
безнадёжный, небрежный.
Ах, моя твоя помнит, мой нежный!

ВОЛЬНЫЙ ДОЛЬНИК
Достаю из кармана упаковку дурмана, из стакана пью дым за Романа, за своёго дружбана, за лимона-жигана пью настойку из сна и тумана. Золотые картины: зеленеют долины, синих гор голубеют вершины, свет с востока, востока, от порога до Бога пролегает дорога полого. На поэзии русской появляется узкий очень точный узорец восточный, растворяется прежний – безнадёжный, небрежный. Ах, моя твоя помнит, мой нежный!
Б. Рыжий. «Достаю из кармана…»

Идиостиль ОМ стал образцом, во многом определившим творческую манеру таких поэтов, как П. Антокольский, К. Вагинов, Вс. Рождественский, Н. Тихонов, И. Бродский, О. Седакова и др.; без метрических техник, созданных ОМ, трудно представить современную русскую поэзию.

* * *

Языковая компетенция носителя поэтического идиолекта представлена двумя составляющими: 1) культурноречевой, уровень которой находится в обратной зависимости по отношению к числу: а) допускаемых недочётов; б) их типов; 2) элокутивной, уровень которой определяется числом применяемых стилевых техник. Оценка первой возможна на основе типологии речевых ошибок, второй – на основе типологии фигур (включая ритмические) и семантических переносов. Значимый критерий оценки элокутивной компетенции – способность к производству новых стилевых техник и речевых жанров, т. е. её креативная составляющая; в этом плане ОМ предстаёт как создатель по меньшей мере двух жанров, ставших привычным атрибутом современной русской поэзии: 1) акромоносиллабического стиха со спондеической цезурой; 2) вольного дольника, образуемого посредством вторичного стихового членения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамович Г. В.* Несколько слов о Мандельштаме // Воздушные пути. Альманах. № 2. Нью-Йорк, 1961. С. 87–101.

2. *Померанц Г.* Слово – Психея // Слово и судьба : О. Мандельштам. М. : Наука, 1991. С. 389–398.

3. *M. Fabii Quintiliani*. Institutionis oratoriae. Vol. II. Lipsiae : Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1854. 315 p.

4. *Москвин В. П.* О подходах к определению понятия

[11] В энциклопедии И. Г. Альстеда (1588–1638) читаем: «[…] figuratum est, quod habet perpetuam anadiplosin […]» ‘фигуративный – тот, который имеет сквозной аналиплосис’ [28: 543], т. е. подхват (см., напр., дольниковый гекзаметр В. Брюсова «Рок», 1911).

«троп» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2013. Т. 72, № 2. С. 20–31.

5. *Гордин Я. А.* Вверх по течению в сторону рая // Звезда. 2020. № 5. С. 61–72.

6. *Колкер Ю.* Несколько наблюдений о стихах И. Бродского // Грани. Frankfurt am Main, 1991. Вып. 161. С. 93–152.

7. *Колкер Ю.* Седакова в анатомическом театре // Арион. 1998. № 1. С. 73–81.

8. *Новиков В. И.* Любовь лингвиста. М. : Эксмо, 2018. 512 с.

9. *Шапир М. И.* Эстетика небрежности в поэзии Пастернака // Славянский стих. Вып. VII. М., 2004. С. 233–280.

10. *Бернштейн С. И.* Стих и декламация // Русская речь. Вып. I. Л. : Academia, 1927. С. 7–41.

11. *Ахматова А.* Листки из Дневника (О Мандельштаме) // Мандельштам О. Соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 7–30.

12. *Святополк-Мирский Д.* Русская лирика. New York : Russica Publishers, 1979. 211 с.

13. *Мандельштам О.* Слово и культура // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Худ. лит., 1990. С. 167–172.

14. *Померанц Г.* Осязанием слепого // Das Land und die Welt. München, 1987. № 37 (1). С. 107–117.

15. *Шкловский Б. В.* О законах строения фильм Эйзенштейна // Шкловский Б. В. За 60 лет : работы о кино. М. : Искусство, 1985. С. 113–117.

16. Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона // Новый мир. 1991. № 3. С. 215–242.

17. *Семенко И. М.* Поэтика позднего Мандельштама. М. : Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. 144 с.

18. *Кузин Б. С.* Об О. Э. Мандельштаме // *Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка. М. : Инапресс, 1999. С. 153–179.

19. *Мочульский К. В.* О тяжести и лёгкости (Творчество О. Мандельштама и М. Кузмина) // *Мочульский К. В.* Кризис воображения. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. С. 106–111.

20. *Мандельштам О.* Разговор о Данте // Мандельштам О. Соч. : В 2 т. Т. 2. М. : Худ. лит., 1990. С. 214–254.

21. *Хализев В. Е.* Теория литературы. М. : Высшая школа, 1999. 398 с.

22. *Струве Н.* О. Мандельштам. London : Overseas Publications Interchange, 1988. 336 с.

23. *Пяст В.* Современное стиховедение. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 379 с.

24. *Фролов Д.* О стихотворении Осипа Мандельштама «Истончается тонкий тлен» // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 56. P. 1–15.

25. *Василенко С. В.*, *Лекманов О. А.*, *Нерлер П. М.*, *Плунгян В. А.* Приложение 3. О. Э. Мандельштам. Произведения : стихотворения // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. М. : Полит. энциклопедия, 2017. Т. 2. С. 55–109.

26. *Плунгян В. А.*, *Сичинава Д. В.* Приложение 5. О. Э. Мандельштам. Метрический справочник // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. М. : Полит. энциклопедия, 2017. Т. 2. С. 121–143.

27. *Москвин В. П.* Ударение лексическое и ударение метрическое : разграничение понятий // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2020. Т. 79, № 4. С. 24–50.

28. *Ioan. Henrici Alstedii.* Scientiarum omnium encyclopaediae tomus primus. Lugduni : Sumptibus I. A. Hugvetan Filij & M. A. Ravaud, 1649. 567 p.

REFERENCES

1. Adamovich G. V. A few words about Mandelstam. *Vozdushnye puti. Al'manakh* [Air routes. Almanac]. New York, 1961, no. 2, pp. 87–101 (in Russian).

2. Pomeranc G. Word – Psyche. In: *Slovo i sud'ba : O. Mandel'shtam* [The word and destiny : O. Mandelstam]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 389–398 (in Russian).

3. M. Fabii Quintiliani. *Institutionis oratoriae*, vol. II, Lipsiae, Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1854. 315 p.

4. Moskvin V. P. Approaches to defining the concept of trope. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 2013, vol. 72, no. 2, pp. 20–31 (in Russian).

5. Gordin Ya. A. Upstream in the direction of Paradise. *Zvezda* [Star], 2020, no. 5, pp. 61–72 (in Russian).

6. Kolker Yu. A few observations about the poems of I. Brodsky. *Grani* [Facets], Frankfurt am Main, 1991, iss. 161, pp. 93–152 (in Russian).

7. Kolker Yu. Sedakova in the Anatomical Theater. *Arion*, 1998, no. 1, pp. 73–81 (in Russian).

8. Novikov V. I. *Ljubov' lingvista* [Love of a linguist]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 512 p. (in Russian).

9. Shapir M. I. The Aesthetics of carelessness in Pasternak's poetry. *Slavjanskij stih* [Slavic verse]. Moscow, 2004, iss. VII, pp. 233–280 (in Russian).

10. Bernshtejn S. I. Verse and recitation. *Russkaja rech'* [Russian speech]. Leningrad, Academia Publ., 1927, iss. I, pp. 7–41 (in Russian).

11. Ahmatova A. Pages from the Diary (about Mandel'stam). *Mandel'shtam O. Sochinenija* [Essays : in 4 vols.]. Moscow, Art-Biznes-Centr Publ., 1993, vol. 1, pp. 7–30 (in Russian).

12. Svjatopolk-Mirskij D. *Russkaja lirika* [Russian lyric poetry]. New York, Russica Publishers, 1979. 211 p. (in Russian).

13. Mandel'shtam O. The word and culture. *Mandel'shtam O. Sochinenija* [Essays : in 2 vols]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1990, vol. 2, pp. 167–172 (in Russian).

14. Pomeranc G. By the touch of the blind. *Das Land und die Welt*. München, 1987, no. 37 (1), pp. 107–117 (in Russian).

15. Shklovskij B. V. About the laws of the structure of Eisenstein's films. In: Shklovskij B. V. *Za 60 let : raboty o kino* [For 60 years : works about cinema]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, pp. 113–117 (in Russian).

16. Correspondence between V. V. Rozanov and M. O. Gershenzon. *Novyj mir* [New World], 1991, no. 3, pp. 215–242 (in Russian).

17. Semenko I. M. *Pojetika pozdnego Mandel'shtama* [Poetics of the Late Mandelstam]. Moscow, Vash Vybor CIRZ Publ., 1997. 144 p. (in Russian).

18. Kuzin B. S. About O. E. Mandelstam. In: *Kuzin B. S. Vospominanija. Proizvedenija. Perepiska* [Memories. Works of art. Correspondence]. Moscow, Inapress Publ., 1999, pp. 153–179 (in Russian).

19. Mochul'skij K. V. On gravity and lightness (The work of O. Mandelstam and M. Kuzmin). In: *Mochul'skij K. V. Krizis voobrazhenija* [Crisis of imagination]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2017, pp. 106–111 (in Russian).

20. Mandel'shtam O. Talk about Dante. *Mandel'shtam O. Sochinenija* [Essays : in 2 vols]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1990, vol. 2, pp. 214–254 (in Russian).

21. Halizev V. E. *Teorija literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1999. 398 p. (in Russian).

22. Struve N. *O. Mandel'shtam* [O. Mandelstam]. London, Overseas Publications Interchange, 1988. 336 p. (in Russian).

23. Pjast V. *Sovremennoe stihovedenie* [Modern poetry studies]. Leningrad, Izd-vo pisatelej v Leningrade, 1931. 379 p. (in Russian).

24. Frolov D. About the poem by O. Mandelstam "Thinning thin decay". *Toronto Slavic Quarterly*, 2016, no. 56, pp. 1–15 (in Russian).

25. Vasilenko S. V., Lekmanov O. A., Nerler P. M., Plungjan V. A. Appendix 3. O. E. Mandelstam. Works : poems. *Mandel'shtamovskaja jenciklopedija* [The Mandelstam Encyclopedia : in 2 vols]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2017, vol. 2, pp. 55–109 (in Russian).

26. Plungjan V. A., Sichinava D. V. Appendix 5. O. E. Mandelstam. Metric Reference Book. *Mandel'shtamovskaja jenciklopedija* [The Mandelstam Encyclopedia : in 2 vols]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2017, vol. 2, pp. 121–143 (in Russian).

27. Moskvin V. P. Lexical stress and metrical stress : differentiation of concepts. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 2020, vol. 79, no. 4, pp. 24–50 (in Russian).

28. Ioan. Henrici Alstedii. *Scientiarum omnium encyclopaediae tomus primus*. Lugduni, Sumptibus I. A. Hugvetan Filij & M. A. Ravaud, 1649. 567 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 23.01.2021 / После рецензирования12.02.2021 / Принята 23.03.2021

Received 23.01.2021 / Revised 12.02.2021 / Accepted 23.03.2021

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 295–304
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 295–304
https://zhanry-rechi.sgu.ru https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-295-304

Научная статья
УДК 821.161.1-31.09+929 Водолазкин

Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации в романе Е. Водолазкина «Лавр»

О. В. Кнорц

Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191

Кнорц Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и восточных языков, knorz@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8019-1219

Аннотация. Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации позволяет пролить свет на особенности феномена молчания, выявить его разновидности, специфику проявления в русской языковой картине мира и проанализировать функционал в составе художественного текста.

Понятие «отказ от коммуникации» – более широкое явление, чем собственно речевой жанр отказа, поскольку отказ как таковой предполагает негативную реакцию лишь на инициальные реплики побудительного характера, отказ же от коммуникации может стать как реакцией на любое высказывание, так и не носить реактивного характера вообще, то есть быть инициальной репликой в диалоге.

Особенность высказываний с семантикой молчания проявляется в том, что их иллокутивная цель состоит в невозможности или нежелании дальнейшего продолжения коммуникации и достигается при помощи различных языковых средств, прежде всего, лексем, обозначающих процесс говорения, а также модальных модификаторов, выражающих причину такого речевого поведения. Различия между речевыми жанрами, в основе которых лежит отказ, заключаются в самом объекте отказа, в том, от чего отказывается говорящий.

В русской языковой картине мира молчание характеризуется тем, что является коммуникативным действием, состоит не в отсутствии речи, а передаче информации несловесным способом. В таком случае оно именуется коммуникативно значимым молчанием.

Анализ лексической структуры романа Е. Водолазкина «Лавр» позволил выявить важные фрагменты текста, связанные с молчанием, получить информацию о картине мира автора и о его отношении к феномену молчания.

Ключевые слова: молчание, речевая ситуация несогласия, речевой жанр отказа, иллокутивная цель, отказ от коммуникации

Для цитирования: *Кнорц О. В.* Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 295–304. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-295-304

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Semantic-pragmatic potential of reports of refusal of communication in the roman of E. Vodolazkin “Lavr”

O. V. Knorz

Siberian Transport University, 191 D. Koval’chuk St., Novosibirsk 630049, Russia

Olga V. Knorz, knorz@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8019-1219

Abstract. The semantic and pragmatic potential of statements of refusal to communicate allows shedding light on the peculiarities of the phenomenon of silence, identifying its varieties, the specifics of manifestation in the Russian linguistic picture of the world and analyzing the functionality as part of a literary text.

The concept of “refusal to communicate” is a broader phenomenon than the actual speech genre of refusal, since refusal as such implies a negative reaction only to initial motivational responses, while refusal of

© Кнорц О. В., 2021

communication can become both a reaction to any statement or not be reactive at all, that is, to be the initial remark in the dialogue.

The peculiarity of statements with the semantics of silence is manifested in the fact that their illocutionary goal is the impossibility or unwillingness to continue communication and is achieved using various linguistic means, first of all, lexemes denoting the speaking process, as well as modal modifiers expressing the reason for such speech behavior. The differences between speech genres, which are based on rejection, lie in the very object of rejection, in what the speaker rejects.

In the Russian linguistic picture of the world, silence is characterized by the fact that it is a communicative action, it consists not in the absence of speech, but in the transmission of information in a non-verbal way. In this case, it is called communicatively meaningful silence.

The analysis of the lexical structure of E. Vodolazkin's novel "Laure" made it possible to identify important fragments of the text associated with silence, to obtain information about the author's worldview and his attitude to the phenomenon of silence.

Keywords: silence, speech situation of disagreement, speech genre of refusal, illocutionary goal, refusal of communication

For citation: Knorz O. V. Semantic-pragmatic potential of reports of refusal of communication in the roman of E. Vodolazkin "Lavr". *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 295–304 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-295-304

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Данное исследование выполнено в русле антропоцентрического направления, активно разрабатываемого в последнее время в лингвистике, суть которого состоит в изучении говорящего субъекта, проявляющего свою языковую и коммуникативную компетенции через язык. Актуальность работы состоит в том, что высказывания с семантикой отказа от коммуникации в романах Е. Водолазкина (в том числе и молчание) до сих пор не были предметом специального исследования. Между тем их изучение способно углубить представление о речевой ситуации несогласия, представителем которой они являются [1: 34–38].

Целью исследования является раскрытие семантико-прагматического потенциала высказываний с семантикой отказа от коммуникации.

Объектом исследования является речевой жанр отказа от коммуникации в пространстве современной русской языковой картины мира (описание речевого жанра и его языковое воплощение, свидетельствующее о прекращении общения).

Предмет исследования – семантико-прагматический потенциал вербальных способов обозначения отказа от коммуникации в русскоязычном дискурсе.

Основным материалом исследования послужил текст романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» [2].

Содержание понятия «отказ от коммуникации»

Прежде всего необходимо определиться с объёмом понятия «отказ от коммуникации». Речевой жанр отказа от коммуникации – более широкое понятие, чем выделенный и описанный нами ранее так называемый речевой жанр отказа$_1$ [1: 48], поскольку является не только негативной реакцией на инициальные реплики побудительного характера[1], но предполагает обратную связь на любое высказывание (просьбу, приказ, требование, сообщение, вопрос, мнение и т. д.)[2], а также может вообще не носить реактивного характера, став инициальной репликой в диалоге[3].

Таким образом, данное понятие может быть формулировано следующим образом: **отказ от коммуникации** – это нежелание или

[1]Ср.: *ОТКАЗ*$_1$ – речевой жанр, при котором в ответ на реплику-стимул (выраженную вербально или невербально, прямо или косвенно), содержащую волеизъявление, говорящий субъект отвечает отрицанием, причем делает это вербально (прямо или косвенно), привлекая по возможности для выражения речевого акта арсенал невербальных способов (жесты, мимику, интонацию и др.) [1: 9–10].

[2]Отказ от коммуникации вызван нежеланием говорящего отвечать на поставленный вопрос. Ср.: – *Правда ли, что вы отказались от «Влюбленного Шекспира» в пользу Гвинет Пэлтроу? – Знаете, я лучше* ***не буду отвечать*** *на такие вопросы. Это не по-братски* (К. Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» // «Экран и сцена», 2004.05.06).

[3]Отказ от продолжения разговора на определённую тему не вызван никакой инициальной побуждающей репликой, о чем свидетельствует реакция собеседника *(А я и не спрашиваю).* Ср.: – *Как порядочный человек, – заявил Холодилин, – имена моих боевых товарищей, носителей этих настроений,* ***я не назову. – А я и не спрашиваю!*** (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

невозможность говорящего поддерживать продолжение существующего общения.

Ситуация отказа от коммуникации имеет следующие разновидности: 1) невозможность или нежелание дальнейшего продолжения коммуникации; 2) коммуникативно-значимое молчание, или силенциальное высказывание; 3) уход от ответа, уклонение от разговора. В рамках данной работы мы остановимся на первых двух типах отказа: отказе от дальнейшего продолжения разговора и коммуникативном молчании – высказываниях, вызванных нежеланием или невозможностью говорящего поддерживать процесс коммуникации.

Особенности высказываний с семантикой невозможности или нежелания дальнейшего продолжения коммуникации

Иллокутивная цель высказываний с семантикой невозможности или нежелания дальнейшего продолжения коммуникации состоит в отказе от дальнейшего продолжения коммуникации и достигается при помощи различных языковых средств, в основе которых находятся лексемы, обозначающие процесс говорения (*говорить*, *разговаривать*, *коммуницировать*) и модальные модификаторы, выражающие причину такого речевого поведения (*не могу, не желаю, не буду, отказываюсь, зарекаюсь*). Основные различия таких речевых жанров заключаются в объекте отказа (в том, от чего отказывается говорящий). Это может быть либо сигнал о завершении коммуникации вообще[4], либо отказ от дальнейшего продолжения разговора на какую-то определенную тему или в связи с какими-то иными обстоятельствами – так называемый частичный отказ[5].

Молчание как разновидность отказа от коммуникации и его проявление в русской языковой картине мира

Одной из разновидностей отказа от коммуникации является молчание. Несмотря на относительную новизну изучения эффекта молчания (по мнению лингвистов, «в отечественной науке о языке молчание начинает изучаться в 1990-е годы» [3: 36]), существует множество интерпретаций и подходов к анализу этого явления. Данная работа предлагает свой определенный взгляд на этот феномен.

Осмысление феномена молчания в когнитивно-дискурсивной парадигме современной лингвистики намечается в работах Н. Д. Арутюновой [4], Т. О. Анохиной [5], В. В. Богданова [6–9], Е. В. Тетерлевой, Т. Д. Кузьминых [10], С. В. Крестинского [11], М. Эпштейна [12], О. Е. Носовой [13], Иоко Инубуси [14], М. И. Рудик [15] и др.

Что же такое *молчание*? Согласно толкованию, представленному в Большом академическом словаре русского языка, лексема *молчание* имеет три лексико-семантических варианта, из которых первый («действие по глаголу *молчать*; отсутствие речи, разговора») является основным, а два других («отсутствие публичных высказываний о чем-либо; отсутствие печатных произведений в какой-либо период (у писателя)» и «отсутствие каких-либо звуков; полная тишина») – переносными [16: 1209–1210]. С молчанием как отказом от коммуникации непосредственно связан первый лексико-семантический вариант[6].

В. Н. Бабаян, обобщая современные исследования стратегических ресурсов молчания, выделяет 9 «групп намерений», к которым относится избегание ответа и молчание как несогласие, а значит и отказ, как одна из разновидностей речевой ситуации несогласия [17: 96–97].

Следует отметить, что *молчание* не всегда свидетельствует об отказе от коммуникации, существуют случаи обратного употребления (ср. известную поговорку *молчание – знак согласия*)[7]. Однако такие случаи не будут являться предметом нашего рассмотрения.

Молчание по своей сути имеет денотативно-коннотативное значение, приводит к реализации в речи прагматического эффекта. Оно является коммуникативным действием и имеет знаковый характер, поскольку понимается лингвистами не как отсутствие речи, а как передача информации несловесным способом. Молчание отождествляется с «эквивалентом действия» или «антидействием», так как оно

[4]В данном примере содержится отказ от дальнейшего продолжения коммуникации вообще, маркером такого отказа является авторский комментарий *(он отключился). Ср.: – Хачатрян казался удрученным. – Все-все,* ***больше говорить не могу.*** *Но жду. Он* ***отключился*** (С. Данилюк. Бизнес-класс).

[5]Отказ от коммуникации в данном примере является частичным, он вызван несогласием говорящего с предметом разговора. В случае устранения данных коммуникативных барьеров дальнейшая коммуникация может быть продолжена. Ср.: *Теперь послушаем, как Теллер ответил на прямой вопрос журналиста, как он обходится с «вопросом о Боге»:* ***«О вещах, которых не понимаю, я говорить не буду»*** (Г. Горелик. Основы научного паратеизма).

[6]Ср.: *У крыльца его ждала толпа. Он обвел ее взглядом и* ***ничего не сказал****. Толпа тоже* ***молчала****. Она понимала, что* ***говорить*** *здесь ничего* ***не требуется*** [2: 358].

[7]Ср.: *Идем в военный клуб, где живем, позвольте нам пройти. В* ***ответ*** *Ї полное* ***молчание****. Истолковав это как* ***согласие пройти****, мы сделали несколько шагов вперед* (1957 год. Первый афганский «десант» // «Солдат удачи», 2004.02.11).

является противодействием речи [4: 107]. В таком случает можно говорить об особом, коммуникативно значимом, молчании. Таким образом, коммуникативно значимым молчанием является молчание, посредством которого был произведен процесс передачи-приема информации и ее адекватное декодирование в определенной речевой ситуации. Относительно предмета нашего рассмотрения молчание является также подтверждением отказа говорящего поддерживать коммуникацию.

Существует тенденция рассмотрения коммуникативной многозначности молчания как так называемого «нулевого речевого акта» [10: 63]. По мнению В. В. Богданова, молчание в качестве нулевого речевого акта характеризуется неспособностью словесно выразить мнение; общностью коммуникативного тезауруса, наличием понятной для говорящих ситуации; этикетными причинами; индивидуальными особенностями участников разговора [6: 14–15].

Е. В. Тетерлева и Т. Д. Кузьминых отмечают, что внешне, по своему акустическому составу, молчание тождественно тишине, означает отсутствие звуков и структурно гораздо ближе к разговору. Коммуникативно значимое молчание может быть двух типов: 1) молчание, для которого существует потенциальный вербальный заменитель (альтернативно-вербальное молчание); 2) молчание, для которого нет адекватного вербального эквивалента (цит. по [10: 60]). В данной работе мы будем рассматривать первый вариант – молчание, которое потенциально вербально может быть заменено на ‘**отказ** продолжать дальнейшую **коммуникацию**’.

По мнению некоторых философов, характерной чертой русской нации являются две диаметрально противоположных черты: ее молчаливость и ее многословность, которые в русской языковой картине мира тесно взаимосвязаны[8]. С одной стороны, русская культура – это культура молчаливая, целомудренная, застенчивая, берегущая свой сокровенный смысл, стыдящаяся его выговорить, вывести наружу. С другой стороны, эта культура – необычайно говорлива, утомительно суесловна, и слова в ней заменяют дела [12].

В различных культурах существует разное отношение к молчанию. С одной стороны, у русских людей молчание весьма ценится, не случайно с детства ребенка приучают к тому, что *слово – серебро, молчание – золото.* С другой же стороны, существует и отрицательная оценка молчания, проявляющаяся, по мнению И. А. Стернина и К. М. Шилихиной, «в <…> нетерпимости к молчанию в компании, в группе» [18: 51].

Итак, семантико-прагматический потенциал высказываний с семантикой молчания как отказа от коммуникации состоит в том, что молчание является коммуникативно значимой единицей общения, это коммуникативный акт, структурно близкий к разговору, делящий с ним интенциональную обращенность сознания на что-то и характеризующийся социальным табуированием. Данный акт коммуникации имеет поливекторный характер и в зависимости от контекстуальных условий общения может выполнять множество разнообразных коммуникативных функций, основными из которых являются отказ от дальнейшего продолжения коммуникации на заданную тему и отказ от совершения предписываемых говорящему действий.

Феномен молчания в романе Евгения Водолазкина «Лавр»

Феномен молчания как коммуникативно значимого действия наиболее ярко воплощен в романе Евгения Водолазкина «Лавр» [2]. Созданное специалистом по древнерусской литературе, учеником Д. С. Лихачева, произведение, отнесенное автором к жанру романа-жития, в 2013 г. становится обладателем премии «Большая книга» и получает высокую оценку критиков. Данный текст был выбран нами не случайно: именно в нем молчание как отказ от коммуникации становится важнейшим системообразующим элементом, помогающим, с одной стороны, дать характеристику его персонажей, и, с другой, явиться воплощением авторской концепции, неким «репрезентантом мировидения автора» [19: 126].

Роман неоднократно становился объектом рассмотрения в работах Б. М. Бочкиной [20], М. Г. Махининой и М. М. Сидоровой [21, 22], Н. В. Трофимовой [23], Н. К. Шутой [24], О. Б. Пановой и О. В. Кодочиговой [25], Е. А. Ивановой [26] и др.

В пределах данного исследования предпринята попытка анализа художественного текста с лингвистической точки зрения, через слово. Данный подход в современной лингвистике стал возможен благодаря его (слова) поливекторности, поскольку слово как единица языка и речи обладает сложной разнообразной многослойной структурой и способностью к семантическому варьированию [19: 126]. Основным способом изучения функционирования слова в таком случае становится

[8]Ср.: «Отличительной чертой русской традиции является подчеркивание своей глубинной **бессловесности**, при этом громко и упорно молча, пряча это молчание за **обилием слов**» [10: 61].

лексическая структура, или тематическая сетка текста, в составе которой слово обретает возможность объединять и концентрировать свои «морфологические, семантические, прагматические, коммуникативные свойства» [27: 52]. Несмотря на то что «Лавр» Е. Водолазкина повествует о событиях далекого прошлого, рассматривать его в одном ряду с явлениями сегодняшней коммуникации допустимо и правомерно, поскольку, с одной стороны, семантика и прагматика феномена молчания в настоящее время практически не изменились, а, с другой стороны, изучение отказа от коммуникации на материале романа-жития позволяет прояснить некоторые особенности его современного сценария.

Лексическая структура романа «Лавр» отличается сложностью и многогранностью, где *молчание* имеет множество текстообразующих связей по разным осям семантического пространства. Семантическое поле *молчание* становится одним из ключевых в тексте. В центре его находится лексема *молчать*, ее дериваты, а также некоторые из многочисленных синонимов[9]. Семантическую сетку текста образуют следующие лексемы: *молча (34), молчать (24)*[10], *не говорить (18)*[11], *молчание (13)*[12], *беззвучно (13), безмолвно (8), тишина (8)*[13], *не говоря ни слова (6), замолкать (3)*[14] *безмолвие (3)*[15], *безмолвный (2)*[16], *не произнося ни слова (2), тише (2), беззвучный (1), без звука (1), без хруста (1), молчаливо (1), молчаливый (1), замолкая (1), замолчав (1), не хочу говорить (1).*

Молчание в романе имеет статус «эквивалента действия», при помощи которого необходимая информация передается собеседнику особым, несловесным способом. На это чаще всего указывают авторские ремарки. Например, из авторского комментария становится понятно, что молчание калачника Прохора на вопрос, действительно ли приготовленные им калачи являются «нечистыми», явилось ответом для присутствующих[17]. Авторским комментарием сопровождается «речь» Арсения (*сказал ли?*), в которой он в ответ на упреки Устины «заявляет», что не молчит. Однако лишь благодаря словам автора можно сделать вывод, что вербального ответа все-таки не последовало, хотя ответное действие персонажем и было совершено[18].

Тематическая сетка романа включает в себя так называемое «единство и борьбу двух противоположностей»: *слова* (речи) и *молчания* (отсутствия речи). Это противопоставление начинается с «семантико-экспрессивного пространства» имени (вернее, имен) главного героя. По справедливому замечанию Т. Н. Бунчук и А. И. Дуркина, имена персонажей в романе – это особый авторский замысел, прием, изучение которых очень важно «для раскрытия писательского замысла» и «проникновения в глубинные структуры текста» [28: 1].

Внутреннее противоборство двух стихий: *слова* и *молчания* начинается в романе именно с семантики имен. Как следует из повествования, всего у главного героя было 4 имени (*Арсений, Устин, Амвросий, Лавр*) и 2 прозвища (*Рукинец, Врач*). Два из них, *Арсений* и *Врач*, непосредственно связаны с темой *молчания*. В книге есть отсылка к истокам именования героя: он появился на свет 8 мая 1440 г. «в день памяти Арсения Великого» и спустя неделю «во имя Арсения он был крещен» [2: 13]. Как отмечают Т. Н. Бунчук и А. И. Дуркин, из всех четырех имя *Арсений* является самым употребительным (1547 из 1903 упоминавшихся в тексте), более того, для автора романа герой почти всегда остается *Арсением*, даже несмотря на принятие/присвоение иных имен. Это объясняется желанием автора романа продемонстрировать «духовное единство» разных ипостасей главного героя и объяснить мотивацию его поступков [28: 4]. Семантика *молчания*, *отказа*

[9]По данным словаря синонимов, всего имеется 84 синонима к слову *молчание*, из которых наиболее употребительными являются: *ответ, молча, тишина, точка, покой*. Применительно к предмету нашего рассмотрения частотными можно назвать редко используемые синонимы этого слова: *смолкать, умалчивание, беззвучие, замолкать, притихнуть* [*Молчание* – синонимы и близкие по смыслу слова [Электронный ресурс]. URL: https://wordsynonym.ru/%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 12.11.2020), свободный].

[10]*молчал (7), молчишь (4), молчала (4), молчат (3), молчать (3), молчит (2), молчу (1)*

[11]*не говорю (2), не говорит (3), не говорят (2), не говорил (7), не говорила (1), не говорили (3)*

[12]*молчание (5), молчании (4), молчанием (1), молчания (1), молчанию (1)*

[13]*тишина (3), тишине (2), тишину (1), тишины (1), тишиной (1)*

[14]*замолкает (2), замолкают (1)*

[15]*безмолвие (2), безмолвия (1)*

[16]*безмолвного (1), безмолвному (1)*

[17]Ср.: *Минувшей ночью сей фрукт совокуплялся с женой. Потом, не омывшись, месил тесто и лепил свои калачи. Утром хотел продавать нечистый продукт православным <...> Это правда, спросили присутствующие. Калачник Прохор* ***не отвечал****, но его* ***молчание*** *тоже было* ***ответом*** [2: 190].

[18]Ср.: *Среди ночи Устина приподнялась: мальчик умер, так почему же ты молчишь, ты молчишь уже несколько часов. Я* ***не молчу****, (****сказал ли?****) Арсений откуда-то издалека.* ***Как я могу молчать****?* [2: 94].

от коммуникации связана в имени с монахом-отшельником Арсением Комельским, который отказался от обычной мирской жизни и молча, «**не разговаривая** ни с кем»[19], совершал подвиги.

В одном из прозвищ главного героя – слове *Врач* – также присутствует противоборство *слова* и *молчания*. В тексте романа содержится отсылка к лексемам «*врати – заговаривать*. Такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло слово» [2: 7–8]. Антонимия *говорить – молчать* усиливается с помощью тройного ряда градонимов. Оказывается, что в процессе лечения говорят все, кроме главного героя: 1) врачи, чтобы заговорить болезнь; 2) больные, чтобы подробно описать, что с ними происходит; 3) родственники больных, чтобы уточнить и внести поправки в *«показания близких»*. Особенность же *«человека, о котором идет речь, состояла в том, что он говорил очень мало»*, чаще всего ***безмолвно*** смотря на больного, поскольку он помнил слова Арсения Великого: *«Много раз я сожалел о **словах**, которые произносили уста мои, но о **молчании** я не жалел никогда»* [2: 7–8]. Эти же самые слова будут в тексте практически дословно повторены еще раз, но уже при других обстоятельствах. Они будут знаменовать новый этап в жизни Арсения – *отказ от коммуникации* при помощи слов и переходу к абсолютному *молчанию*. Посчитав себя виновным в смерти незнакомца, в мысленном обращении к Устине Арсений заявляет, что причиной всему было неосторожно сказанные слова, и именно от них впредь при общении с людьми он отказывается[20] .

Конечно, количественно больше всего молчание относится именно к Арсению (43 из 78 упоминавшихся в тексте), тем не менее, помимо Арсения в романе молчат и другие персонажи. Молчание он разделяет вместе с Сильвестром (*они пошли **молча***), сестрами-монахинями (*строительство велось по обоюдному **молчанию***), завеличскими людьми (*Арсений и завеличские **молча** наблюдали, как юродивые шли один за другим*), Амброджио (*Арсений и Амброджио **молча** смотрели ему вслед*) и проч. Молчат все родные Арсения (бабушка, жена Христофора; Христофор; Устина; мертворожденные сын Арсения; отец и т. д.), а также другие главные и второстепенные персонажи (Амброджио, Анастасия, юродивый Фома, Елезар, князь, всадник, Иван и Евдокия, сестры-монахини, младенец Анфим, калачник Прохор, иерей Иоанн, брат Гуго, толпа, Иона и Питирим и др.).

В тексте очень много противопоставлений *слова* и *молчания*. Приведем некоторые из них.

***Крик** (Анастасии) – **молчание** (жителей, ветра, деревьев).* Крики Анастасии, переходящие в хрипы, плавно перетекают в молчание жителей Рукиной слободки. Оппозиция *слово – молчание* передается здесь при помощи нисходящей градации: *кричит – замолкает – хрипит – замолкают – стихает – не шелестят*[21].

Уговоры** (Христофора) – **молчание** (жены Христофора); **уговоры** (настоятельницы) – **молчание** (Арсения).* Уговоры Христофора произнести хотя бы слово не действуют на его жену, убитую молнией. Уговоры настоятельницы остаться в келье, чтобы пережить стужу, встречаются молчанием Арсения. В действие вступает оппозиция ***уговоры** – **молчание[22].

***Вопросы** (присутствующих) – **молчание** (Арсения).* Вопросы о том, кто он такой, натыкаются на молчание Арсения. Использованный автором «диалог» примечателен еще тем, что читатель вскоре понимает, что все описанное было галлюцинацией и никакого диалога вовсе и не было: *«казавшиеся присутствующими отсутствовали».* Арсений вступил в несуществующую коммуникацию с неживыми предметами (ручкой плуга, хомутами, санными полозьями, оглоблями и коромыслами)[23].

*Произнесенные **слова** (игуменом Алипием) – **молчание** (людского моря).* Оглашение завещания Лавра вызывает реакцию молчания людской толпы. Здесь интересна исполь-

[19] *История происхождения имени Арсений* [Электронный ресурс]. URL: https://znachenieimeny.ru/imena/arsenij/ (дата обращения: 12.11.2020), свободный.

[20] Ср.: *Я, который виноват в его смерти, тепл и жив. <...> Я погубил его произнесенным **словом**. <...> Помнил ведь Арсения Великого, неоднократно сожалевшего о словах, которые произносили уста его, но ни разу не сожалевшего о молчании. **Не хочу** отныне **говорить** ни с кем, кроме тебя, любовь моя* [2: 162].

[21] Ср.: *Из пещеры раздается **крик**. <...> Анастасия кричит <...> Аверкий бьет ее лицом о колено. Анастасия **замолкает** <...> Она **не кричит**, она **хрипит**. До ушей стоящих этот хрип летит целую вечность <...> Все **замолкают**. **Стихает** утренний ветер, и деревья больше **не шелестят*** [2: 427].

[22] Ср.: *Он (Христофор. – О. К.) **уговаривал** жену встать и вернуться домой. Она **молчала**. И ничто не могло заставить ее **говорить*** [1: 19]. *По распоряжению настоятельницы Арсения переместили в дальнюю келью, где ему было велено пережидать лютую стужу. По прошествии же трех дней Арсений покинул дальнюю келью и вернулся в свой дом на кладбище. На все **уговоры** остаться он отвечал **молчанием*** [2: 200].

[23] Ср.: *Они* (присутствующие. – *О. К.*) ***спрашивали** Арсения, кто он таков, но он **молчал*** [2: 172].

зованная автором метафора моря: произнесенные слова начинают шириться в людском море, как круги на воде[24].

Примечательна роль в романе некоторых персонажей, в частности юродивого Карпа. С позиции семантики его имя весьма символично. По мнению Т. Н. Бунчук и А. И. Дуркина, оно в определенный момент «*становится* ***символической границей*** *между двумя периодами жизни Арсения»,* плодом[25], результатом «*наступившей духовной зрелости Арсения, его готовности к путешествию ко Гробу Господню»* [28: 6].

С позиции же *молчания* Карп выполняет роль своеобразного **альтер эго** главного героя: пока Карп был жив, он брал на себя роль рупора Арсения/Устина, донося до других его намерения и помыслы. Когда же Карпа не стало, Арсению пришлось отказаться от молчания и вновь вернуться к словесной форме коммуникации с другими людьми. Не случайно юродивый Фома говорит ему о том, что со смертью Карпа в его молчании больше нет никакого смысла, он лишается теперь этой возможности и должен начать новый этап жизни – совершить паломничество в Иерусалим [2: 245].

Тем не менее, пройдя все перипетии судьбы, побывав в различных жизненных обстоятельствах, совершив путь от отказа от слова к его принятию, в конце жизненного пути Арсений, столкнувшись с непреодолимой проблемой, вновь просит о помощи жителей лишь молча. Авторский комментарий при этом объясняет причину этого тем, что все сказанное уже вошло в уши людей и впитано их глазами, поэтому легко можно обойтись без слов[26].

В конце романа обозначенные противоположности *слово – молчание* сливаются, образуя целостную мозаичную картину мира: слова начинают звенеть тишиной, а тишина слова произнесенного оказывается сильнее тишины молчания: *Вернувшись, он никому ничего* ***не рассказывал****. Он вообще* ***говорил*** *очень мало. <…> теперешние его* ***слова*** *звенели такой* ***тишиной****, какая не свойственна самому глубокому* ***молчанию*** [2: 356]. Тема мозаики и упорядоченного хаоса в тексте также не случайна. Четыре абсолютно непохожие друг на друга жизни, прожитые одним человеком, в итоге собираются в одну цельную композицию, соединенную на глубинном уровне и устремленную к высшему началу – к Богу. Именно об этом Лавру говорит старец Иннокентий в ответ на его озабоченность отсутствием единства жизни и рассыпаемости ее на части[27]. И теперь Лавру предуготована новая миссия – стать земным светильником Бога[28]. Цикличность и завершенность жизни Лавра в итоге проявляется в том, что в конце земного пути она оказывается неразрывно связана со всеми ее предыдущими этапами, особенно с началом[29]. И именно на этом этапе молчание обретает новый смысл: теперь уже Лавр сам (не только слова его) представляет собой вселенское молчание, не оставляя после себя никаких звуков[30].

Кроме того, следует указать еще на одни момент лексико-семантического варьирования слова *молчание* в романе, когда оно является не отказом, а согласием. Молчание как знак согласия употребляется в ситуации строительства нового жилья для Арсения на территории кладбища: *За этой работой следили* ***монахини****, но ничего Арсению* ***не говорили****. С его стороны они также не услышали* ***никаких слов****. Строительство велось по* ***обоюдному молчаливому согласию*** [2: 180].

---

[24]Ср.: *Служба в храме толпе не слышна. Вначале ей не слышны и слова, произнесенные игуменом Алипием на церковной паперти: он оглашает завещание Лавра. Но эти* ***слова*** *Алипием произнесены. Они ширятся по толпе, как круги от брошенного в воду камня. Через минуту людское море* ***замолкает****, ибо предстоит нечто невиданное* [2: 439].

[25]Ср.: *Имя Карп в переводе с греческого означает 'плод' <...> ассоциативно выражает мысль о наступившей духовной зрелости Арсения, его готовности к путешествию ко Гробу Господню. Мысль о посещении Иерусалима, как плод, созрела в душе Арсения после долгого юродствования. Не зря именно Карп, до этого ничего, кроме собственного имени не говорившего, вдруг произносит: «Кто ми будет спутник до Иерусалима?»* (Цит. по [27: 6]).

[26]Ср.: *Лавр оглядывает толпу и опускается перед ней на колени. Он ничего* ***не говорит****.* ***Все сказанное уже вошло*** *в уши, которые он лечил.* ***Впитано*** *глазами, которые он тоже лечил. Он просит у них о милости, которую сам оказывал им столько лет* [2: 432].

[27]Ср.: *Быть* ***мозаикой*** *– еще не значит* ***рассыпаться*** *на* ***части*** *<...> Это только вблизи кажется, что у каждого отдельного камешка нет связи с другими. <...> Но и в* ***мозаике*** *жизни твоей есть то, что* ***объединяет*** *все отдельные ее части, – это устремленность к Нему. В Нем они вновь* ***соберутся****.* [2: 401–402].

[28]Ср.: *И все удивились произошедшему, и восславили небесного Бога и Его* ***земного светильника Лавра*** [2: 415].

[29]Ср.: *Жизнь продолжалась во всем своем многообразии. Она двигалась* ***хаотично****, как и положено жизни, состоящей из миллионов* ***частиц****, но вместе с тем просматривалась в ней и какая-то общая* ***направленность****. <...> к его* [Лавра. – *О. К.*] *собственному* ***началу****, с которым всеобщая жизнь открылась и для него* [2: 408].

[30]Ср.: *И Лавр отправился на поиски того места, где его душа чувствовала бы себя в покое. <...> Лавр ступал по полусгнившим веткам, и под его ногами они ломались* ***без хруста*** [2: 403].

Таким образом, анализ лексической структуры романа Е. Водолазкина «Лавр» позволил выявить важные фрагменты текста, связанные с молчанием, и получить информацию о картине мира автора в целом и о его отношении к феномену молчания в частности. Молчание как отказ от коммуникации играет в романе роль сюжетообразующего элемента, знаменуя переход героя от одного состояния к другому, а также является средством характеристики персонажей романа и важным элементом изучения модификаций и взаимосвязей слова в составе художественного произведения.

Заключение и перспективы

Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации, выполненный в русле антропоцентрического направления, показал, что отказ от коммуникации – более широкое понятие, чем собственно речевой жанр отказа: он может стать реакцией на любое высказывание или вообще не иметь реактивный характер.

Структура отказа от коммуникации представлена невозможностью или нежеланием дальнейшего продолжения коммуникации, коммуникативно-значимым молчанием, а также уходом от ответа, уклонением от разговора.

Иллокутивная цель высказываний отказа от коммуникации состоит в отказе от дальнейшего продолжения общения и достигается при помощи различных языковых средств.

Молчание как разновидность отказа от коммуникации рассматривается нами как «нулевой речевой акт», структурно близкий к разговору и делящий с ним интенциональную обращенность сознания на что-то.

Молчание имеет поливекторный характер, помимо причин данного действия эксплицируется отказом от дальнейшего продолжения коммуникации на заданную тему, отказом от совершения действия и др.

Существует два типа коммуникативно значимого молчания: 1) молчание, для которого существует адекватный вербальный эквивалент и 2) молчание, для которого такого эквивалента нет.

В романе Е. Водолазкина «Лавр» *молчание* как отказ от коммуникации играет сюжетообразующую роль, означает переход героя от одного состояния к другому, является средством характеристики персонажей романа и важным элементом формирования лексической структуры текста.

Перспектива дальнейшего исследования отказа от коммуникации состоит в его изучении на материале различных дискурсов, а также в осмысление социального статуса и таксономии этого феномена, в частности, изучение отказа как ухода от ответа, уклонение от разговора.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность и благодарность доктору филологических наук, профессору кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» Татьяне Александровне Трипольской за определяющие идеи, ценные советы и важные замечания, поддержку и участие при планировании исследования, за обсуждение результатов данной статьи.

ACKNOWLEDGEMENTS

The author is grateful to Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Professor of the Modern Russian Language Department of Novosibirsk State Pedagogical University for her constructive ideas, valuable advice, and important comments, for her support in designing this research and discussing its results.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бычихина О. В.* Высказывания со значением отказа : семантико-прагматический и когнитивный аспекты : дисс. … канд. филол. наук : Барнаул, 2004. 216 с.

2. *Водолазкин Е. Г.* Лавр. М. : Астрель, 2012. 448 с.

3. *Копылова Т. Р.* Молчание в современной лингвистике : подходы к анализу // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2014. Вып. 2. С. 36–39.

4. *Арутюнова Н. Д.* Молчание : контексты употребления // Логический анализ языка : Язык речевых действий. М. : Наука, 1994. С. 106–117.

5. *Анохіна Т. О.* Комунікативно-прагматичні аспекти силенціального ефекту // Вісник СумДУ. 2006. № 3 (87). С. 175–179.

6. *Богданов В. В.* Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы : сб. науч. тр. Калинин : Изд-во КГУ, 1986. С. 12–18.

7. *Богданов В. В.* Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение : Единицы и регулятивы : сб. науч. тр. Калинин : Изд-во КГУ, 1987. С. 18–24.

8. *Богданов В. В.* Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 90 с.

9. *Богданов К. А.* Очерки по антропологии молчания : Homo Tacens. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1997. 349 с.

10. *Тетерлева Е. В., Кузьминых Т. Д.* Отношение к молчанию в различных лингвокультурах // Language : Russian. In book. Проблемы романо-германской филологии, философии, педагогики и методики преподавания

иностранных языков : сб. науч. тр. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2009. С. 60–64.

11. *Крестинский С. В.* Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2011. Вып. 1. С. 34–37.

12. *Эпштейн М.* Слово и молчание в русской культуре // Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 247–281.

13. *Носова О. Е.* Пословицы о роли и месте молчания : лингвокультурологический анализ // Вестник Башкир. ун-та. 2008. № 13. С. 543–546.

14. *Инубуси Иоко.* Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.

15. *Рудик І. М.* Реактивне мовчання у діалогічній єдності питання – відповідь // Вісник Харківського національного університету ім. Н. В. Каразіна. 2003. № 611. С. 144–146.

16. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. 1460 стб.

17. *Бабаян В. Н.* Молчащий наблюдатель и феномен молчания как коммуникативная стратегия в диалоге // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 2. С. 93–98.

18. *Стернин И. А., Шилихина К. М.* Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : Истоки, 2001. 135 с.

19. *Ружа О. А.* К вопросу о лексической организации текста : опыт прочтения рассказа И. А. Бунина «Сосны». URL: https~://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-leksicheskoy-organizatsii-teksta-opyt-prochteniya-rasskaza-i-a-bunina-sosny (дата обращения : 12.11.2020).

20. *Бочкина Б. М.* Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» (2017) // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2017. № 3. С. 475–483.

21. *Махинина М. Г., Сидорова М. М.* Историческое время в романе Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы) // Филология и культура. 2016. № 2. С. 271–274.

22. *Махинина М.Г., Сидорова М. М.* Мифологема смерти / рождения в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Филология и культура. 2017. № 2. С. 174–178.

23. *Трофимова Н. В.* Традиции древнерусской литературы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Рема. 2016. № 2. С. 7–20.

24. *Шутая Н. К.* Базисная топология в романе Водолазкина «Лавр» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). С. 56–58.

25. *Панова О. Б., Кодочигова О. В.* Традиции древнерусской культуры в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Язык и культура : сб. ст. XXIX междунар. науч. конф. (Томск, 16–18 окт. 2018 г.). Ч. 1. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2019. С. 62–69.

26. *Иванова Е. А.* Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 66–71.

27. *Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А.* Коммуникативная стилистика художественного текста : лексическая структура и идиостиль. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. 331 с.

28. *Бунчук Т. Н., Дуркин А. И.* Стилистические функции имен персонажей в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Огарев-online. 2018. № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://journal.mrsu.ru/arts/stilisticheskie-funkcii-imen-personazhej-v-romane-e-vodolazkina-lavr (дата обращения : 12.11.2020).

REFERENCES

1. Bychikhina O. V. *Vyskazyvaniya so znacheniem otkaza : Semantiko-pragmaticheskii i kognitivnyi aspekty* [Discourse with the meaning of rejection : semantic-pragmatic and cognitive aspects]. Diss. Cand. Sci. (Philol.) Barnaul, 2004. 216 p. (in Russian).

2. Vodolazkin E. G. *Lavr* [Lavr]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 448 p. (in Russian).

3. Kopylova T. R. Silence in Modern Linguistics : Approaches to Analysis. *Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology*, 2014, iss. 2, pp. 36–39 (in Russian).

4. Arutyunova N. D. Silence : Contexts of Use. In: *Logicheskii analiz yazyka : Yazyk rechevykh deistvii* [Logical analysis of language : Language of speech actions]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 106–117 (in Russian).

5. Anokhina T. A. Communicative and pragmatic aspects of the silent effect. *Vestnik SumGU*, 2006, no. 3 (87), pp. 175–179 (in Ukrainian).

6. Bogdanov V. V. Silence as a zero speech act and its role in verbal communication. In: *Yazykovoe obshchenie i ego edinitsy : sb. nauch. tr.* [Language communication and its units : coll. sci. arts.] Kalinin, Izd-vo KGU, 1986, pp. 12–18 (in Russian).

7. Bogdanov V. V. Functions of verbal and non-verbal components in speech communication. In: *Yazykovoe obshchenie : Edinitsy i regulyativy : sb. nauch. tr.* [Language communication : Units and regulations : coll. sci. arts.]. Kalinin, Izd-vo KGU, 1987, pp. 18–24 (in Russian).

8. Bogdanov V. V. *Rechevoe obshchenie. Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Verbal communication. Pragmatic and semantic aspects]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1990. 90 p. (in Russian).

9. Bogdanov K. A. *Ocherki po antropologii molchaniya : Homo Tacens* [Essays on the Anthropology of Silence : Homo Tacens]. Saint Petersburg, Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta, 1997. 349 p. (in Russian).

10. Teterleva E. V., Kuz'minykh T. D. Attitude towards silence in various linguistic cultures. In: *Language : Russian. In book. Problemy romano-germanskoi filologii, filosofii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Language : Russian. In book. Problems of Romano-Germanic philology, philosophy, pedagogy and methods of teaching foreign languages : coll. sci. arts.]. Perm, Perm. gos. ped. un-t, 2009, pp. 60–64 (in Russian).

11. Krestinskii S. V. Silence as a means of communication and its functions in linguistic discourse. *Herald of Tver State University. Ser. Philology*, 2011, iss. 1, pp. 34–37 (in Russian).

12. Epshtein M. Word and silence in Russian culture. In: *Ironiya ideala. Paradoksy russkoi literatury* [The irony of the ideal. Paradoxes of Russian literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 247–281 (in Russian).

13. Nosova O. E. Proverbs about the role and place of silence : linguistic and cultural analysis. *Bulletin of the Bashkir University*, 2008, no. 13, pp. 543–546 (in Russian).

14. Inubusi Ioko. *Fenomen molchaniya kak komponent kommunikativnogo povedeniya* [The phenomenon of silence

as a component of communicative behavior]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 24 p. (in Russian).

15. Rudik I. M. Reactive silence in dialogical unity question – answer. *Bulletin of the Kharkiv National University. N. V. Karazin*, 2003, no. 611, pp. 144–146 (in Ukrainian).

16. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t., pod red. A. M. Babkina, S. G. Barkhudarova, F. P. Filina* [Babkin A. M., Barkhudarov S. G., Filin F. P., eds. Dictionary of Modern Russian Literary Language : in 17 vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1957, vol. 6, 1460 stb. (in Russian).

17. Babayan V. N. The silent observer and the phenomenon of silence as a communicative strategy in dialogue. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2. Philology. Art History*, 2009, iss. 2, pp. 93–98 (in Russian).

18. Sternin I. A., Shilikhina K. M. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative aspects of tolerance]. Voronezh, Istoki Publ., 2001. 135 p. (in Russian).

19. Ruzha O. A. On the question of the lexical organization of the text : the experience of reading the story of I. A. Bunin "Pines". Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-leksicheskoy-organizatsii-teksta-opyt-prochteniya-rasskaza-i-a-bunina-sosny (accessed 12 November 2020) (in Russian).

20. Bochkina B. M. Reflection of the medieval concept of time in the novels by E. Vodolazkin "Laurus" and "Aviator". *RUDN Bulletin. Ser. Literary Criticism. Journalism*, 2017, no. 3, pp. 475–483 (in Russian).

21. Makhinina M. G., Sidorova M. M. Historical time in Vodolazkin's novel "Laurel" (to the problem statement). *Philology and Culture*, 2016, no. 2, pp. 271–274 (in Russian).

22. Makhinina M. G., Sidorova M. M. Mythologem of death / birth in the novel by E. Vodolazkin "Laurel". *Philology and Culture*, 2017, no. 2, pp. 174–178 (in Russian)

23. Trofimova N. V. Traditions of Old Russian Literature in the novel by E. G. Vodolazkin "Laurus". *Rhema*, 2016, no. 2, pp. 7–20 (in Russian).

24. Shutaya N. K. Basic topology in Vodolazkin's novel "Laurel". *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 11 (65), pp. 56–58 (in Russian).

25. Panova O. B., Kodochigova O. V. The traditions of ancient Russian culture in the novel by E. G. Vodolazkina "Lavr". *Yazyk i kul'tura : sb. st. XXIX mezhdunar. nauch. konf. (16–18 okt. 2018 g.)* [Language and Culture : Collection of Articles of the XXIX International Scientific Conference (Tomsk, October 16–18, 2018)]. Tomsk, Izd. dom Tom. gos. un-ta, 2019, part. 1, pp. 62–69 (in Russian).

26. Ivanova E. A. Linguocultural potential of the novel by E. Vodolazkin "Laurel". *The World of the Russian Word*, 2014, no. 3, pp. 66–71 (in Russian).

27. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Vasil'eva A. A. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta : leksicheskaya struktura i idiostil'* [Communicative stylistics of a literary text : lexical structure and idiostyle]. Tomsk, Izd. dom Tom. gos. ped. un-ta, 2001. 331 p. (in Russian).

28. Bunchuk T. N., Durkin A. I. Stylistic functions of the names of the characters in the novel "Laurel" by E. Vodolazkin. *Ogarev-online*, 2018, no. 5. Available at: http://journal.mrsu.ru/arts/stilisticheskie-funkcii-imen-personazhej-v-romane-e-vodolazkina-lavr (accessed 12 November 2020) (in Russian).

Поступила в редакцию 8.01.2021 / После рецензирования 17.02.2021 / Принята 23.03.2021

Received 8.01.2021 / Revised 17.02.2021 / Accepted 23.03.2021

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 305–326
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 305–326
https://zhanry-rechi.sgu.ru https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326

Научная статья
УДК 81’42

Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7532-5788

Аннотация. Статья посвящена переживательным историям о котиках, публикуемым в Интернете московским приютом для кошек «Муркоша», которые рассматриваются в связи с доминантами волонтерского дискурса.

Анализируются речежанровые и нарративные характеристики данных историй. Показано, что их конкретные языковые, текстовые и т. д. особенности вторичны по отношению к главной цели – воздействовать на читателя, побудить его или непосредственно взять котика, или помочь приюту финансово. Соответственно на первый план выходят средства, позволяющие усиливать воздейственность: экспрессия, сентенции и другие типы прямого апеллирования к нравственным императивам, обыгрывание ценностей; на уровне синтаксиса – обилие прямых и косвенных директивов.

Показаны некоторые речежанровые связи природы ПИК с другими жанрами волонтерского и неволонтерского (рекламного) дискурса: их объединяет роль непрямой коммуникации в текстопостроении и (обычно не называемая прямо) практическая иллокутивная цель; различает – разное отношение к ценностям, которыми оперирует автор ПИК (среди них главная – увеличение количества любви и добра в мире).

Котик дается в очеловеченном виде (прием олицетворения) (отсюда, а не только от «рекламной» интенциональности, – много непрямой коммуникации, в том числе метафор, стилизации текстов ПИК под различные «человеческие» жанры), чаще всего – как ребенок. Отсюда – многие «детские» жанры, имитация особенностей детской речи и речи взрослых в общении с детьми. Прием олицетворения обусловливает наибольшее разнообразие экспрессивных средств при описании «наиболее метафорических» составляющих образа котика (актантов фрейма): «характер» котика и «общение» (дружба, любовь) котика и хозяина.

Анализируются иллокутивные типы ПИК, выделяемые самими авторами и маркируемые смайлами (экстренное сообщение о помощи; история котика, поступившего в приют и готового к передаче будущему хозяину; сообщение о необходимости особенно бережного обращения с котиком, имеющим физические или психологические проблемы; счастливая история о котике из приюта, который обрел семью; «письмо из дома» от новых хозяев) и нарративные типы (нарратив с частично выраженным авторством; смешанные (авторство) нарративы; стилизация под «диалог» котика с сотрудником приюта; «нарратив» от имени котика и т. д.).

Отдельное микроисследование посвящено фрейм-структуре ПИК, где выделяются актанты / слоты: котик (внешние данные, «психология» котика, болезни и др. физические и/или психологические проблемы); прошлый хозяин котика, новый или будущий хозяин котика; улица, уличная жизнь, бездомность, опасности; приют «Муркоша» и его сотрудники. Дается характеристика использования и распределения языковых средств (прежде всего экспрессивных: метафор, особенно – концептуальных метафор, определений, включая приложения, эпитеты и т. п.) по актантам и слотам фрейма. В частности, показано, что образ котика формируется тремя содержательными доминантами (концептами): любви-дружбы (как неразрывное единство) (отсюда – образ счастья коммуникации), сиротства и делания добра. Последняя соответствует доминанте волонтерского дискурса. Из двух оставшихся сиротство хорошо с ней сочетается (подчеркивается необходимость, адресность делания добра), а последняя – скорее противоречит ей (предполагается скорее взаимовыгодное сотрудничество, даже обмен, чем бескорыстное служение) и, вероятно,

© Дементьев В. В., 2021

может быть объяснена ориентированностью на многообразие охвата неоднородной аудитории, где мотивы взять котика из приюта тоже могут быть разными.

Ключевые слова: переживательные истории о котиках, приют для кошек «Муркоша», волонтерский дискурс, речежанровые и нарративные характеристики, стилизация, непрямая коммуникация, метафора, фрейм-структура

Для цитирования: *Дементьев В. В.* Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 305–326. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Heart-moving stories about kitties in Runet in the paradigm of the genres of volunteer discourse

V. V. Dementyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7532-5788

Abstract. The article deals with heart-moving stories about kitties published on the Internet by the Moscow adoption center for cats “Murkosha”, which are studied in connection with the dominants of the volunteer discourse.

The article focuses on speech genre and narrative characteristics of these stories. It is shown that their specific language, text, and other features are secondary to the main goal – to influence the reader, to induce him either to take the cat directly or to help the adoption center financially. Accordingly, the means that make it possible to enhance the impact come to the fore: expression, different types of direct appeal to moral imperatives, playing with values; at the syntax level – an abundance of direct and indirect directives. The author shows some speech-genre connections of the heart-moving stories about kitties with other genres of volunteer and non-volunteer (advertising) discourse: they are united by the role of indirect communication in text-building and (usually not directly named) practical illocutionary goal; but they demostrate a different attitude to the values that the author of the heart-moving stories about kitties operates (among them the main one is the increase in the amount of love and goodness in the world).

The cat is presented in a humanized form (the method of personification) (hence, and not only from “advertising” intentionality, there is a lot of indirect communication, including metaphors, pastiche of various “human” genres), most often as a child. Hence – many “children’s” genres, imitation of the features of children’s speech and speech of adults in communication with children. The method of personification determines the greatest variety of expressive means when describing the “most metaphorical” components of a cat’s image (frame actants): the “character” of the cat and the “communication” (friendship, love) of the cat and the owner.

The article analyzes illocutionary types of heart-moving stories about kitties, identified by the authors themselves and marked with smilies (emergency message for help; the story of a cat that entered the adoption center and is ready to be handed over to the future owner; a message about the need for especially careful treatment of a cat with physical or psychological problems; an adoption center that found a family; “letter from home” from new owners) and narrative types (narrative with partially expressed authorship; mixed (authorship) narratives; pastiche of the “dialogue” of a cat with an adoption center employee; “narrative” on behalf of a cat, etc.).

A separate micro-study deals with the heart-moving stories frame structure, where the actants / slots are distinguished: a cat (external data, diseases, and other physical and / or psychological problems, “psychology” of a cat); a past owner of a cat, a new or future owner of a cat; street, street life, homelessness, dangers; adoption center for cats “Murkosha” and its staff. There is a characteristic of the use and distribution of linguistic means (primarily expressive: metaphors, especially – conceptual metaphors, definitions, including applications, epithets, etc.) by frame actants and slots. In particular, it is shown that the image of a cat is formed by three meaningful dominants (concepts): love-friendship (as an indissoluble unity) (hence the image of communication happiness), orphanhood and doing good. The latter corresponds to the dominant of the volunteer discourse. Of the two remaining, orphanhood is well combined with it (the targeting of doing good is emphasized), but the latter rather contradicts it (it is more likely mutually beneficial cooperation, even exchange, than disinterested service) and can probably be explained by the focus on the diversity of reaching a heterogeneous audience, where the motives to take a cat from a shelter can also be different.

Keywords: heart-moving stories about kitties, adoption center for cats “Murkosha”, volunteer discourse, speech genre and narrative characteristics, stylization, indirect communication, metaphor, frame structure

For citation: Dementyev V. V. Heart-moving stories about kitties in Runet in the paradigm of the genres of volunteer discourse. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 305–326 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Статья посвящена относительно новому, но уже распространенному и узнаваемому явлению в современном пространстве интернет-коммуникации, тематических форумов, блог-постов и онлайн-медиа – историям на «кошачью» тему. В поисковых системах (Яндекс, Mail.ru) контент-агрегаторы регулярно ставят их в топ новостей в браузере. Полагаем, это не случайно: их охотно читают – прежде всего, конечно, «кошатники» (любители кошек)[1], но не только они. Кто-то читает такие истории из праздного любопытства, кого-то они заставляют включаться в волонтерское движение, имеющее целью помощь братьям нашим меньшим, а также разнообразные мероприятия по информационной поддержке данного движения. В иллокутивно-прагматическом (целевом), языковом, стилистическом, риторическом, жанровом и т. д. отношении данные тексты сильно различаются: среди них есть занятные реальные истории из жизни, и истории вымышленные, расцвеченные трогательными, счастливыми или жуткими подробностями (по сути такие вымышленные истории представляют собой художественные произведения и должны отвечать всем требованиям и категориям художественного дискурса; есть и стихи о кошках, и авторы, «специализирующиеся» на таких стихах), и презентации работы соответствующих волонтерских организаций, и отчеты о результатах этой работы.

В статье рассматривается не вся эта совокупность разнообразных текстов, с трудом поддающаяся систематизации (это – задача будущих исследований), а более локальное и более упорядоченное в формальном и содержательном отношении явление – истории, написанные и размещенные в Интернете волонтерами, занимающимися помощью животным, а именно: московским приютом для кошек *«Муркоша»*. Стандартизация этих текстов настолько высока, что делает их если не полноценным сложившимся речевым жанром, то безусловно жанроподобным явлением, которому мы даем условное наименование *переживательные истории о котиках* (далее – ПИК) (см. ниже о речежанровых доминантах ПИК). От слова «сентиментальный» мы отказываемся из-за нежелательной ассоциации с определенным литературным направлением. Слово *котик*, а не «кот», «кошка» выбрано, во-первых, из-за его высокой частотности в текстах историй (см. ниже), во-вторых, из-за того, что больше соответствует образу, рисуемому в данных историях с нежностью и жалостью.

ПИК рассматриваются нами через призму жанров и категорий *волонтерского дискурса*, частью которого, несомненно, являются. По нашему мнению, принадлежность волонтерскому дискурсу не меньше, а больше, чем собственно тематика, определяет текстовые, языковые, речежанровые и т. д. признаки ПИК.

Приведем два примера типичных ПИК (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала):

Счастливая сказка для кошки Мальвины

В одном дворе, под раскидистым кустом тихонько плакала кошечка, которую бросили. Пушистая, будто облачко, с огромными, наполненными грустью глазами. Ветер трепал смешные кисточки на ушах, ласково гладил пушистый хвост и всеми силами старался успокоить нежную гостью, случайно попавшую в этот уличный мир. Скромную, ласковую кошечку опекун принес в «Муркошу», где красавице Мальвине пообещали написать для нее новую, добрую сказку с счастливым концом. В этой истории у трогательной Мальвины появится добрый хозяин, уютный дом, широкий подоконник с проказниками-голубями за стеклом и теплый плед, на котором нежная Мальвина будет ждать хозяина с работы. Под ласковыми руками пушистая шубка кошечки заблеститзапереливается, счастье заполнит весь дом. Приют «Муркоша» – особенное место, где каждая сказка для наших подопечных становится реальностью. Пусть все сложится!

Этим кошечкам были уготованы страшные судьбы… Но случай распорядился иначе!

Начать историю этой кошки хочется с цитаты из Ветхого Завета, из книги Притчей Соломоновых, актуальной и в наше время: «Праведный печётся и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко».

Сейчас Брауни семь месяцев. Она приехала к нам в середине ноября. Если бы не наш волонтёр, счастливой истории Брауни могло и не случиться.

В конце апреля в щитовую многоквартирного дома подкинули едва открывших глаза крошечных двухне-

[1]Их, по данным социологов, в современной России больше половины – см.: *Россияне любят котов сильнее всех в мире: Социологи подсчитали – такого количества владельцев усатых-полосатых не встречается больше ни в одной стране* // Комсомольская правда. 11.04.17 (https://www.saratov.kp.ru/daily/26664/3686488/); Россия – кошачья сверхдержава // Вести.ру. 13.11.20 (https://www.vesti.ru/article/2484745?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr).

дельных котят. Малыши рыдали и звали маму, они хотели есть, им было холодно и страшно лежать на проводах.

Жильцы вызвали электриков, те достали котят и принесли в офис управляющей компании. Что с ними делать дальше – никто не знал, да и недосуг всем было, наступал дачный сезон, близился первомай, все спешили на дачи. А котят собрались выставить на улицу. У одной из сотрудниц был телефон волонтёра приюта, и ответственная девушка после звонка поехала за малышами, понимая, что либо она их заберет, либо малыши просто умрут одни на улице. Так началась счастливая история четырёх котят – мальчишек Эклера, Штруделя и Профитроля и девочки Брауни, которых наш волонтёр самостоятельно выкормила из соски, вырастила и воспитала в домашних условиях.

Этот счастливый квартет заласкан, зацелован и выращен в абсолютной любви. Пришло время искать котятам хозяев, Профитроля удалось пристроить самостоятельно, а остальные приехали к нам в приют.

Брауни – деликатная и аккуратная кошечка, совсем не навязчива и любознательна. Стоит её погладить, как вся любовь и преданность этого маленького кошачьего сердечка оказывается у ног хозяина. На сердце и лапку Брауни было много претендентов. Совсем скоро у Брауни появился любящий хозяин, и она отправилась домой.

А мы напоминаем, что её братья, Эклер и Штрудель, всё ещё ждут своих хозяев, поторопитесь!

В этих ПИК хорошо видны, с одной стороны, богатый экспрессивными, образными средствами язык, с другой – содержательные доминанты: прием олицетворения (котик подается как человек), главная иллокутивная (практическая) цель – найти котику хозяев, которой подчинены все используемые речевые средства и приемы. Два этих фактора являются главными источниками непрямой коммуникации в ПИК, обусловливая, с одной стороны, большую свободу использования иногда пространных и расцвеченных различными «красивостями» речей, с другой – необязательность и вторичность данных средств (это сближает ПИК с рекламой). Добавим, что котик представляется не просто «человечком», а человечком, с одной стороны, прекрасным, очаровательным (*деликатная*, *аккуратная*, *нежная*, *скромная*, *ласковая*, *трогательная кошечка*; *любовь и преданность этого маленького кошачьего сердечка*; *на сердце и лапку Брауни было много претендентов*), с другой – несчастным (*тихонько плакала кошечка*; *малыши рыдали и звали маму*), что должно усилить эмоциональное воздействие на читателя, вызвать у него желание помочь несчастному котику, который в этом очень нуждается. Присутствует и более общий призыв: «творить добро вообще» (показательна цитата из Ветхого Завета), исправить несправедливость: очень хороший котик оказался в очень плохой ситуации.

Черными красками рисуется улица и уличная жизнь – как источник опасностей, страдания и смерти для котика (*нежную гостью, случайно попавшую в этот уличный мир*; *им было холодно и страшно лежать на проводах*), а также предыдущие хозяева, бросившие котика (их бездушие передано через неопределенно-личные конструкции *бросили*, *подкинули*).

Таком образом, главной **ценностью** в ПИК является обретение котиками дома, превращение их в домашних. Данная константа наполняет содержанием отдельные языковые и речевые единицы, используемые в ПИК, и тексты многих ПИК в целом. Главная **антиценность** («главное зло») – бездомность котика и ее составляющие и причины.

Материалом нашего исследования стали в общей сложности **614** публикаций (ПИК) за 2019–2020 гг. на сайте приюта «Муркоша» (https://murkosha.ru/). Общий объем материала – ок. **65 000** слов. Отметим, что на сайте приюта «Муркоша» доступ к данным историям свободный, но все рассматриваемые нами ПИК с сайта выносились контент-агрегаторами (Яндекс, Mail.ru) в топ новостей. Текстовый объем историй в основном невелик (в среднем от 200 до 400 слов; у самой большой истории объем 1600 слов), что дает нам возможность приводить их целиком или в виде довольно пространных фрагментов.

1. Волонтерский дискурс и место в нем ПИК

Волонтерский дискурс – вербально-текстовая и коммуникативно-речевая составляющая волонтерского движения – занимает важное место в культуре (мировой) последних лет, обслуживается целым рядом социальных институтов (среди которых много совершенно новых, не имеющих аналогов в прошлом), располагает сложившимся (или складывающимся) языком: на уровне официальной и неофициальной терминологии, коммуникативных стереотипов (жанров), однако еще не получил адекватного осмысления в современной гуманитарной науке, в частности лингвистике.

Были только единичные и очевидно начальные исследования [1–3], в которых волонтерский дискурс выводился из лингвокультурного (присущего западному социуму) ценностно-ориентированного концепта *Volunteering*. К ценностным характеристикам данного концепта относятся, с одной стороны, благотворительность (ее составляющие – справедливость, активная деятельность, расширение возможностей для нуждающихся, жертвование), с другой – способствование развитию личности [2].

Е. Г. Елина описала один из жанров волонтерского дискурса – *неофициальный рассказ студента-активиста о своей работе*. Уже на этом локальном материале выявлены доминанты волонтерского дис-

курса: 1) бескорыстное служение, 2) вера в важность выполняемой работы и пользу для человечества в целом, 3) серьезное отношение к выполняемой работе, непосредственно проявляющееся в текстах и языке, 4) (отсюда) почти полное отсутствие иронии, самоиронии и языковой игры [4].

Примем в качестве исходных следующие положения: волонтерский дискурс определяется 1) своими ценностями (притом, что его жанры, типы текстов в значительной степени совпадают с другими типами дискурса – медийного, художественного, рекламного, политического и т. д.); 2) образом волонтера: активист и бессребреник, верящий в свою пользу для общества и человечества в целом («увеличение количества любви и добра на земле»), отказывающийся от богатства и комфорта; 3) при этом отнюдь не отказывающийся от собственного личностного роста (и будущего карьерного роста), более того: это – одна из возможных целей приносимых жертв и лишений.

Представляется, что волонтер во многом близок *подвижнику* – одному из центральных феноменов русской традиционной культуры, суть существования которого может быть определена как бескорыстное служение делу Добра. Принципиальное отличие волонтера от подвижника заключается в образе будущего, которое у подвижника, в общем, не отличается от настоящего, определяемого жесткой сеткой этических и поведенческих регулятивов. У волонтера образ будущего гораздо менее четко определен: не исключено, что волонтер будет заниматься тем же, чем сейчас, и впоследствии, но он также может в какой-то момент прекратить свою бескорыстную, альтруистическую, направленную на улучшение мира деятельность и начать строить карьеру, по отношению к которой волонтерский этап станет своеобразной тренировкой. Хотя бы теоретическая возможность такого будущего, по-видимому, как-то влияет и на настоящее самосознание и поведение волонтера (для подвижника сама такая возможность, по всей вероятности, разрушила бы образ).

Многие волонтеры «специализируются» на помощи животным: волонтер – представитель интерната / опекун / автор ПИК и подоб. историй[2].

Следует подчеркнуть, что институт волонтеров, в частности, волонтеров по помощи животным, – явление не только новое, но и заимствованное для русской культуры, отсюда – языковые лакуны и заимствования. Например, в современном русском языке отсутствует слово для забирания животного из приюта новыми хозяевами – эквивалент англ. *adoption* (ср. *усыновление*, *удочерение* для людей).

Жанрами (субжанрами, жанроидами и т. п.) (официальными / ритуализованными и неофициальными) волонтерского дискурса являются, например:

• презентация работы волонтера или волонтерской организации (сами волонтеры в ней могут принимать участие в разных ролях);

• отчет волонтера или волонтерской организации (официальный) о результатах своей деятельности в целом или конкретного мероприятия;

• пресс-конференция волонтера или волонтерской организации о своей работе;

• церемониальные мероприятия (награждения волонтеров и т. п.);

• блог волонтера или волонтерской организации (разной степени официальности / неофициальности);

• устный (неофициальный или полуофициальный) рассказ волонтера о своей деятельности;

• интервью;

• собеседование (при приеме нового волонтера и т. п.);

• мозговой штурм;

• фандрайзинг;

• флешмоб;

• (социальная) реклама – и реклама конкретных волонтерских организаций и акций и т. п.;

• гимн (включая гимны конкретных некоммерческих компаний), особая вербально-невербальная церемония его исполнения.

(Они в большинстве совершенно не изучены, а если и изучались, то не как жанры волонтерского дискурса, в результате, как уже было сказано, их природа могла пониматься искаженно).

Всё сказанное относится и к ПИК от приюта для кошек, исследуемым нами.

2. Волонтерский дискурс московского приюта для кошек «Муркоша»

«Муркоша» – частный приют для кошек («*Adoption центр*») (как уже было сказано, в современном русском языке отсутствует эквивалент англ. *adoption*), рассчитанный на 500 кошек. Это единственный в России приют, который комплексно подходит к вопросу спасения животных: (1) При поступлении фельдшер

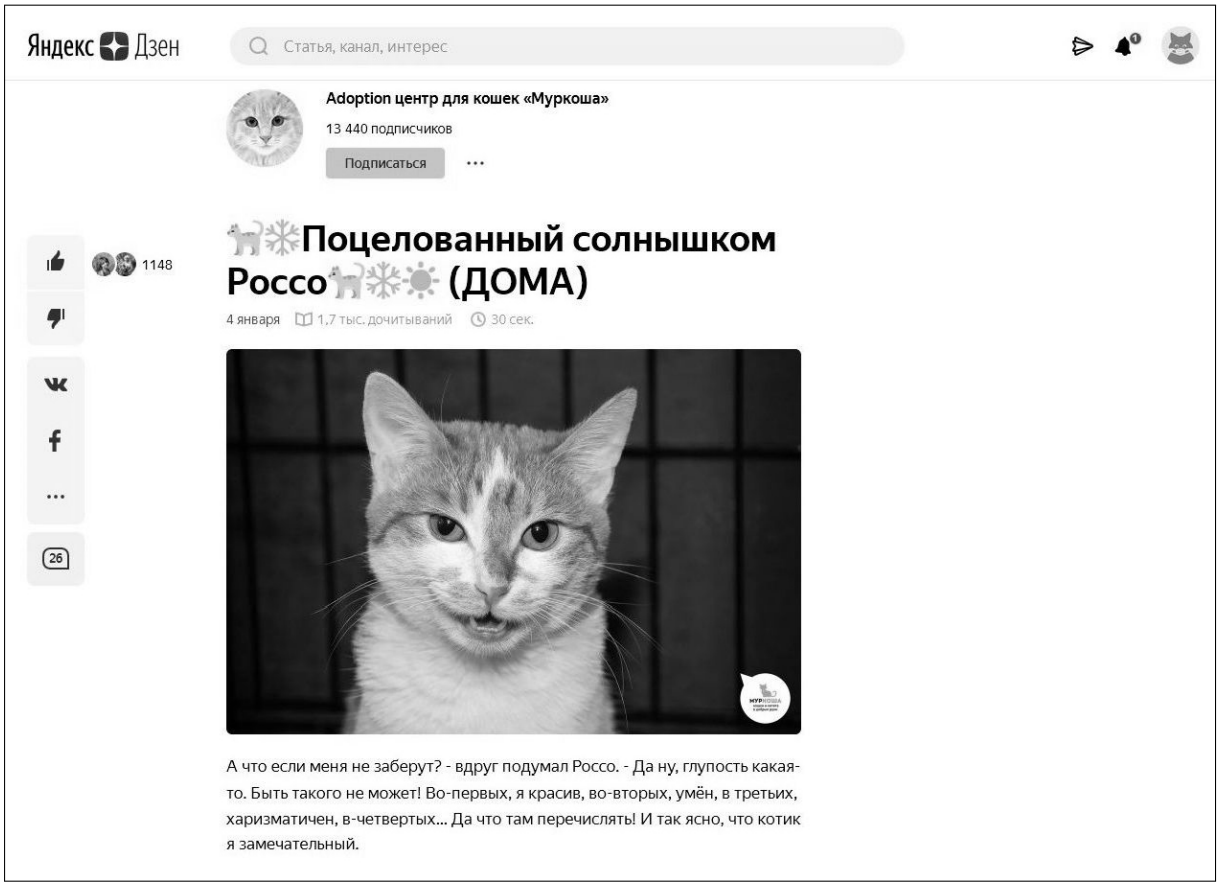
[2]Ср. описание церемонии награждения волонтеров: *Народная премия E1.RU в Екатеринбурге: «Ветеринарная клиника» – номинация, в награждении которой не обошлось без самой трогательной сцены вечера. Пожарный Михаил заслужил любовь всех двуногих и четырехлапых Екатеринбурга после спасения кота из горящего дома на Вайнера. Фотографии, где спасатель делает искусственное дыхание едва живому котику, облетели соцсети и заставили всплакнуть всех, даже главный кошатник страны Юрий Куклачев записал для пожарного видеописьмо: «…Миша, ты очень добрый человек, отзывчивый!»* (https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66276382.html).

осматривает, обрабатывает от паразитов, вакцинирует, чипирует каждое животное. Кот получает ветпаспорт международного образца; (2) Затем кот на 21 день помещается в карантин. За это время сотрудники «Муркоши» выявляют особенности его здоровья, и каждый половозрелый питомец проходит процедуру кастрации / стерилизации в клинике; (3) После кот отправляется в одну из выставочных комнат, где гости приюта выбирают себе кошек. Сведения о питомцах вносятся в единую базу, где ведется учет всех прибывших и уехавших кошек с номерами их чипов, контактами опекунов и владельцев. Фотографы приюта делают снимки котов. На момент переселения кота в выставочную комнату у каждого есть собственный пост в Интернете с фотографиями и текстом (это и есть интересующая нас ПИК). Пост каждого кота публикуется на сайте приюта (160 000 посетителей в месяц) и в соцсетях (подписано более 47 000 человек). Если человеку понравился кот, он связывается с приютом. Там с ним встречается сотрудник приюта, показывает кошек, а также беседует с ним, чтобы понять, готов ли человек взять на себя ответственность за животное. Если посетитель готов стать хозяином коту, с ним оформляется договор, в котором он обязуется заботиться о животном надлежащим образом, и он забирает котика (бесплатно) (информация с сайта приюта: https://murkosha.ru/).

Добавим, что старые истории не удаляются, когда перестают быть актуальными, т. е. котик уже пристроен: история остается на сайте, а к заголовку добавляется: «ДОМА».

Статьи от «Муркоши», которые являются объектом нашего анализа, анонимны; только из общей информации о «команде» «Муркоши» можно узнать имена: Елизавета Менькова – автор статей, выпускающий редактор SMM; Асият Шамхалова – автор статей, автор рубрики «Истории спасения», выпускающий редактор SMM; Ирина Швецова – автор статей, куратор архива SMM.

Данные тексты написаны вполне мастерски, авторы безусловно профессионалы (хотя встречаются пунктуационные и даже орфографические ошибки). (Явно профессионалами являются и фотографы, дополняющие истории о котике качественными фотографиями, которые обычно хорошо сочетаются с содержанием, тональностью и т. д. статей о котике, служа с ними общей цели: способствовать психологическому «включению» читателя; вызывать восхищение и умиление, жалость; а также (иногда) проследить историю котика в развитии.) (Иногда есть и видео, прежде всего – забирания кошечки из приюта новыми хозяевами.)



3. Речежанровые и нарративные характеристики ПИК от приюта «Муркоша». Стилизация и непрямая коммуникация

Речежанровые характеристики

Как уже было сказано, конкретные языковые, текстовые и т. д. особенности ПИК вторичны по отношению к главной цели – воздействовать на читателя, побудить его или непосредственно взять котика, или помочь ему финансово.

Соответственно на первый план выходят средства, позволяющие усиливать воздейственность: экспрессия, добрый юмор, сентенции и другие типы прямого апеллирования к нравственным императивам, обыгрывание ценностей; на уровне синтаксиса – обилие прямых и косвенных директивов.

Это сближает природу ПИК с рекламой, где тоже главное – воздействие на адресата, побуждение его к действию (покупке товара), для чего активно используются и экспрессия, и ценности[3]. Но, в отличие от рекламы, в ПИК много прямых, эксплицитных призывов взять котика из приюта.

В то же время, будучи жанром волонтерского дискурса, ПИК отличается специфическим набором ценностей, среди которых главная – увеличение количества любви и добра в мире (ср. заголовок одной из ПИК: *Возьми котика – спаси Мир!*).

В итоге набор **базовых интенций** рассматриваемых нами ПИК (их, по-видимому, можно также считать речежанровыми доминантами ПИК), с одной стороны, весьма ограничен, с другой – довольно сильно отличается от рекламы: прежде всего, побудить читателей взять описываемого котика или перевести денег на счет приюта (в т.ч. отдать долг за уже проведенное лечение). Несомненно, есть и не столь непосредственно-практическая, утилитарная цель: авторы-волонтеры надеются, что люди в результате прочтения этих историй станут лучше относиться к кошкам, а возможно, и вообще станут лучше, добрее.

Иллокутивные типы

Выделяется (причем самими авторами приюта) **пять** конкретных **иллокутивных типов ПИК**, маркируемых **смайлами**:

1) (смайл «SOS»): экстренное сообщение о беде + обращение за помощью: у поступившего в приют котика тяжелая болезнь, необходимо дорогостоящее лечение, открыт сбор средств:

Никому не нужная кошка в плену одиночества

Ева. Она чувствует, знает. Сворачивается в полосатый клубок и, прикрывая лапами ранимый нос, старается стать незаметнее. Ей некого просить, некому жаловаться, не на что надеяться. От неё отвернулись все, как от виноватой.

Когда-то давно она поверила в людей, смогла почувствовать, что может быть по-другому и даже позволила себе тихонько замурчать, прижимаясь к рукам, что обнимали, подброшенную к лифту, кошку. Но одиночество вернулось…

За содержание Евы накопились огромные долги в размере 58061 р. Мы вынуждены открыть срочный сбор на их погашение и будем благодарны каждому, кто протянет руку помощи нашей подопечной. Потому что вопреки всему, мы верим – ненужных не бывает!

Тайна так и не раскрылась…

Тайна, Тая, Таеечка…. она снова в приюте!

Во взгляде кошки, прожившей три года дома, теперь грусть и горечь предательства. Её вернули в приют, сославшись на то, что за три года домашней жизни кошечка не адаптировалась. Возможно, она не была слишком ласковой, а осторожной, осмотрительной, настоящей аристократкой. Но это не значит, что она не способна любить…

На самом деле, Тайна очень привязалась к хозяевам и с трудом переживает расставание и возврат. Она, поджав хвостик, сидит в углу вольера, плохо ест. Мы все очень переживаем за неё и надеемся, что эта магическая, очаровательная кошечка ещё сможет доверять людям.

Бывшие хозяева перевернули для себя страницу в жизни, в которой Тайна осталась одна. Поэтому нам необходимы средства на содержание и возможное обследование питомицы. Неизвестно, как стресс и пережитые беды повлияли на здоровье.

Этот тип наименее «расцвечен» экспрессивными и образными средствами (хотя они всегда есть даже в самых лаконичных сообщениях).

Остальные типы демонстрируют очень большое богатство экспрессивных и образных средств:

2) (смайл «поднятый указательный палец»): к сведению желающих завести котика: история котика, поступившего в приют и готового к передаче будущему хозяину. В этот иллокутивный тип попадают сообщения об очень разных котиках: взрослых кошках и котятах, воспитывавшихся дома и уличных, имеющих разные «биографии» и т. д., что может быть важно для будущих хозяев, но практически не влияет на текстовые и языковые особенности ПИК: хотя объем такой истории может сильно варьироваться, средства экспрессии

[3]По данным специалистов, доминанты рекламы – коммерческая сверхзадача (кроме социальной рекламы), обязательное выведение главной – воздействующей информации в имплицитную часть (отсюда – элементы манипулирования), принципиальная вторичность любой эксплицитной информации – при частотности и востребованности ее аттрактивности (значимости формы), активная эксплуатация культурных ценностей (включая антиценности) [5].

богато используются во всех ПИК от весьма развернутой до самой короткой:

У снежной королевы Арины оказалось доверчивое сердечко

Пушистое облачко Арину, волонтеры нашли на улице. Она испуганно озиралась по сторонам, как будто искала кого-то глазами. «Почему я оказалась здесь на холоде? Кому буду мурчать теперь и дарить теплоту? Чем не угодила им, ведь я так старалась?» – такие мысли посещали кошечку каждый день, пока она старалась выжить.

Всякий раз мы поражаемся жестокости и безответственности людей, которые бросают своих четвероногих друзей на произвол судьбы. Казалось бы, волонтёры должны к этому привыкнуть, но глядя в грустные голубые глазки Арины, вновь удивляешься чёрствости и бессердечию таких «хозяев».

В «Муркоше» Арина ведет себя спокойно и осторожно. При этом умна, тактична и дружелюбная. Истинная королева с пышной белой шубкой и прекрасными манерами!

А мы делаем все для того, чтобы она как можно скорее встретила своего человека, который всегда будет заботиться о ней и никогда не выкинет на улицу.

Что кроется за грустными щёчками Боси?

В жизни так бывает, что если ты один, то приходится становиться сильнее, злее, черствее, иначе просто не выжить. И это касается не только людей, но и животных. Такая суровая реальность ждала Босю, уличного кота с хрупким здоровьем, потрёпанными ушами и судьбой…

Но, истощённый и одинокий, он оказался вовсе не таким, каким его грозились сделать суровые условия улицы. Бося жил у магазина, ненавязчиво выпрашивая еду у прохожих и прячась при любом резком звуке. Будучи очень робким и осторожным, однажды он всё-таки нашёл в себе силы, собрал волю в лапки, в попытке довериться подошёл к одному человеку и заглянул своими большими грустными глазами ему прямо в душу… и не ошибся. Так, котик вырвал у судьбы шанс на новую жизнь!

Оказавшись в «Муркоше», ласковый и спокойный Бося робко, но благодарно принимал любую заботу о себе, как от волонтёров, так и от гостей приюта, которых умиляли его щёчки формы кренделька и наминающие лежачок лапки. Бося не думал, что у него может быть свой уголок, что о нём будут заботиться, ухаживать, да и даже банально кормить. Не думал, что его могут любить, но… Но всё равно мечтал, что когда-нибудь ему перепадёт хоть маленький кусочек счастья, несмотря на все трудности, боль и невзгоды.

Такие как Бося не выживают на улицах, но они расцветают дома, делясь верными и мягкими объятиями со своим человеком. Но, если ты никогда не был домашним, как сделать в доме первый шаг, особенно, если очень страшно? Как это, быть кому-то нужным? Как разделять и горе, и радость со своим человеком?

Посмотрите на трогательного Босю, а вдруг, он и есть тот самый? И вместе вы сможете ответить на все эти вопросы, в полной мере осознав, насколько это потрясающе просто быть любимым.

Бося так устал ждать, но всё равно продолжает верить, что вы обязательно придёте к нему…

При этом:

3) (смайлы «снежинка» и «разбитое сердце»): котик требует особенно бережного отношения и заботы из-за каких-либо физических или психологических проблем (при описании таких кошек частотно слово «*особенный*» на западный манер):

Судьба, за что ты так, с Леной?

Глядя на фото этого чуда, сложно даже предположить какие испытания ей преподнесла судьба.

Сначала у Лены умерла хозяйка. Питомица оказалась никому не нужна и была выставлена на улицу. Ко всему прочему, у кошки обнаружили сахарный диабет.

Всем миром мы спасали её от этого тяжёлого недуга. Путь к выздоровлению был сложным и расписанным по часам. Но у нашей девочки сильное желание жить, она верила, что всё получится, тем самым помогая не сдаваться нам. Лена также плохо ела из-за сильного гингивита, но мы справились и с этой проблемой. Казалось, можно выдохнуть, но нет. На плановом УЗИ у кошечки обнаружили ОМЖ первой стадии. Нам предстоит удаление гряды, и, возможно, химиотерапия.

За что кошечке такие испытания? – Неизвестно.. Но малышка изо всех сил старается выздороветь и дождаться своего человека, который заметит её, подарит тёплый дом и заботу, несмотря ни на что.

Когда на закате жизни некому помурлыкать на ушко

Всмотритесь в этот прищур глаз; нет, он вовсе не замыслил какую-нибудь шалость, просто Гектор уже многое видел и знает про жизнь кошачью, и не смотрит на мир удивлённым взглядом юного котёнка. У него раньше было всё: тёплые руки и колени любящего хозяина, большой частный дом. Какие, вероятно, радостные рассветы и незабываемые вечера они там проводили вместе. И эта счастливая кошачья жизнь рухнула вместе с потерей близкого человека… Как же быть Гектору теперь?

Гектор мудрый и всё понимает, в его сердце навсегда сохранится свет близких глаз… Ему бы сесть за стол и роман писать! Сколько этот кот счастливых и весёлых историй мог бы рассказать! Он жил окружённый любовью и умеет любить сам. Гектор молод душой и активен, в его сердце тонна нерастраченной любви! Он любит, когда его гладят и не хочет ни на секунду отпускать руку. Гектор нуждается в заботливом и любящем хозяине, чтобы его роман имел счастливое продолжение!

Гектору 15 лет. Необходимо внимательное отношение к здоровью кота в связи с возрастом.

4) (смайлы «торт», «дом»): счастливая история о котике из приюта, который обрел семью (экспрессии много и в счастливых историях беспроблемных котиков, и – особенно – проблемных, «особенных»):

Никто и не сомневался, что этот целовательный нос моментально уедет домой

Бамблби два года. Домашнего котика нашли на улице, он сидел около подъезда и громко горевал о такой своей жизни.

К счастью, розовоносое чудо заметили неравнодушные люди и забрали домой на время поиска бывших хозяев. А когда стало понятно, что рыжика никто не ищет, его оперативно доставили в приют. Обаятельный паренек был очень рад, что теперь он не одинок! Пушистик оказался очень жизнерадостным котиком: активным, ласковым и игривым.

Милый котик с удовольствием принимал внимание и заботу, поглаживания и почесывания и с нетерпением ждал главной встречи.

Харизматичный Бамблби сразил наповал свою будущую хозяйку и через две недели пребывания у нас отправился в новый дом в её крепких объятиях!

«Нам больная кошка не нужна!» Люди выкинули своих питомцев в переносках!

Друзья! Мы невероятно рады поделиться с вами этой великолепной новостью!

Две наши особенные кошечки, за здоровье которых мы долго и упорно боролись, и за которых вы все переживали, обрели долгожданное домашнее счастье!

Брина

Этой пушистой обладательнице невероятной красоты огромных, зелёных глаз шесть лет. Увы, даже таких красавиц чудовищно предают люди… Бывшие хозяева просто выставили на улицу переноску с Бриной, приложив циничную записку: «Нам больная кошка не нужна!». Безответственные владельцы не удосужились вовремя вылечить своей кошке отит, запустили болезнь и решили попросту избавиться от проблемы, выбросив больное животное в переноске на улицу, любезно сообщив миру причину своего предательства. Довольно продолжительный период времени мы кропотливо лечили Брину, но из-за запущенности заболевания слуховые проходы пришлось удалить, и кошечка осталась глухой. За время существования приюта через нас прошло немало животных с особенностями, и мы с уверенностью можем сказать, глухота абсолютно не влияет на качество жизни домашней кошки.

Удивительно, что пережив столько боли, и душевной, и физической, Брина не утратила жизнелюбия и доверия людям. И мы вместе с ней наделялись и верили, что когда-нибудь к Бриночке обязательно приедут душевные люди, которые сделают выбор сердцем, и их не смутит маленькая особенность малышки. Так и случилось! Именно такая семья появилась у этой славной кошечки совсем недавно. Брина, лапочка, будь счастлива!

Через день после того, как Брина уехала домой, мы решили поинтересоваться у новых хозяев, как кошечка чувствует себя в новой обстановке, и незамедлительно получили в ответ это фото. Вопросов больше не имеем…

Хурма

Похожим образом сложилась судьба и двухлетней Хурмы. Прежние хозяева запихнули свою кошку в переноску, вынесли на улицу и оставили, «щедро» снабдив подарками в виде двух мисок с водой и горстью корма.

Растерянная домашняя кошка испытала сильнейший стресс от происходящего, напуганная, замёрзшая и голодная, она не переставая дрожала и рычала на всё вокруг. К счастью, нашлись добрые, отзывчивые люди, которые взялись помочь попавшему в беду животному и отвезли Хурму в «Муркошу».

И когда казалось, что самое страшное уже позади, у малышки обнаружили в глазике инфекцию, вызвавшую страшнейшее воспаление. Увы, назначенное лечение не помогло, тогда врачи провели операцию по пересадке роговицы, но она, к сожалению, не прижилась. Организм не отвечал на антибиотикотерапию и глазик пришлось удалить.

Мы благодарим судьбу за то, что после всех пережитых трудностей, у этой ласковой и жизнерадостной кошечки появились заботливые хозяева, полюбившие её всем сердцем! Мы от души желаем Хурме и её новой семье счастья!

5) (смайл «конверт»): «письмо из дома»: новые хозяева присылают в приют сообщение о том, как живется котику в новом доме.

Как видим, принципиально отличается от всех тип (5) – другим авторством – и, по-видимому, не может быть отнесен к ПИК, но в действительности язык, стиль (стилизация), нарративные типы этих текстов обнаруживают много общего с типами (2)–(4), включая попытки стилизации: возможно, хозяева котика стараются писать «как все в Муркоше» (чисто речежанровый механизм текстопорождения; при этом и ценности те же, что в жанре ПИК), а возможно, письма перед публикацией подвергаются редактированию сотрудниками приюта (этого мы не знаем):

Я теперь не просто Клюковка! Я Клюква в сахаре!

Ещё совсем недавно мы всем миром спасали несчастную малышку Клюковку, и даже не успели помечтать о новых родителях для неё, как они появились на пороге. ❤И уж чего мы не ожидали, так это так быстро получить первое, да такое трогательное, милейшее письмо из нового дома!

«Мы вчера взяли Клюковку ❤

Первый день на новом месте прошёл хорошо! Привезли вчера домой, она боялась выходить из переноски, но потом начали её гладить, играть, и она освоилась немного ❤

Конечно она маленькая бояка пока, но быстро привыкает к новому дому! Ночью гуляла по всей комнате, изучала местность ❤ А сегодня уже совсем освоилась, начала играть в игрушки, бегает по всей комнате, спит на диване ❤

Вчера и сегодня хорошо покушала, и в туалетном вопросе очень быстро сориентировалась, ходит только в лоточек, умничка.

Клюковка очень ласковая и добрая кошечка! Ей очень нравится, когда мы её гладим, даже сама подходит и просит) Мурчит так громко ❤ Сегодня днем уснула прям на ногах, пока гладили её)

Мы влюбляемся в неё с каждой минутой всё больше! Спасибо Вам за это чудо! ❤»

Вот уже 4,5 года люди гладят меня по первому требованию

Долгожданный привет из дома передает кошечка Молли, которая уехала из приюта 23 августа 2015 года (номер 716).

«Привет, «Муркоша».

Извини, что давно не присылала приветов)) Не знаю, помнишь ли ты меня, ведь я дома уже четыре с половиной года.

Дела идут хорошо. Корм вкусный, диваны мягкие, за окном на ветках скачут птицы, а иногда даже белки.

Люди послушно гладят по первому требованию, тискают и разрешают всё на свете.

Говорят, что я очень положительная – куда положишь, там и лежу. Да и, в целом, я кошка, нескромно скажем, почти без недостатков.

Ещё недавно слышала, как люди говорили, что у меня богатырское здоровье, и что я вешу 4 килограмма 600 граммов.

Кто сказал «толстая»? Я не толстая, и даже кость у меня не пушистая. Просто по крови я, думаю, немного сибирская, отчего крупная и безмерно мохнатая, особенно к зиме.

В общем, дорогая «Муркоша», всё у меня прекрасно.

Всем братьям и сёстрам по приюту желаю того же – скорейшего обретения семьи!

Твоя Молли»

В дополнение к названным смайлам, маркирующим отдельные иллокутивные типы, иногда ставятся смайлы – символические мордочки котов «на все случаи»: счастливые, тревожные, плачущие, – а также некоторые другие: смайл «сердце» (его значение – большее эмоциональное вовлечение читателя), «солнце» (если речь о рыжем котике) и т. д.

Нарративные характеристики и типы

Как уже было сказано, нарративные характеристики ПИК, так же как конкретные языковые особенности, средства экспрессии, вторичны по отношению к иллокутивным характеристикам, при этом весьма разнообразны.

Богато используется стилизация и игра с нарративными типами, обыгрываются отдельные (образные, фразеологические и т. п.) единицы в данных текстах:

• **Нарратив с частично выраженным авторством** (автор – сотрудник приюта; иногда с элементами несобственно-авторской речи «от имени» котика): это наиболее распространенный тип ПИК и наиболее разнообразный в жанрово-стилевом отношении: от лаконичной информации до ярких развернутых описаний, изобилующих средствами экспрессии, тропами и т. п. Распространены стилизации под репортаж, проблемный (аналитический) очерк, лирическое описание, рекламу и т. п.:

Связанная с Альпакой жизнь станет теплее

У кошечки Альпаки была семья: трио чёрных котеек жили в доме, но вся троица оказалась выброшенной на улицу. Альпака при этом не растерялась, она говорила своим товарищам по несчастью: «Если мы будем спокойно, с достоинством вести себя на улице, очень может быть, что на нас обратят внимание». Так и получилось, стратегия Альпаки сработала. А возможно, помогла и нарядная шубка кошки – ведь на её белую нарядную манишку невозможно не обратить внимание. И вся Альпака очень ладная и аккуратная и ведёт себя очень тактично, как и полагается воспитанной леди-кошке. Правда, как все хорошо воспитанные леди, наша Альпака немного смущается, когда рядом оказываются незнакомые люди, но если их представят – то кошечка готова начать знакомство. Мы уверены, что хорошие манеры никому никогда не вредили, а Вы согласны с этим мнением? Если согласны – приходите в «Муркошу» знакомиться с Альпакой, она наверняка Вас сможет очаровать.

Ср. трогательные «сиротские» истории «под Диккенса»:

Тотана: «Всё изменилось, и стало так грустно…»

Она уже не помнила, с чего всё началось. Всё изменилось, и стало так грустно. Все разъехались кто куда – а она осталась, одна…

Было так весело вместе жить на даче, придумывать новые игры, не просто салки-догонялки, а самые настоящие приключения. В индейцев – затаиться, спрятаться в «стволах деревьев» из ножек стола и неожиданно напасть, напугав своего «врага».

Или как отчаянный пират брать на абордаж очередной «торговый корабль» из дивана или кресла, рассекая «морские просторы» ковра. Главное – детская фантазия, а её было в избытке.

А потом… А потом трёх котят отвезли в приют. Просто в один день не стало ни «пиратских кораблей», ни «индейских лесов», ни коврового «моря». Они продолжали свои игры, ну и пусть места мало, главное – фантазия. Представить стенки клетки отвесными скалами и лазить по ним, исследуя новую планету, искать «родники» с водой и ловить «дичь» из местных мух. И в обнимку спать в мягком раскачивающемся «гнезде».

По-своему котята были даже счастливы. Но вот уехала старшая сестра, затем средняя. Осталась младшенькая. И она совсем не Золушка, с которой в сказке чудеса случаются. Нет у неё тётушки феи с её волшебством, даже нет маленького пажа, который только учится быть волшебником. Только печаль от одиночества в опустевшей клеточке.

Она так любит игры, так смело бросается в бой с придуманными «врагами» и «добычей». И так грустит одна. Хочет общения и тянется за лаской, ведь она ещё маленькая…

Это наша белоснежная малышка Тотана. Которая ждёт своих новых друзей-хозяев в приюте «Муркоша».

Она цеплялась за эту жизнь, чтобы стать чьим-то счастьем

Она родилась на улице. Маленький чёрно-белый комочек, не нужный никому. Дворовый котёнок, которых принято не замечать. Зачем? Ведь их слишком много, и жизнь их коротка. Холод, машины, жестокие

люди… да мало ли опасностей на улицах наших городов.

Но она не была как все. Отчего-то именно этот усатый комочек, в то далекое время способный целиком уместиться на ладошке, решил бороться за свою жизнь. И она боролась. Боролась, когда погибли остальные котята, боролась, когда в один из дней пропала мама кошка. Боролась, когда впалый животик сводило от голода, а спутавшаяся шёрстка свалялась в колтуны и причиняла боль. И даже, когда её, одинокую, разбитую и уставшую, не приняли дворовые коты, которых подкармливали сердобольные старушки, она не сдалась. Нашла укрытие в ворохе осенних листьев под балконом и, дрожа от холода, промозглыми осенними ночами всё продолжала во что-то верить.

Безымянная на тот момент кроха цеплялась за эту жизнь всеми коготками, потому что очень хотела жить. Просто жить. Столько, сколько отмерит ей жестокая реальность. И, может быть, однажды, преодолев все преграды, успеть побыть счастливой и подарить кому-то тот теплый клубок нерастраченной любви, что тихонько свернулся в глубине одинокого кошачьего сердечка.

Знаете, что чувствуют бездомные кошки, когда их наполненная постоянным страхом жизнь остаётся позади? Когда их, ненужных, потрёпанных, боящихся каждого шороха и никогда не евших досыта, замечает человек?

Мир таких кошек переворачивается, встаёт с ног на голову и кажется ненастоящим. Они не верят, не понимают, что может быть по-другому, что они вдруг стали нужны, стали кому-то необходимы. Они, безымянные уличные тени, чья короткая жизнь лишь каждодневная борьба за выживание.

Вот и она не верила. Не верила, когда, вдруг потеряв осторожность, оказалась прижатой к груди человека, что не смог пройти мимо чужого горя и устроил целую спасательную операцию по поимке дрожащего на холоде, пугливого котёнка. Не верила, когда вместо набившего оскомину слова «брысь», услышала ласковое – «Пушинка», а взамен ожидаемой боли оказалась в укрытии тёплой переноски. Не верила в полную миску еды и тёплую подстилку. Ничему не верила. Забивалась в уголок и тихонько дрожала. Маленькая и одинокая кошечка – бесценная, спасённая с улицы жизнь.

Говорят, у каждой кошки своё предназначение. И если на свет появился котёнок, значит, где-то, в нашем огромном мире, в эту самую минуту кто-то почувствовал необходимость в тёплом, маленьком комочке счастья. Да только человек, чьим долгожданным счастьем предстоит стать Пушинке отчего-то задержался. Может быть, он просто не знает, где её искать?

Мы подскажем! Напишем этот пост и будем изо всех сил верить, что Вы его прочтёте! Ведь по-другому просто не может быть, правда?

Не закончится дорожка к счастью на полпути! И стойкую Пушинку, успевшую перенести за свою жизнь столько невзгод, обязательно заметит её человек. Заметит сейчас, когда из жёлтых, раскосых и таких манящих глаз ушёл страх. Сейчас, когда забота и лечение, через которое пришлось пройти пушистой красавице, дали свои плоды. В эту самую минуту, когда Пушинка расцвела! Из гадкого утёнка превратилась в прекрасную молодую леди, чьи белоснежные вибриссы: усики и бровки, так ярко контрастирующие с чёрной точёной мордочкой и золотом внимательных глаз, распушились и не могут не вызывать восхищения!

А значит, совсем скоро в мире станет на два одиноких сердца меньше! А вот радости и счастья станет больше: счастья прикосновений, мурчаний и теплых объятий. Такого счастья, что мокрым носом тыкается в тёплую со сна щёку, и того, что ласковой рукой гладит мягкую шерстку! Счастья первого, уверенного «Мяу!» Счастья быть вместе!

Вы верите в счастье? В ваше счастье с красавицей Пушинкой? Тогда поторопитесь! Не дайте надежде на встречу, искрами горящей в глазах молодой и целеустремленной кошечки, смениться разочарованием! ♥

• **Смешанные (авторство) нарративы**: нарратив с «мы», нарратив с «я» котика, диалог (один из участников – котик (с разными типами стилизации: «*котик-ребенок*», «*интеллигентный котик*», «*бесшабашный сорвиголова*», «*котик-философ*» и т. п.), включая стилизацию разговора по душам, личной переписки, пресс-конференции или интервью, рекламного объявления, брачного объявления, репортажа с места и т. п.

Стилизация под диалог котика с сотрудником (сотрудниками) «Муркоши»:

Не отвлекайте меня по пустякам, мне надо домой готовиться…

– Няма, а что ты делаешь?

– Родителей жду!

– Расскажешь нам, как ты сюда попала?

– Это грустная история. Мы жили в подвале. Потом случилась беда – мама погибла, и мы остались одни. Тогда пришли добрые люди, забрали нас и принесли к вам. Вот и все.

– Тебе тут нравится?

– Смотря с чем сравнивать. Если с подвалом – очень. А если с домом…

– А ты знаешь, как дома?

– Нет. Но я слушаю соседей и пока получается, что дом – это сказка какая-то. Обычным сказкам я не доверяю, а в сказку про дом – очень верю! Она ведь правдивая?

– Самая правдивая! И мы уверены, что ты скоро в нее отправишься!

– Тогда мне нужно подготовиться! Разработать план, изучить особенности. Вы не отвлекайте меня, пожалуйста, по пустякам, у меня совсем нет времени!

– Хорошо. Мы обратимся к твоим родителям!

Дорогие будущие родители! Няма спокойная, миролюбивая и серьезная малышка, которой очень-очень нужно человеческое тепло и забота. Юная кошечка уже готова к встрече с Вами. А Вы?

Возраст котенка – 2 месяца, помимо информационной поддержки мы обещаем будущим хозяевам помочь со стерилизацией кошечки по самым выгодным ценам, привита по возрасту, есть чип и ветпаспорт, приучена к лотку и когтеточке.

• Обращение сотрудников приюта к будущим хозяевам котика, стилизованное под «светское представление»:

Шерстемир – путешественник с человеческим взглядом

Разрешите представить вам – Шерстемир. Красив. Молод. Шикарен. Пушист. Хорошо воспитан. Общителен и вежлив. Покладист, но знает себе цену. Сведущ в изящных искусствах, среди которых: пение, умение вести светскую беседу, художественная гимнастика.

Сомневаетесь? Вы просто не слышали, как начитанно мурлычет Шерстемир, когда его чешут за ушком, и как изящно выгибает спину, когда его гладят! Помимо прочего, Шерстемир – известный путешественник. Именно тяга к открытиям привела Шерстемира сперва на дачный участок к людям, а затем в «Муркошу», где он обрёл тепло, кров и интересную компанию. Теперь Шерстемир мечтает отдохнуть от странствий и встретить наступающий год дома, с любящими хозяевами.

Приходите в «Муркошу»! Шерстемир, кот редких достоинств, ищет хозяев себе под стать: харизматичных и неординарных! Подумайте… Возможно, Шерстемир ждёт именно вас?

• **«Нарратив» от имени кота**: стилизация под различные жанры: автобиографию, дневник, письмо, прямое обращение к будущим хозяевам:

Куда приводит котиков любопытство

Я всегда умел устроиться. Прогуливаясь среди гаражей, я выбрал людей и заключил с ними договор о кормлении отдельно взятого котика, то есть меня.

Однажды, как обычно, открывая новые земли, я увидел странный предмет, смело кинулся прямо к нему и…

Каждое движение причиняло страшную боль. Каждый вдох заставлял кричать. С трудом выбравшись, весь в крови, я понял, что у меня всего 2 варианта: умирать или идти к людям. И я пошёл.

Увидев меня, люди сказали…

Они сказали, что с них довольно! Что ждать, когда я в следующий раз заявлюсь без лапы или глаза они не намерены! Что колючая проволока (а я угодил именно в неё) далеко не самое страшное, что есть на улице! Что мои прогулки они терпеть больше не намерены и что моей дальнейшей судьбой займутся профессионалы!

А я что – я только мурлыкал благодарно. Теперь меня зовут Джемисон и я живу в «Муркоше». Из-за моего уличного любопытства я повредил лапу, и у меня нет хвоста, зато теперь есть еда, кров, безопасность и главное – надежда на Дом!

Я встречаю всех гостей, потому что кто-то из них однажды станет моим самым лучшим другом на всю жизнь! И как знать, может быть, именно вы?

Джемисону 9 месяцев. Нет хвоста. Особый уход за котором не требуется. Кот кастрирован, привит, чипирован, есть ветеринарный паспорт. Приучен к лотку и когтеточке.

• Стилизация под диалог «кот ~ будущий хозяин»:

Все вокруг достало Вас? Вам поможет кот Тарас!

Я-то? Да легко! Я вообще лучшее средство от всех проблем на свете! Ленивый, вальяжный, спокойный. У неприятностей просто не хватит терпения до меня достучаться. И тебя, дорогой мой человек, я с легкостью этому научу. Вот как развалимся с тобой на диванчике (ну, ты же понимаешь, что на диванчике-то ты, а я на тебе, охранять-то ведь должен, как никак), как засопим синхронно.

А если ты мне в этот момент еще и пузико пушистое почешешь, то все – все проблемы от зависти сами разбегутся. Ты не думай, что я сочиняю, я между прочим с опытом! А то, что выгнали меня, да во двор соседний принесли как вещь ненужную, так то дело прошлое, да люди темные. А ты со мной точно-точно счастлив будешь! Спокоен и не пробиваем, как пушистый танк! Хвостом клянусь!

Так что нечего там у компьютера вздыхать тяжко, одевайся давай и за мной! Буду своей пушистостью солидной в твою жизнь гармонию мурчащую привносить! Выехал уже?

Ср. экзотическую стилизацию под кулинарный рецепт (обыгрывается соответствующая кличка кошки: «*Нежный Мусс*»):

Нежный Мусс – источник витаминов счастья ❤

Сегодня мы раскрываем секрет волшебного, нежного и невероятно воздушного лакомства для души! Готовится такое ежедневно, ежечасно, а иногда и ежеминутно, если того требует накатившая хандра.

За основу берем кота. Пушистого, полосатого, тискательного кота! Быстро и нежно ерошим котячью шубку, мимолётно чмокаем розовый котячий нос, тем самым заряжая кота нежностью, и окунаемся в зелёные витаминные, лукаво сощуренные глазищи. На Ваших коленях замер Мусс! Воздушный, нежный, витаминный, наполняющий душу чарующим мурчанием.

Выдыхаем, улыбаемся и чувствуем, как до краёв наполняемся нежностью, мягкостью и витаминной радостью. Да-да, прямо сейчас наполняемся, зачаровано вглядываясь в фотографию кота, жившего когда-то у офисного здания. И, конечно же, просчитываем в уме пути обладания таким чудом в единоличное пользование. Просчитали? Выезжаете?

Количественные характеристики данных нарративных типов не приводятся из-за их большого разнообразия и часто слабой дифференцированности, смешанного характера.

Зато доступны количественному анализу и безусловно представляют интерес **лексемы**, которые можно считать **ключевыми** в нашем материале. Особенно частотны и разнообразны лексемы, относящиеся к тематическим группам: ситуация забирания котика из приюта и отдельные компоненты данной ситуации (котик, волонтеры, новый / будущий хозяин), их оценочные характеристики (с точки зрения нового хозяина котика, категорий, признаваемых главными ценностями в волонтерском дискурсе, наконец, «с точки зрения» котика

и приписываемых ему мотивов). И данные тематические группы, и выделенные наиболее частотные ключевые лексемы (как и тоже интересные лексемы, частотность которых, наоборот, мала) являются значимыми для представления соответствующих актантов и слотов фрейма, который будет рассмотрен в следующем параграфе.

Количественные показатели для лексем (на материале, напомним, 614 ПИК, ок. 65 000 слов) (лексемы приводятся в начальной форме по убыванию частотности; жирным выделены те, частотность которых – большая или, наоборот, маленькая – видится нам особенно показательной): *человек* / *человечек* / *люди* – 690; *дом* / *дома* / *домой* – 534; *приют* – 366; *кот* – 314; *хозяин* / *хозяйка* – 289; *кошка* – 265; *котенок* – 239; *котик* – 220; *кошечка* – 215; ***ласка*** / ***ласковый*** / ***ласкать*** / ***ласкаться*** – **181**; ***улица*** – **179**; ***друг*** – **177**; ***добрый*** – **176**; *глаз* / *глаза* – 176; ***домашний*** – **156**; ***тёплый*** / ***теплота*** – **149**; ***любить*** / ***полюбить*** / ***любовь*** – **137**; ***нежный*** – **127**; ***верный*** – **118**; ***сердце*** – **100**; *пушистый* – 98; ***любимый*** – **86**; спокойный / спокойствие – 81; ***судьба*** – **79**; *лапы* / *лапа* – 74; *мурчать* (*замурчать*, *помурчать*, *намурчать*) – 70; ***чудо*** – **66**; ***красавица*** – **64**; ***душа*** – **63**; *спокойный* – 61; *опекун* – 58; *волонтер* – 57; *лапки* / *лапка* – 51; ***прекрасный*** – **51**; *характер* – 46; ***предать*** / ***предатель*** – **44**; *страшный* – 44; *красивый* – 43; ***милый*** / ***милота*** – **43**; ***сердечко*** – **42**; ***ответственный*** – **38**; *уличный* – 33; *преданный* – 31; *жестокий* – 29; *девочка* – 27; *переноска* – 24; *усыпить* / *усыпление* / *усыпалка* – 24; *игривый* – 23; *общительный* – 23; *человеческий* – 23; *шерсть* – 22; *смерть* – 21; ***дарить*** / ***дар*** – **20**; *бездомный* – 19; *доверчивый* – 19; *глазки* – 18; *мурлыкать* – 17; ***дружить*** / ***дружба*** – **15**; ***злой*** / ***зло*** – **14**; *шерстка* – 14; *лапочки* / *лапочка* – 12; *умереть* – 12; *щёки* – 10; *щёчки* – 9; ***безответственный*** – **7**; *изящный* – 6; *котейка* – 6; *человечный* – 6; *товарищ* – 5; *послушный* – 4; *живодер* – 3; *замурчательный* – 3; *интеллигентный* – 2; *котэ* – 0; *лысый* – 0; ***некрасивый*** – **0**; ***сдохнуть*** – **0**; *шкура*, *шкурка* – 0).

Стилистически высокие лексемы многочисленны и частотны, но перебора прямого пафоса в текстах стараются избегать: высокая лексика обычно сочетается со сниженной, нелитературной, «детской»: *Кому-то достался кусочек* ***лохматого и рыжего счастья!***, *Все невзгоды позади, теперь только* ***любовь и обнимашки***, *Самые чудесные* ***мурчуньи*** *приюта* ***утарахтели*** *в новую жизнь…*

Отметим редкость, даже единичность специальной (ветеринарной) **терминологии** (*перистальтика*, *седация*, *кормление через гастростому*).

Все тексты имеют **заголовки**, роль которых очень важна: все главные **ценности** жанра ПИК подаются в заголовках, как правило, эксплицированно и прямо (*Домашняя жизнь всем котикам к лицу*; *Наши коты отправились туда, где их ждёт только счастье*; *Она родилась на улице, а теперь домашняя и счастливая*; *Возьми котика – спаси Мир!*). Это же касается **антиценностей**, если заголовок предпослан иллокутивному типу (1) (см. выше) (*Котёнок сидел в мокрой коробке, а подростки смеялись над ним*; *Большевичку цинично бросили на улице в закрытой переноске*; *Фида тяжело переживает предательство «хозяев»*; *Яснорада: страшно быть ничьей кошкой*; *Я создана для дома, но судьба почему-то так не думает…*; *Ау, люди, приют – это временный дом, заберите нас, пожалуйста, домой*; *А вдруг нас никто не полюбит?*). Все средства **экспрессии**, используемые в текстах ПИК, используются и в заголовках даже в более концентрированном виде (*Малыши-карандаши спешат домой!*; *Мне остался один крошечный шажок пушистой лапки на пути к счастью!*; *У снежной королевы Арины оказалось доверчивое сердечко*; *Маленькая Груня, наш отважный борец за жизнь, стала домашней*; *Мы еще помурчим!*; *В золоте этих глаз можно утонуть*; *Добавить красок в их чёрно-белую жизнь*; *50 оттенков рыжего… Или кому звёздного котика?*; *Кому персональное рыжее солнышко?*; *Пушистое счастье с доставкой на дом!*; *Те, кто знают толк в мурлыканье в приюте не засиживаются*; *Секретик о целовательных носиках*; *Вам булочку с маком или корицей? А берите обе!*; *Полосатый пофигизм укрепляет организм!*; *Стопроцентное урчащее счастье едет домой*; *Он искал дорогу к счастью среди звёзд далёкой галактики*; *Вдохновение европейских чащоб у вас дома!*; *Искра из коробки – вот кто я такой!*). Кроме того, как уже было сказано, в заголовках всегда выставляются **смайлы**, маркирующие иллокутивный тип (жанр): экстренное сообщение о помощи, информация о котике для будущих хозяев, «письмо из дома».

4. Фрейм-структура

С точки зрения модели фреймового типа в содержательной структуре ПИК выделяются актанты / слоты:

Кот – кошка:
- ***внешн (Кот)*** – внешние данные кошки
- ***бол (Кот)*** – болезни кошки и др. физические и/или психологические проблемы
- ***псих (Кот)*** – «психология» кошки (в «очеловеченном» виде)

***Хоз*-прошл** – прошлый хозяин кошки

***Хоз*-нов** – новый или будущий хозяин кошки, взятой из «Муркоши»

***Дом*-нов** – дом для кошки
***Дом*-прошл** – прошлый дом кошки
Ул – улица, уличная жизнь, бездомность, опасности
Смрт – смерть от болезни, несчастного случая, усыпление
МК – приют «Муркоша»:
- ***Опек МК*** – опекун кошки из коллектива приюта «Муркоша»
- ***Волонт МК*** – волонтер (кто-либо, на различных ролях) из коллектива приюта «Муркоша»
- ***Нартр МК*** – автор историй о котиках (нарратор)

Дадим краткую характеристику использования и распределения языковых средств (прежде всего экспрессивных: метафор, особенно – концептуальных метафор, сравнений с «как» и без, определений, включая эпитеты) по актантам и слотам фрейма.

• ***Кот***: образ котика формируется, как представляется, тремя содержательными доминантами (концептами): любви-дружбы (как неразрывное единство) (отсюда – образ счастья коммуникации), сиротства и делания добра. Последняя соответствует доминанте волонтерского дискурса. Из двух оставшихся сиротство хорошо с ней сочетается (подчеркивается необходимость, адресность делания добра), а последняя – скорее противоречит ей (предполагается скорее взаимовыгодное сотрудничество, даже обмен, чем бескорыстное служение) и, вероятно, может быть объяснена ориентированностью на многообразие охвата неоднородной аудитории, где мотивы взять котика из приюта могут быть тоже разными (конечно, в ПИК не учитываются возможные маргинальные интересы клиентов).

Котик представлен в ПИК (и в счастливых, и в грустных) как ребенок, очаровательный (ласковый, дружелюбный, веселый, игривый, по-детски смышленый, а также – отчасти – проказливый и своевольный, что, конечно, только добавляет очарования), но несчастный (сирота). Ср. номинации «*девочка*», «*мальчик*», «*малыш*», «*малышка*» вместо не только котёнок, но и кошка, кот (взрослых) (ср. странное, но не кажущееся противоестественным сочетание *старенькая* и *малышка* в пределах одного текста: ***Старенькую*** *кошку кто-то оставил на улице в метель и мороз. Было очень холодно, а от страха эта* ***малышка*** *просто не могла пошевелиться*). Отсюда и метафорическое представление котика как ребенка через посредство «детского языка» (*кусь*, *тыгыдык*), диминутивов (*лапки*, *глазки*, *хвостик*, *серенький*, *старенький*, *пушистик*, *розовое облачко с глазками и ушками*), в т.ч. диминутивной редупликации (*замшевые лапочки*, *сладкий пирожочек*), «ласковой» авторской языковой игры (*очаровашка*, *красотун*, *ласкуша*, *обнимака*, *тихуша*, *пугляш*, *маленькая бояка*, *усатики*, *самопочесун*, *замурчательный*, *целовательный*, *тискательный*, *залипательный*, *котовщина-годовщина*, *мимиметры и няшкомеры перегорели от высоких показателей умилительности!*) и тоже «детских» метафор (ср.: *кроха*, *розовоносое чудо*, *серый комочек счастья*, *маленький кусочек нежной зефирки*, а также *ангел*, *ангелочек*, причем в двух значениях: 1) котика могут называть *ангелом* / *ангелочком*, 2) ангелы и т. п. могут следить за судьбой котика (и его человека)).

Образ котика-ребенка наполняет содержанием также метафоры семейных отношений, причем слово «*семья*» тоже имеет два значения: 1) «семья», где котик играет роль ребенка (хозяева – «родители»), 2) «семья», где «братья и сестры» котика – другие котята. Котик, отправившийся из приюта к новым хозяевам, именуется (*нашим*) *выпускником*, котик, которого долго не забирают из приюта, – *старожилом*.

Большим разнообразием отличаются **определения**, относящиеся к котику: прямые (*пушистый*, *трехцветный*), непрямые с невысокой степенью непрямоты (*игривый*, *изящный*) и, так сказать, самые непрямые – метафорические (*общительный*, *разговорчивый*), включая весьма сложные авторские метафоры (*философический*, *игривая торпеда*, *наш пушистый, ласковый, умнейший ручеек струящейся мглы*).

Как уже было сказано, одним из главных источников **непрямой коммуникации**, прежде всего **развернутых метафор**, является прием олицетворения – приписывание животным человеческих качеств: души и мышления (включая… способность писать лирические тексты от 1-го лица!).

В наибольшей степени это касается слота ***псих (Кот)*** («характер» котика, «внутренний мир», привычки, способности, склонности): котик представляется как *добрый*, *игривый*, *воспитанный*, *рассудительный*, *интеллигентный*, *общительный*, *контактный*, *тактичный*, *утонченный*, *стильный*, *стеснительный*, *хулиганистый*, *наблюдательный*, *деловитый*, *разговорчивый*, *ироничный*, *брутальный*, *харизматичный*, *начитанный* (так!), *экстраверт* и *интроверт*, *джентльмен*, *с философским отношением к жизни*, *королевских кровей* и т. п.:

<Кошка> посмотрела своей будущей хозяйке прямо в сердце;

Суровая мужская любовь кота Василио;

В боевом кошачьем сердце столько нерастраченной любви, что её хватит на троих;

Что творится в душе под рыжим подшёрстком? Виолочка по этому поводу думает, что это всё, конечно, грустно, но она обаятельна, кокетлива, мила и человеколюбива, а? значит скоро, может быть даже очень скоро, она снова обретёт дом. Ну и действительно, разве сможете Вы уйти от Виолочки, посмотрев в жёлтые глазища, однажды почесав рыжие щёчки, едва увидев, какие забавные мордочки она строит? Со всей ответственностью заявляем, что нет. И чего тогда ждать? Приходите, забирайте и любите! Наша красавица уже готова к новому счастью. А Вы?;

<Кошка> видит в мире сказку, робко оглядывается по сторонам, пытаясь очнуться от бесконечного кошмара, не желая признавать, что имя этому кошмару «жизнь»;

Пять килограмм серьезности, настойчивости и нерастраченной, по-мужски суровой любви;

Он не из нежных воздушных котов, которые будут бежать к вам со всех лап, нет. Василио другой. Он неспешно подойдет ко входной двери, услышав, что та открылась. Сверкнёт золотом глаз, показывая, что он скучал, и, лишь увидев в ответ вашу улыбку, сорвется с места. Боднет лобастой головой под колени, подставит спину под теплые ладони и громко затарахтит. Его любовь сурова и всеобъемлюща. Она заполнит собой все пространство, расползется, будто серые пятна по кошачьей спине и не потерпит конкурентов;

Сейчас кошечка очень растеряна. Она боится есть и смотреть в глаза волонтёрам. Ведь теперь она не понимает, можно ли вообще доверять кому-то в этом противоречивом мире. Закрывшись в себе, малышка продолжает винить себя за случившееся сразу предлагает поиграть или побегать… ну, или погладить черную спинку. Но уж потом точно придется немного пошалить, потому что энергия, фантазия и чистое озорство просто не дадут усидеть на месте. Ведь вокруг так много всего интересного, и волей-неволей ушки сами забираются на макушку. И тут уже легко вообразить себя охотницей, крадущейся за добычей… Мгновение! И она трепещет в лапках! Как не добыча? Чьи пятки? Да-да, заигравшись, Малибу может охотиться и на хозяйские ноги, но с удовольствием отдаст предпочтение иным объектам.

Несколько более редкое явление, чем метафора, – **метонимия**, **синекдоха** (*Очаровательные щёки готовы выехать в любой момент*; *Доброе сердце встретило котика*; *Спасение очередной, растоптанной улицей души*).

Для данного актанта характерно также частотное использование **нереальной модальности** для описания «душевных движений» котика (подчеркивается, что это лишь предположение), как и реального их прошлого, неизвестного автору ПИК:

Кот, который никому не нужен

Вареник – бывшедомашний котик, о судьбе которого хозяева не сильно беспокоились. Гулял он, где хотел и сколько хотел. И в один день потерялся. Незнакомые места, полные опасности, голод и испуг ввели Вареника в ступор. Десятилетний кот просто сидел на месте и жалобно мяукал, иногда подходил к прохожим в надежде, что кто-нибудь поможет.

Владельцам, видимо, было настолько всё равно, куда пропал кот, что они его даже не искали. ***А ведь его могли обидеть, он мог умереть от голода или попасть в лапы живодерам***. Хорошо, что растерянного и отчаявшегося Вареника нашли наши люди и привезли в приют.

Если Вы заметили, на всех фотографиях Вареник очень старается хорошо выглядеть! Потому что он снова хочет домой и поэтому прилагает все усилия, чтобы понравиться. И у малыша обязательно получится дождаться настоящего и преданного друга. Если Вареник сумел Вам понравиться, то Вы можете пройти онлайн собеседование по ссылке, и мы привезем Вам его домой.

Также в «очеловеченном» виде представляется «**коммуникация**» котика с человеком.

Одна из наиболее частотных метафорических моделей – представление отношений «человек ~ животное» как дружбы и любви (отсюда – использование многочисленных метафор дружбы и любви, присущих соответствующим «человеческим» концептам (см.: [6]) (ср. выше о высокой частотности лексем *друг* / *дружба*, *любить* / *полюбить*, *любимый*, *верный*, *преданный*, *душа* и т. п.). В ПИК ярко рисуется чудесный будущий мир дружбы, братства, единения человека и котика, многим пока неведомый. «Вкладом» котика в создание этого чудесного мира является любовь и ее выражение (по-своему) (<Кошка> *отдаст свое плюшевое сердечко*; *Спокойная и сообразительная Симура станет верной мурчащей подругой тому, кто поделится с ней теплом своей души*; *Гектор жил окружённый любовью и умеет любить сам, в его сердце тонна нерастраченной любви!*), «общение», веселые игры, попытки понять человека, даже помочь: поднять настроение, посочувствовать, наконец, лечить (!), а также самобытность и красота, милые проказы и очаровательная хулиганистость. Ср. «щедрое обещание от котика»: *«Мряу, человек! Уверен, такого как я, ты искал всю жизнь! Поэтому абсолютно бесплатно и совершенно добровольно готов заиграть твою руку в лучших традициях котовьей дружбы! Обследовать все просторы твоей квартиры, утеплить все горизонтальные поверхности модным чёрно-белым мехом и сутками напролёт вырабатывать для тебя позитив! Моя харизма будет ориентирована на тебя в самые кратчайшие сроки, любовь к человечеству сузится до масштабов тебя одного, а довольное тарахтение волной мурчания сметёт ненужный тебе будильник под кровать! И мы будем счастливы вместе! Так что не трать время и скорее за мной приезжай! Мы же с тобой идеальная компания, правда?»* или такое экзотическое «обещание»: *Я буду твоим до-*

мовёнком! От человека ожидается помощь, забота, ответственность, терпимость, стремление понять (*что творится в душе под шерсткой*), готовность тратить своё время, силы, эмоции, деньги (ср.: *…Просто подождать. Совсем немного подождать и собрать осколки разбитого сердечка, чтобы подарить его новому человеку. Тому, что всегда будет рядом, тому, что, засыпая, будет смешно хлопать рукой по краю кровати, проверяя, на месте ли его любимая кошка, а поняв, что Ягоды рядом нет, встанет, наденет тапочки и отправится на поиски. Потому что засыпать нужно рядом с любимыми, как, впрочем, и просыпаться*). При этом одна из наиболее частотных глагольных метафорических моделей – ***дарения*** (и со стороны котика, и со стороны человека); метафоры платы, одалживания, обмена отсутствуют.

Другая не менее показательная метафорическая модель – использование имен речевых актов, жанров, тональностей ***«человеческой» коммуникации*** для называния отношений человека и котика (интересно, что среди них есть не только типы и жанры монологической коммуникации (пение песенок, танцы), но и диалогической (светская беседа, разговор по душам, интервью):

Больше всего Агнес ждет родного человека, с которым вечерами будет говорить обо всем на свете, а когда в их дом придут гости, она легко поддержит любую ***великосветскую беседу***, особенно если ***разговор*** – за обеденным столом;

<Кот> сведущ в изящных искусствах, среди которых: пение, умение вести ***светскую беседу***, художественная гимнастика;

Гостей встретить – легко! ***Общение*** вообще мой конёк!;

Сколько этот кот ***счастливых и весёлых историй мог бы рассказать***!;

Наш котик-суперзвезда всегда найдёт для вас минутку: с удовольствием намурчит увлекательное ***интервью*** или сделает одолжение и подставит свой плюшевый бок для почесушек и ласк, ведь каждый мечтает прикоснуться к знаменитости!;

Сперва кошечка немного стеснялась на новом месте, но стоило только ***поговорить с ней по душам***, как оказывалось, что малышка очень ласковая, а мурлычет совсем как маленький гепард;

Даже котята умеют ***прощать***;

<Кот> сидел около подъезда и громко ***горевал*** о такой своей жизни;

<Кошка> очень хотела, чтобы её ***песенки*** поскорей услышали будущие хозяева и полюбили её всем сердцем;

его <кота> жизнерадостные ***песенки*** и нежные ***танцы лапками*** говорили нам о том, что он уже готов к своей главной встрече;

Этот ленивый, бывшеуличный, найденный на дачах франт станет украшением любого дома. Верным ***компаньоном*** любой, даже самой избирательной, дамы и отличным ***собеседником*** начитанному джентльмену;

Основная ***тональность*** Фосиного сопения стеснительная. Но в ней Вы услышите ***нотки опасения, тона мудрости и понимания, а ещё чуть слышные отзвуки надежды***. И если Вы услышите в этих отзвуках себя, то вам с Фосей точно по пути;

Знаете, чего мне больше всего не хватало, когда я жил в коробке под балконом? Чтобы кто-нибудь пришёл и ***спросил***: «Меченый, как у тебя дела?» – А я бы мурлыкнул: «Спасибо, теперь, когда Вы спросили – гораздо лучше. А давайте с Вами поболтаем?»;

Ханна осваивается в новом месте и ищет себе ***компаньонов для five o'clock tea***. Лучшей ***собеседницы*** Вам не найти. Ханна с удовольствием поделится с вами прелестными образцами ***британского юмора***, ***помурлычет о погоде*** и просто понежится у вас на коленях, пока за окном идёт дождь;

Изюмчик был провозглашён императором этих земель 8 октября 2019 года. Даже если тебя застукали в самой нелепой позе, фыркни и не забудь донести до подданных важнейшую мысль, попытка беспокоить господина во время ***медитативных практик*** карается тремя часами полного игнора со стороны Твоего Величества!

• Даже внешность кошки (слот ***внешн (Кот)*** актанта ***Кот***) хвалят часто тоже не прямо (*шерсть длинная*); а метафорически, описывая как бы человека (*на носу родинка*; *кошечка в белоснежных носочках и теплой полосатой шубке*; *шубки от кутюр (haute couture)*; *в улыбке Матильды прячется тайна*; *красавица с загадочным взглядом миндалевидных глаз*; *таинственная пушистая красотка с янтарными глазами*; *кошечка с самыми грустными глазами*).

В целом описания внешних данных кошки (шерсть, окраска, стройность, глаза, форма лап, хвоста) ожидаемо частотны и нередко ярки, хотя, в принципе, могут быть опущены благодаря качественным и многочисленным фотографиям (иногда – видеороликам), которые всегда прилагаются к ПИК:

Вы только посмотрите на эту красавицу: янтарные глазки, шерстка цвета темного шоколада и взгляд, который может вас загипнотизировать;

Леюшка обладательница грациозной внешности: шикарная пушистая шубка, красивый окрас и милейший морковный носик! Взгляд её ясных светлых глаз завораживает;

Природа с невиданной щедростью наградила котёнка шелковистой палевой шерсткой с красивыми узорами, белой манишкой, носочками, кисточками в ушах и трогательным розовым носиком…;

Ободранные уши, крупные мягкие лапы и серьезный взгляд настоящего котомужчины.

• Обилие экспрессии в слоте ***бол (Кот)*** – болезни котика и др. физические и/или психологические проблемы, связанные с плохим обращением с ним, – вызвано необходимостью вызвать жалость к нему, воззвать к чувству

справедливости (несправедливо, что такой замечательный котик так страдает):

В её глазах океаны слёз и одиночества;

Отсутствующий взгляд, страх, ужас – несчастная Ода изо всех сил билась головой о переноску, пытаясь провалиться сквозь землю, исчезнуть. От кого она убегала там, по другую сторону огромных стен? Кто её обидел и за что? Этого мы уже не узнаем никогда;

Каждое движение причиняло страшную боль. Каждый вдох заставлял кричать. С трудом выбравшись, весь в крови, я понял, что у меня всего 2 варианта: умирать или идти к людям. И я пошёл;

Нуна лежала под окнами, ожидая конца и надеялась, что сейчас они придут, помогут, пожалеют хотя бы. Ей пришли на помощь добрые люди, которые готовы на всё ради спасения жизни тех, кто слабее нас. Нуна долгое время провела в стационаре. От удара от её позвоночника оторвалось ребро, да и общее состояние кошечки было плачевным, но теперь всё позади;

Клюковка из последних сил пыталась отбиться от стаи ворон. Она звала на помощь, но была окружена голодными хищниками. Разве так должна была закончиться её, едва начавшаяся, жизнь? – Около подвала, в ужасе, одиночестве и агонии? От безысходности в свои 3 месяца, Клюковка в миг забралась на огромное дерево. Да, животные тоже хотят жить! Как и каждый из нас! Помимо прочего, малышка с головы до хвостика была полностью в мазуте! От увиденного кошмара стынет в жилах кровь и разрывается сердце… Но сдаваться нельзя, ведь нужно быть сильными и помочь бедняжке оправиться, чтобы ей больше не пришлось прятаться, спасаться и без оглядки убегать…

Несколько удивляет полное отсутствие пересечения с образом кота в русском фольклоре и паремиологии: с одной стороны – гедонизм и вороватость, с другой – верность, готовность защищать своих (друга, хозяина) даже в яростной борьбе (ср. сказку «Кот, петух и лиса»).

Отдельные качества из этого набора могут присутствовать в ПИК, например, котик-воин, но только с умилением и легкой иронией (*Присмотритесь ко мне! Я Воин! У меня усы, лапы, хвост и глаза-фонарики! Я этими фонариками врага ослеплю, деморализую и победю! Честно-честно победю! Никому Вас в обиду не дам!*) (ср. похвалу маленькому мальчику, играющему в солдатики: – Воин растет!), тогда как в русском фольклоре иронии нет.

Это заставляет задаться вопросом о возможных пересечениях с западным (английским, англо-саксонским) фольклором, тем более что к этой же культуре восходит и волонтерский дискурс, но этот вопрос требует отдельного исследования.

• ***Хоз*-прошл**: прошлые хозяева – выделяются только два типа: предатели или умершие. Хорошие прошлые хозяева могут умереть или… стать плохими после какого-то события – из них как нейтральное определяется только аллергическая реакция на кошку у кого-то из членов семьи, все остальные такие метаморфозы в ПИК оцениваются как предательство. К самым плохим качествам ***Хоз*-прошл** относятся бессердечие, предательство и… глупость: не оценили такого прекрасного котика, лишили себя счастья «общения» с ним. Показательно использование кавычек при слове «хозяева» и даже «люди» (*Фида тяжело переживает предательство* ***«хозяев»***; *Что с ней произошло? Очередная брошеная* ***«хозяевами»*** *кошка? Этого мы никогда не узнаем*; *5 котят* ***«люди»*** *обрекли на смерть в заклееной скотчем коробке*; <Кошка> *была в ужасном состоянии – трудно поверить, что* ***«людям»****, у которых она жила, было настолько наплевать на её здоровье*) (напомним, что в целом ирония малохарактерна для волонтерского дискурса).

Ср. следующие три ПИК, где отрицательные качества прошлого хозяина обличаются прямо и очень страстно:

Сансару, как ненужную вещь, выбросили в мешке

Мы дали ей новое имя в надежде, что бедняжка никогда не вспомнит ***причинённое хозяевами зло***. Она звала на помощь, но принятое решение было не изменить. ***Приговор за верность – мешок***.

«Братья наши меньшие» – фраза, предполагающая соответствующий смысл и отношение к животным. Но какждый раз убеждаешься, что люди ещё не готовы понять её значение… Сансара тоже не понимала, чем заслужила ***жестокость, о которой даже подумать страшно, не говоря о том, чтобы её испытать***.

Кошечка осталась одна, без защиты, уверенности в себе и доверия к остальным. В следующий раз она дважды подумает прежде чем открывать своё сердце добрым словам и чьим-то обещаниям.

У Сансары нет опекуна, будем благодарны любому, кто поможет погашать нам долги за содержание и лечение! Говорят, время лечит раны. Но остаётся главный вопрос – все ли?

Шесть беспомощных котят оставили в переноске в подъезде

Иногда кажется, что конец света уже наступил. Кто-то ***замуровывает и издевается***, а мы находим и боимся не успеть. Шестеро котят пищали в запечатанной коробке. ***Надеемся, виновники прочитают этот текст, ведь хочется, чтобы вы знали – судьбы малышей на вашей совести***. Ни в чём не виноватые, они простояли ночь на улице, описались, замёрзли и простыли! ***Сколько можно издеваться над беззащитными животными?! Как вообще получается оправдывать себя после подобных решений, продолжать спокойно спать и называть себя человеком?***

Кошачие ангелы-хранители среди нас

Мы не устаём поражаться ***бессердечности и скудоумию некоторых людей***… Бывшие владельцы

Тессы ***расчётливо планировали, как будут от неё избавляться***.

Сперва они решили отвезти кошку в лес, чтобы малышка там мучительно умирала от холода, голода и жажды, но потом всё же «сжалились», вышвырнув её на улицу около подъезда. Соседи по дому, узнав от консьержки историю Тессы, сразу побежали её спасать. Так у кошечки появились свои ангелы-хранители, которые доставили её в приют «Муркоша». А уже через 3 месяца мы познакомили трогательную Тессу с новой хозяйкой. Счастья вам, девочки!

• ***Хоз-нов*** – новый хозяин кошки (взятой из «Муркоши»): представляется как родитель (*котопапа*): это, пожалуй, наиболее логичное решение, но не всегда (иногда он подается как претендент в мужья, если котик женского пола (*На сердце и лапку Брауни было много претендентов*), при этом **котомамы* нет – зато есть мн. ч. *котородители*. Ср. другие интересные метафорические образы: переосмысление хозяина (вернее, хозяйки) как жены (!) (например, кот – король, она – королева), женщины, находящейся в поисках любовника (!), «мужа на час» (!), обратившейся в службу знакомств в поисках избранника, и т. п.:

У Маврикия появился котопапа, заботливый и ответственный, именно такой, каким и представлял себе его котёночек в своих детских мечтах. В добрый путь!;

Женщина с большим добрым сердцем, не медля вновь подарила ей счастье быть дома!;

Человек был пленен ее невероятным взглядом;

<Будущий хозяин> влюбится в бездонные зеленые глаза и восхитится теплотой и нежностью беспородного сердечка. Возьмет Спарту на руки и унесет домой, чтобы день ото дня, долгие годы дарить ей свою заботу и получать в ответ целый замурчательный мир кошачьей любви и преданности. Просыпаться и засыпать, слушая тихое пение Спарты, и улыбаться от щемящей нежности, что она дарит, свернувшись клубком на его груди. Осталось лишь дождаться хозяина;

Теперь она знает, что есть такие люди, с которыми ничего не страшно. В последний день уходящего лета сбылась заветная мечта Нуны, такая семья появилась и у неё. В добрый путь!;

Я слушаю соседей и пока получается, что дом – это сказка какая-то. Обычным сказкам я не доверяю, а в сказку про дом – очень верю! Она ведь правдивая?;

Человек, который за страхом и грозным шипением увидит её настоящую: с горящими верностью жёлтыми глазами, с согревающим теплом чёрной шубки и быстро бьющимся от волнения сердечком. Тот, кто шаг за шагом, сантиметр за сантиметром сможет преодолеть пропасть из недоверия и страха, получив в награду любовь дикой стихии по имени Шаэна. Безусловную, всеобъемлющую, ту, которую она готова подарить. Ведь на меньшее, вы двое не согласитесь, правда?

Характерно отсутствие разницы между образом будущего (отсутствующего в реальности) хозяина и нового хозяина, к которому уже отправился котик: оба подаются одинаково абстрактно-положительно, нет возрастной, социальной, психологической конкретизации (социальный статус, черты характера), тем более – внешности (хотя иногда об этом можно судить по фотографии: иногда на сайте помещаются фотографии котиков вместе с новыми хозяевами), максимальная конкретизация – по полу (хозяин–хозяйка).

Актант ***Хоз-нов*** составляют не только соответствующие персонажи, но и главный **адресат** ПИК, а одной из доминант ПИК является воздействие на адресата. Поэтому закономерно, что в поле реализации данного актанта входят также средства управления адресатом: обращения (прямые, от имени сотрудников приюта, и косвенные, «от имени котика»), прямые директивы (повелительное наклонение, начиная от непосредственно «*возьмите*» до более интерпретативно сложных «*Прижмите к сердцу мягкое полосатое и пушистое…*»), косвенные директивы с разной степенью непрямоты («*Вы просто обязаны…*»; «*Разве сможете Вы уйти от Виолочки, посмотрев в жёлтые глазища, однажды почесав рыжие щёчки, едва увидев, какие забавные мордочки она строит? Со всей ответственностью заявляем, что нет. И чего тогда ждать?*»; «*Ведь на горизонте ее ждете Вы! Человек, что, прижав к груди полосатого котенка, научится противостоять всему миру! С улыбкой решать навалившиеся проблемы, гладя полосатую спинку, отмахиваться от неприятностей и, весело смеясь, вводить всех недоброжелателей в ступор! И однажды, когда кто-то в очередной раз попытается вывести Вас из себя, Вы покрепче прижмете к себе Лапушку, хитро улыбнетесь и скажите: «А нам пофиг! У нас лапки!» Так почему бы не сделать это прямо сейчас?*») и будущее время; будущего времени много также при раскрытии актанта ***Кот (псих)***, что могло бы показаться странным, если бы не соответствовало общему приему олицетворения и метафоризации, особенно характерного для этого актанта; буд. время здесь часто сочетается с **модальностью уверенности** (ср.: *Розочка отправилась в новый дом, в котором она обязательно будет счастлива и любима долгие годы!*; *У Ягодки всё получится!*; *Шанс, который обязательно скоро перерастет в нечто большее и подарит Спарте встречу с самым долгожданным человеком в этом мире – хозяином. Он обязательно придет за ней в приют, именно за ней, самой обычной неприметной кошкой. Влюбится в бездонные зеленые глаза и восхитится*

теплотой и нежностью беспородного сердечка. Возьмет Спарту на руки и унесет домой, чтобы день ото дня, долгие годы дарить ей свою заботу и получать в ответ целый замурчательный мир кошачьей любви и преданности).

К средствам воздействия на будущего хозяина относятся все экспрессивные средства, отмеченные выше, а также многочисленные грустные и жизнеутверждающие **сентенции** (среди которых, мягко говоря, не все небесспорные):

Мир суров, в нём не всегда по достоинству ценятся добродетели вроде смирения, доброты и терпения;

Домашнее счастье всегда дома, всегда в сердце и всегда рядом;

Кошки не должны оставаться одни;

Каждая девушка является хранительницей домашнего очага и уюта. Так и каждая домашняя кошечка приносит в свой дом только теплоту и уют и дарит своим хозяевам свою девичью любовь и умиротворение!;

Черно-белые котики создают особый комфорт в доме;

Самый верный способ заманить в дом счастье – это завести рыжую ласковую кошку!;

Кошки – существа грациозные, своевольные, прекрасные, а ещё часто забавные, милые и хлебобулочные, в общем, просто удивительные;

Кошки бывают разными. Встречаются среди них игривые непоседы, пушистые ленивицы и активные короткошёрстые спринтеры. Кошки бывают рыжими, чёрными, пятнистыми, полосатыми. Но какой бы ни была кошка – она всегда личность. И личность эта проявляется не в окрасе и длине шерсти, а прежде всего в характере. В том огромном мире, который умещается в кошачьем сердечке;

Как же жестока порой эта жизнь…;

Жестокость не имеет пределов. Ей безразлична преданность, верность, растоптанная в один день, чья-то жизнь;

Не все люди имеют душу;

Люди часто поступают так, для них это нормально. Только вот животному, неспособному постоять за себя и выжить, этого не объяснишь;

Как пережить предательство хозяина?;

Почему к некоторым судьба особенно жестока? Отчего спешит снова и снова проверить на прочность, а на ласку, доброту и искренность отвечает очередным ударом? Как найти в себе силы сохранить любовь к человеку, когда раз за разом её топчет предательство?;

Почему человек разрушает всё к чему прикасается? Обесценивая жизни, которые не дарил, предавая надежды, которые не собирался оправдывать?;

Люди умеют разбивать мечты и предавать не только себе подобных, но и тех, кто без их человечности не выживет;

Как легко люди могут распорядиться чужой жизнью. В наши дни человек способен творить зверства, которые даже представить страшно. Мы удивляемся, откуда в мире столько зла? А ведь ответ кроется в каждом, кто прошёл мимо, не спас, выбросил, предал;

Сколько можно издеваться над беззащитными животными?!;

Даже котята умеют прощать.

• Для актанта ***Дом-нов*** также характерно большое количество будущего времени и нереальная модальность (что вполне логично), отсюда – многочисленные и очень разнообразные, часто неожиданные «художественные» повороты, аллюзии, олицетворения – часто через призму «психологии» и «мыслей» котиков: новый дом – мечта, вожделение, восторг, которые передают, например, прецедентные тексты, восходящие к веселым детским произведениям и названиям реалий (*Я теперь не просто Клюковка! Я Клюква в сахаре!*; *Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везём домой кота!*; *Раз, два, три, четыре, пять! Будем дома мы играть*; *Мальчишек и девчонок, и их кородителей счастливыми на фото увидеть не хотите ли?*; *Наши котики разлетаются, как пирожки!*; *Сейчас уши разверну как вертолёт и каааааак полечу домой!*; *Нуна всё летала, Нуна так и знала, что мечты лишь мало, для любви ла-ла-ла…*). Препятствия – враги, с которыми приходится бороться, например, аллергия у хозяев:

Если котикам можно было учиться, они бы выучились на врача

Эльвира: – Если бы котикам можно было учиться, я бы выучилась на врача. И обязательно нашла бы лекарство от аллергии. Аллергии, которая становится приговором для многих хвостиков. Аллергии, что стала приговором для меня.

Эльвира. Россыпь рыжих шерстинок на серой мордочке, бархатный нос и… разбитое сердце. Месяц счастья за спиной, месяц радости и доверия и… осколки разбитой в одночасье мечты. Приют. Снова приют – и оживший страх одиночества. Приют – и сожаление в наполненных грустью кошачьих глазах. Без вины виноватая. Одна из многих.

Однажды она обязательно найдет в себе силы вновь поверить людям. Однажды янтарные глаза обязательно вновь заискрятся теплым счастьем. Однажды… А пока она подавлена. Свернувшись клубком в уголке вольера, Эльвира грустит. Грустит и мечтает, что однажды люди найдут лекарство от предательства, найдут лекарство от аллергии. И она, Эльвира, еще будет счастлива и кому-то по-настоящему нужна.

И мы знаем, что мечта малышки Эльвиры обязательно сбудется. Через неделю, через месяц, а может быть, уже сегодня? Сегодня, когда мы пригласим всех вас, наших друзей, поддержать разбитое сердечко! Сегодня, когда ваша забота, репосты, добрые слова склеят кусочки разбитой надежды и сотворят для Эльвиры чудо! Чудо быть любимой кошкой вопреки всему!

Ведь вы поддержите Эльвиру, правда?

Или такое оригинальное «космическое» решение:

Что общего у кота Плутона с небесным тезкой?

Не много. У небесного Плутона есть спутники, а наш жил совсем один во дворе дома у водопроводных труб. Небесный нет-нет, да и приблизится к Солнцу, а наш пока старается держаться ото всех подальше (но это, мы уверены, ненадолго!).

Небесный состоит из камня и льда, а наш из теплоты, милоты, и доброты.

Небесного понизили и дали ему номер. У нашего Плутона тоже появился номер. Номер чипа! Потому что он теперь не какой-то малоизученный космический объект, а самый настоящий официальный котик! У него и документ есть!

Но главное отличие в том, что небесный так и будет кружить в холодном космосе, а наш скоро, и даже очень скоро станет членом дружной семьи, которая проявит немного терпения, чтобы дать Плутону поверить в счастье. А он подарит им целый космос любви! Кому же? Может быть вам?

На уровне **синтаксиса** котик, хозяева, их отношения (актанты ***Хоз-нов*** и ***Дом-нов***) могут быть в ролях разных **компонентов логического высказывания**: ***Хоз-нов*** – подлежащее, дополнение, реже – обстоятельство (места); к нему м.б. обращение (2-го л.) или от его имени (1-го л.); ***Кот*** – подлежащее (субъект), объект, тоже нередко 1-го л.; практически никогда – 2-го л.

В **социолингвистическом** отношении важно также впечатление взаимопонимания и одинаковости, создаваемое тоже одинаковым (неофициальным и часто сниженным) языком (жаргонизмы, «детская речь»).

Следующие два актанта – наиболее негативно подаваемые ***Ул*** и ***Смрт*** – обычно связаны со слотом ***бол (Кот)*** причинно-следственной связью:

• ***Ул*** – улица, уличная жизнь, бездомность, опасности (люди (живодеры), машины, собаки):

На улице за жизнь всегда нужно платить. И Василио платил. Когтями, зубами, бегом, а иногда, в редкие, не похожие на другие дни, лаской;

…уличные драки не прошли даром и оставили свой след: у Василио лейкоз;

…подвал, машины, холод, страх – куда бежать? Что делать?;

…ее маленьким котенком в сильный мороз подкинули к дверям ветклиники;

Это грустная история. Мы жили в подвале. Потом случилась беда – мама погибла, и мы остались одни. <…> Из-за моего уличного любопытства я повредил лапу, и у меня нет хвоста, зато теперь есть еда, кров, безопасность и главное – надежда на Дом!;

…малыш Маврикий выживал на территории промзоны; сменил ужасы уличной жизни на уютное тепло приюта;

У Нуны в прошлом настоящая трагедия. Она выпала с восьмого этажа из не обеспеченного должным уровнем защиты окна. Нуна этого не знала, а её хозяева не особенно беспокоились. Они даже не стали выяснять, жива ли их питомица. А Нуна лежала под окнами, ожидая конца и надеялась, что сейчас они придут, помогут, пожалеют хотя бы. Ей пришли на помощь добрые люди, которые готовы на всё ради спасения жизни тех, кто слабее нас;

Каждое движение причиняло страшную боль. Каждый вдох заставлял кричать. С трудом выбравшись, весь в крови, я понял, что у меня всего 2 варианта: умирать или идти к людям. И я пошёл. Не смотрите это видео, если считаете, что бездомные животные – естественный порядок вещей и судьба справедливо расставляет всё по своим местам!;

Клюковка из последних сил пыталась отбиться от стаи ворон. Она звала на помощь, но была окружена голодными хищниками. Разве так должна была закончиться её, едва начавшаяся, жизнь? – Около подвала, в ужасе, одиночестве и агонии? От безысходности в свои 3 месяца, Клюковка в миг забралась на огромное дерево. Да, животные тоже хотят жить! Как и каждый из нас! Помимо прочего, малышка с головы до хвостика была полностью в мазуте! От увиденного кошмара стынет в жилах кровь и разрывается сердце… Но сдаваться нельзя, ведь нужно быть сильными и помочь бедняжке оправиться, чтобы ей больше не пришлось прятаться, спасаться и без оглядки убегать..

• ***Смрт***: (этот актант присутствует в ПИК преимущественно имплицитно): хотя трагическая смерть является логичным следствием опасностей уличной жизни, богато представляемых в ПИК, сама по себе не педалируется:

В одну подмосковную церковь очередные недолюди подбросили котят. Сестра священника запретила кормить малышей, чтобы «не приваживать» их к территории, забыв о милосердии и о помощи ближним. Чисты сердцем и добры оказались в этой ситуации только дети одной семьи, посещающей церковь – они пожалели других, пушистых детей, забрали тайком от родителей и некоторое время прятали котят в парнике, нося им еду. Вскоре об этом узнали родители, и с помощью друзей – наших волонтеров – привезли котят к нам в приют. Дальше уже врачи боролись за жизнь и здоровье этих несчастных подкидышей. ***Вторая кошечка, к сожалению, не выжила, уличный голод и болезни истерзали её организм раньше, чем пришла помощь***. Ингеборга со временем выздоровела и постепенно стала забывать об ужасах прошлого;

В одном из московских дворов появились два миленьких котёночка, серо-полосатая девочка и огненно рыжий мальчишка. Они были очень дружны, всегда играли в догонялки друг с другом, ловили бабочек и жучков, носились по двору, как и положено непоседливым котятам. Добрые люди подкармливали их и пытались найти им хозяев, но безуспешно. ***А потом случилось ужасное. Один из котят попал под колёса машины. Малыша срочно отвезли в стационар, прооперировали, но спасти его жизнь не удалось. Увы, улица слишком опасное место для котят***, потому было принято решение, срочно забрать оставшегося котёнка с улицы.

Зато, наоборот, развернуто и образно подается другой тип смерти – когда больная кошка

умирает на руках любящих и заботливых хозяев (особенно если те взяли в приюте уже неизлечимо больную кошку на «дожитие»):

Прощальный привет из прошлого от кошечки Кристл…

Это очень особенный Привет, грустный и радостный, как и вообще всё в нашей жизни.

В начале прошлого года молодая семья взяла у нас в «Муркоше» кошечку. Малышка была смертельно больна, и одному Богу было известно, сколько времени жизни ей было отпущено. То есть «она изначально пристраивалась как особенная, с неопределенным сроком жизни из-за болезни, по сути, на доживание».

Это большой подвиг, взять заведомо проблемное животное….

Первый привет из дома от 25.03.2018: «Здравствуйте!

Котейка активная:)

Кристл дома уже освоилась. Смотрит хоккей сейчас с нами увлеченно)))»

Первый привет из дома от 25.03.2018: «Здравствуйте!

Котейка активная:)

Кристл дома уже освоилась. Смотрит хоккей сейчас с нами увлеченно)))»

В общем, ребята боролись за жизнь кошечки, как могли… но саркома оказалась сильнее… однако последние дни своей жизни малышка видела только огромную любовь, заботу и внимание.

Спасибо вам, ребята…! ♥

Авторы ПИК не пытаются нагнетать и смаковать страшные истории и жуткие сцены: многое уходит в имплицитный план: «понимающим», «хорошим» людям все и так очевидно.

• Наконец, сотрудники «Муркоши» (слоты ***Волонт МК*** и ***Опек МК***), как и хорошие новые хозяева котиков, готовы дарить котикам любовь и заботу, но, в отличие от хозяев, в их мотивах отсутствует выгода, взаимовыгодный обмен (хотя некоторые опекуны действительно забирают себе особенно приглянувшихся или несчастных котиков). Подчеркивается эмоциональность ***Волонт МК*** и ***Опек МК*** (искренняя радость, когда находятся хозяева для очередного котика (*Провожая таких особенных питомцев, мы плачем от счастья*); боль и сочувствие, когда рассказывается грустная история (иногда даже прорываются нотки отчаяния: *Всякий раз мы поражаемся жестокости и безответственности людей, которые бросают своих четвероногих друзей на произвол судьбы. Казалось бы, волонтёры должны к этому привыкнуть, но глядя в грустные голубые глазки Арины, вновь удивляешься чёрствости и бессердечию таких «хозяев»*; *Иногда у нас опускаются руки: кто-то замуровывает и издевается, а мы находим и боимся не успеть. Маленькие котята пищали в запечатанной коробке. Ни в чём не виноватые они простояли ночь на улице, описались, замёрзли и простыли!*); переживания за их беды в прошлом и настоящем (например, долго никто не забирает из приюта)), при этом – вера в лучшее будущее для всех котиков приюта (*За содержание Евы накопились огромные долги в размере 58061 р. Мы вынуждены открыть срочный сбор на их погашение и будем благодарны каждому, кто протянет руку помощи нашей подопечной. Потому что вопреки всему, мы* ***верим*** *– ненужных не бывает!*; *Мы открываем сбор на содержание котика. И будем благодарны каждому, кто не пройдет мимо чужой беды. Мы* ***верим****, беда чужой не бывает!*; *Мы* ***уверены****, совместными усилиями можно помочь любому брошенному и разочарованному питомцу, какой бы сложной не казалась задача в начале пути*; *Мы* ***уверены****, что любящая семья поможет преодолеть Купидону все его страхи*; *Мы* ***верим****, что её обязательно ещё полюбят! Масюню, полосатую непоседу, которой сейчас очень страшно и одиноко…*; *Мы пишем этот пост, вкладывая в каждую его строчку боль одиночества забытого всеми кота,* ***в надежде****, что человек Майкла все же его заметит*).

Выводы

Итак, был рассмотрен жанр ПИК, широко распространенный в современном интернет-пространстве, хорошо знакомый как «кошатникам», так и вообще всем завсегдатаям Интернета.

Были показаны некоторые речежанровые связи природы ПИК с другими, традиционными жанрами (медиа, реклама, прежде всего социальная): их объединяет роль непрямой коммуникации в текстопостроении и иногда (у рекламы – всегда) уходящая в имплицитный план практическая иллокутивная цель; различает – разное отношение к ценностям, которыми оперирует автор ПИК.

ПИК рассматривались в связи с доминантами волонтерского дискурса, что помогло установить, что содержательными (ценностными) доминантами данного жанра являются несколько противоречащие друг другу выгода (обретение прекрасного котика, радости «общения» с ним) и бескорыстие (бескорыстное служение – котику, миру в целом для его улучшения).

Котик дается в очеловеченном виде (отсюда, а не только от «рекламной» интенциональности, – много непрямой коммуникации, в том числе метафор, стилизации текстов ПИК под различные «человеческие» жанры), чаще всего – как ребенок (отсюда хозяин – несколько менее часто – как родитель; прошлый хозяин, отказавшийся от котика, – предатель). Отсюда же – многие «детские» жанры, имитация особенностей детской речи и речи взрослых в общении с детьми: тематические группы, тер-

минология («игрушки», «вкусняшки»). Этот же прием олицетворения обусловливает наибольшее разнообразие экспрессивных средств при раскрытии «наиболее метафорических» актантов фрейма – «характер» котика и «общение» (дружба, любовь) котика и хозяина.

Наиболее частотными актуализируемыми в ПИК являются нарративные типы историй, основанные на стилизации (прежде всего – жанры автобиографии «от лица» котика, «диалога» котика с будущим хозяином и т. п.). При этом данные нарративные типы принципиально вторичны по отношению к генеральной интенции ПИК – найти новых хозяев для котиков приюта – и пяти конкретным иллокутивным типам ПИК (экстренное сообщение о помощи, информация о котике для будущих хозяев, «письмо из дома» и т. д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Values of Volunteering : Cross-Cultural Perspectives / ed. by P. Dekker, L. Halman. New York : Kluwer academic ; Plenum Publisher, 2003. XIV. 226 p.

2. *Филиппова Т. А.* Лингвосемиотика англоязычного волонтерского дискурса : автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 23 с.

3. *Оберемко О. А., Оберемко Т. В.* Дискурсивные практики самоопределения участников российского волонтерского движения // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. 2014. № 4. С. 91–100.

4. *Елина Е. Г.* Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 193–199. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199

5. Рекламный дискурс и рекламный текст : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М. : Флинта ; Наука, 2011. 296 с.

6. *Воркачев С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2007. 284 с.

REFERENCES

1. Dekker P., Halman L. eds. *The Values of Volunteering : Cross-Cultural Perspectives*. New York, Kluwer academic, Plenum Publisher, 2003. XIV. 226 p.

2. Filippova T. A. *Lingvosemiotika russkoyazychnogo volonterskogo diskursa* [Linguosemiotics of Russian-language volunteer discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2014. 23 p. (in Russian).

3. Oberemko O. A., Oberemko T. V. Discursive practices of self-determination of the Russian volunteer movement. *Political Expertise : POLITEX*, 2014, no. 4, pp. 91–100 (in Russian).

4. Elina E. G. The Oral Narrative of a Student Activist as a Speech Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 193–199 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199

5. *Reklamnyy diskurs i reklamnyy tekst : kollekt. monografiya, nauch. red. T. N. Kolokol'tseva* [Kolokoltseva T. N., ed. Advertising discourse and advertising text : collective. monograph / scientific]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 296 p. (in Russian).

6. Vorkachev S. G. *Lyubov' kak lingvokul'turnyj kontsept* [Love as Lingvocultural concept]. Moscow, Gnosis Publ., 2007. 288 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 1.10.2020 / После рецензирования 16.11.2020 / Принята 12.12.2020

Received 1.10.2020 / Revised 16.11.2020 / Accepted 12.12.2020

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *И. А. Кочкаева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 24.11.2021. Подписано в свет 30.11.2021.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.56 (10.25). Тираж 500. Заказ 148-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.